

Научно-популярная серия РФФИ

В. А. Горончаровский

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

АНТИЧНАЯ КРЕПОСТЬ ИЛУРАТ
В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ

Санкт-Петербург
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

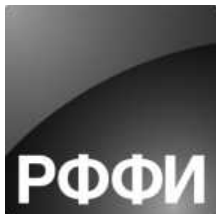
В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

**НА ПОДСТУПАХ
К СТОЛИЦЕ БОСПОРА**

**АНТИЧНАЯ КРЕПОСТЬ ИЛУРАТ
В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ**

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2019

ББК 63.4
Г70

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-19-40007, не подлежит продаже*

Рецензенты:

д-р ист. наук А. Н. Кирпичников (ИИМК РАН), д-р ист. наук И. Л. Тихонов (СПбГУ)

Горончаровский В. А.

Г70 На подступах к столице Боспора. Античная крепость Илурат в Восточном Крыму. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — 120 с., ил.

ISBN 978-5-8064-2611-7

Книга посвящена одному из уникальных по сохранности археологических памятников Восточного Крыма — античной крепости Илурат первых веков н.э. С начала XIX в. она традиционно исследовалась российскими учеными, и в силу этого непосредственно связана с историей отечественной археологии. Автор в увлекательной форме рассказывает об известных археологах, проводивших изучение Илурата и сделанных ими открытиях. Особое внимание он уделяет последним десятилетиям раскопок этого города-крепости, дополняя их собственными воспоминаниями о пятнадцати проведенных здесь полевых сезонах.

Это издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Северного Причерноморья античной эпохи. Оно может стать своего рода путеводителем по Илурату, включенному недавно в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

ББК 63.4

Goroncharovsky V. A.

On the approaches to the capital of the Bosphorus. Ancient fortress Iluraton in Eastern Crimea. — St. Petersburg: The Herzen State Pedagogical University, 2019. — 120 p., ill.

The book is dedicated to one of the most unique in the preservation archaeological sites of Eastern Crimea — ancient fortress Iluraton of the first centuries AD. Since the early nineteenth century it has traditionally investigated by Russian scientists, and therefore it is directly connected with the history of native archaeology. The author tells by fascinating way about the famous archaeologists who conducted the study of Iluraton and their discoveries. He pays special attention to the last decades of excavations of the city-fortress, complementing their own memories about the fifteen field seasons held here.

This edition is intended for a wide range of readers, which interested in the history and culture of the Northern Black Sea Coast of the Classical epoque. It can become a kind of guide for Iluraton, which recently included in the Eastern Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve.

© В. А. Горончаровский, 2019

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019

© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2019

ISBN 978-5-8064-2611-7

*Моему учителю Игорю Георгиевичу Шургая
и всем, кто отдал часть своей жизни Илурату,
посвящается*

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ (ОТ АВТОРА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Почти тысячелетний отрезок времени связан для юга нашей страны с историей Боспорского государства, возникшего в V в. до н. э. на берегах Керченского пролива, носившего в древности название Боспора Киммерийского. Когда-то античные географы проводили по нему границу между Европой и Азией. Здесь проходил торговый путь, который вел в Меотиду (Азовское море) и открывал доступ к устьям двух больших рек — Гипаниса (Кубани) и Танаиса (Дона). В археологическом отношении это уникальная заповедная зона с целым созвездием античных городов, отмеченных на любой туристской карте. В число их входит и Илурат, город-крепость I–III вв. н. э., в те времена, когда на месте современной Керчи находилась столица Боспорского царства — Пантикапей, защищавший западные подступы к нему от нападений кочевников, занимавших степи и предгорья Крыма.

Этот древний город лежит в стороне от обычных туристских маршрутов, хотя и не так уж недоступен: достаточно после указателя 14 км по Феодосийскому шоссе от Керчи свернуть налево к селу Ивановка. Если двигаться другим путем, то нужно доехать до пос. Приозерное и идти к Илурату три километра пешком, любуясь по левую сторону от дороги красотами бескрайних степных просторов (рис. 1), где еще дурманит своим стойким горьковатым запахом полынь и нередко можно увидеть лисицу или зайца.

Мое первое свидание с Илуратом произошло сорок шесть лет назад и прилагательное «первый» в данном случае можно употребить много раз: закончился первый курс на кафедре археологии Ленинградского государственного университета, предстояла первая археологическая экспедиция. Весной 1972 г. вопрос о том, куда отправиться на раскопки, решил сам собой. Когда Антонина Владимировна Давыдова, учившая нас азам археологической науки, спросила после лекции: «Есть ли желающие поехать в античную экспедицию?», поднялись две руки. Так студенты Владимир Горончаровский и Юрий Виноградов получили предложение поработать в составе Илуратского отряда Боспорской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Но сначала нужно было встретиться с его руководителем, кандидатом

Рис. 1. Вид городища Илурат с дороги в село Ивановка

исторических наук Игорем Георгиевичем Шургая. Тогда ему было всего 38 лет, но внешне он казался солидным мэтром. В подвижном лице, эмоциональной речи и жестах рук чувствовалась грузинская кровь. Он рассказал нам о жизни в палатках и о том, какое замечательное место этот Илурат, где даже нет комаров, потому что их ветер уносит. Позднее выяснилось, что насчет комаров это была шутка, а вот постоянно дующий в одном направлении ветер действительно присутствовал. Стоило за столом поднять над миской с борщом ложку, как брызги с нее летели прямо на ближайших соседей. В тот год рубашки с россыпью красных пятен на плече стали знаком отличия всех илуратцев.

Экспедиция началась с того, что в июле поездом, на пароме через пролив мы прибыли в Керчь. С арендой машины и получением оборудования на контейнерной станции оказались проблемы. В итоге выехать в Ивановку, вместе с группой приехавших на археологическую практику студентов Академии художеств удалось только под вечер, в дождь. Затем мы переправились через широко разлившуюся речушку, которую в сухую погоду можно было перейти, почти не замочив ног, и бросились наверх, чтобы увидеть, наконец, руины древнего города. Надо сказать, что книжное представление об античных археологических памятниках достаточно далеко от реальности и сначала впечатление от Илурата было не лучшим: какие-то непонятные, поросшие деревьями развалины. Впрочем, уже первые недели раскопок в самом центре города (рис. 2), где ожидалось открытие большой площади, все изменили. Постепенно пришло понимание, внутреннее ощущение памятника, где сохранились стены и башни,

Рис. 2. Раскопки в центре Илурата. Июль 1972 г.
На переднем плане В. А. Горончаровский и Ю. А. Виноградов

улицы и дома, где, при небольшой доле воображения, жизнь боспорян обрела вполне зримые формы. Этот полевой сезон, хотя вместо площади мы открыли всего лишь перекресток двух главных улиц, решил главное — мы заболели античностью и бросились читать все об Илурате и Боспорском царстве. Жребий был брошен. Впереди нас ожидали годы раскопок, как в Илурате, так и в других концах нашей тогда «единой и неделимой» страны, но первое «поле», как первая любовь, навсегда запечатлелось в памяти со всеми подробностями почти фольклорного характера. Так, именно в 1972 г. среди рядовых участников раскопок вошел в моду желтый цвет и на знамени экспедиции зашагал с лопатой на плече симпатичный желтый грызун, что объясняется попыткой перевести название крепости с английского (yellow rat — желтая крыса).

Эта небольшая книга об археологическом памятнике, давно достойном статуса заповедника¹, является скромной данью памяти Учителя и тех «непрофессионалов», кто отдал Илурату несколько своих отпусков или хотя бы часть студенческих каникул.

¹ Книга написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 17-41-93519.

Глава 1

«ИЗГНАННИК НА КРАЮ ЕВРОПЫ»

«Изгнанник на краю Европы» — так назвал себя в письме французскому королю Карлу X человек, стоявший у истоков изучения Илурата, как и боспорской археологии вообще — Поль Августин Дюбрюкс (1770–1835). Ему выпала интересная и нелегкая судьба: покинуть родину из-за революционных потрясений конца XVIII в., пройти всю Европу и, после долгих скитаний, обрести свое подлинное призвание на земле России.

Как выяснилось недавно, благодаря усилиям французских архивистов, П. Дюбрюкс родился 31 августа 1770 г. в маленьком городке Жамуань герцогства Люксембург, тогда принадлежавшем Австрийской империи, в той его части, которая теперь входит в состав современной Бельгии. Впрочем, семья Поля по своим языку, культуре, да и чисто практическим интересам, больше тяготела к расположенной неподалеку Франции. Своей фамилией он был обязан отцу — дворянину Селестену Алексису Симону Гийому, прозванному Дюбро или Дюбрю, что на местном диалекте означало густые лесные заросли, где скрывается дичь. Такие прозвища не даются зря, и, видимо, оно отражало всепоглощающую страсть к охоте, которая позднее переросла в жажду военных подвигов. Вскоре после начала Семилетней войны 1756–1763 гг. восемнадцатилетний Селестен Дюбрюкс, не раздумывая, стал солдатом набиравшегося для французской армии корпуса королевских волонтеров, где вскоре дослужился до офицерского чина. Он участвовал в Ганноверской (1758 г.), Антильской (1759 г.) и Корсиканской (1768 г.) кампаниях, где отдельные роты волонтеров играли роль своего рода морской пехоты. Получив за свои заслуги небольшую пенсию от морского ведомства, Селестен вернулся домой. Продолжение его карьеры связано со службой во французской пограничной страже. Где она протекала неясно, но, если позднее, уже в России его сын указывал в качестве своей родины провинцию Франш-Конте на границе со Швейцарией, то, скорее всего, именно здесь и прошли юные годы будущего археолога. Возможно, уже тогда пробудился его еще неосознанный интерес к древностям. Ведь на улицах Безансона, столицы провинции, можно было видеть включенные в городскую архитектурную среду такие памятники прошлого, как остатки римского акведука и так называемые Черные ворота — триумфальную арку императора Марка Аврелия (161–180). На этом взметнувшемся ввысь почти на семнадцать метров в высоту сооружении (рис. 3) вполне явственно проступали изъеденные

временем рельефы, изображавшие Диоскуров и Дедала, битву олимпийских богов и гигантов и эпизоды войны между такими «гигантами», как Римская империя и ее воинственный восточный сосед — Парфия.

Поль, старший из четырех сыновей Селестена Дюбрюкса, поначалу не особенно задумывался над проблемой жизненного выбора и решил пойти по стопам отца. В 1784 г. он в чине младшего лейтенанта вступил в полк альпийских стрелков, а через пять лет поднялся еще на одну ступеньку военной карьеры и стал лейтенантом. Видимо, с этим периодом связано знакомство молодого офицера с собраниями античных древностей в Париже. Впоследствии он не упустил случая осмотреть «антики» в кабинетах редкостей в Мюнхене и Мангейме.

Вскоре начавшаяся революция положила конец спокойному существованию французского дворянства. Первые аристократы начали уезжать из страны уже в июле 1789 г., но массовая эмиграция началась летом 1791 г. после попытки бегства короля Людовика XVI из Парижа. Францию покидали политические деятели, военные, представители духовенства, ученые, художники, архитекторы и писатели. Всего по разным оценкам в эмиграционные списки было внесено от 100 до 150 тысяч человек, осужденных на вечное изгнание. Их имущество подлежало конфискации и распродаже. В 1792 г. двинулось в путь и семейство Дюбрюксов. Это произошло после того как его глава, уже собравшийся было уйти в отставку, утратил право на положенную пенсию. Короля Людовика XVI к тому времени фактически уже лишили власти, и новое революционное правительство, возглавляемое жирондистами, объявило войну Австрии, стремившейся к восстановлению абсолютной монархии во Франции.

Дюбрюксы не собирались отрекаться от роялистских взглядов и вскоре оказались за границей, в немецком городке Кобленце. Здесь Поль, вместе с отцом и братом, Этьеном Туссенем, вступил в корпус под командованием принца Людовика-Жозефа Конде (1736–1818), где уже находилось более 5 тысяч эмигрантов, в основном офицеров и генералов, готовых в составе австрийской армии воевать против революционной Франции. Последовавший призыв «Граждане, Отечество в опасности!» всколыхнул всю страну и битва при Вальми 20 сентября 1792 г. похоронила надежды на скорую

Рис. 3. Триумфальная арка Марка Аврелия в Безансоне

реставрацию прежних порядков. Чтобы продолжать борьбу, нужны были значительные средства, и принц Конде обратился за помощью к Екатерине II. Она ненавидела революцию и откликнулась на эту просьбу, послав к эмигрантам их соотечественника, герцога Армана Эммануэля Ришелье (1766–1822)², с двумя бочками золота и предложением основать французскую колонию на восточном берегу Азовского моря. Деньги были с благодарностью приняты, но от прочего Конде предпочел уклониться. Пять лет походов и сражений завершились поражением Австрии и Кампо-Формийским миром 1797 г., продиктованным молодым генералом Наполеоном Бонапартом. Этот мир обрекал Конде и его соратников на изгнание. Единственной страной, готовой их принять оказалась Российская империя, которая к тому времени заняла второе место по числу прибывших французских эмигрантов. Наверное, немалую роль в данном случае сыграло личное знакомство принца Конде с Павлом I и его супругой Марией Федоровной, которых под именем графа и графини Северных он воистину по-царски за пятнадцать лет до того принимал в своем роскошном поместье Шантйи. О том, какое огромное впечатление произвел этот визит на наследника престола, говорит тот факт, что площадь Коннетабль в Гатчине была выстроена по образу и подобию одноименного объекта, который Павел видел в резиденции Конде.

Последовавший на восток эмигрантский корпус за три месяца совершил переход от берегов Боденского озера в южной Германии до западной границы России в районе Южного Буга. 1 января 1798 г. французы перешли через реку, и вечером того же дня Поль Дюбрюкс, как и все, принес присягу российскому императору (рис. 4). К тому времени он имел чин капитана (IX класс по российской Табели о рангах), был обременен семьей и двумя детьми, необходимость заботиться о которых, конечно, осложняла его весьма скромное существование.

Когда весной 1799 г. Павел I приказал начать военные действия против революционной Франции, эмигрантское воинство после непривычно суровой зимы и скуки провинциальной жизни с радостью выступило в поход. Ему предстояло взаимодействовать с войсками генерал-лейтенанта А. М. Римского-Корсакова на левом берегу Рейна. Поль участвовал в этой военной кампании до самого конца, не пропустив ни одного из сражений. Впрочем, ветер большой политики скоро переменялся: русский император начал сближение с Наполеоном и корпус Конде должен был вернуться к месту своей прежней дислокации в Волынскую губернию. Известие об этом многие «кондейцы» восприняли как настоящую трагедию. «Что касается меня, — писал один из них своему отцу, — то, если мне велят вернуться в Россию, я буду в отчаянии. Умереть для гражданской и военной жизни, умереть для всей остальной Европы — вот участь возвратившихся в Россию накануне всеобщего мира» (*Васильев*, 1989. С. 325). Впрочем, этого не случилось, поскольку по договоренности с британским правительством корпус перешел на содержание Англии. Его присоединили к частям австрийской армии, действовавшей в Италии

² В будущем этот человек стал градоначальником Одессы и генерал-губернатором Новороссийского края.

Рис. 4. Мушкетер и обер-офицер Французского Дворянского полка принца Конде. 1797–1800 гг.

и на Дунае. После Люневильского мира 1801 г. было принято решение расформировать армию Конде. Вскоре судьба разбросала в разные стороны ранее сражавшихся под одним знаменем солдат и офицеров. Многие поступили на английскую службу. Отец и младший брат Поля, Этьен Туссен, сначала безуспешно просили назначения в австрийскую армию, как подданные его императорского величества, имеющие родственников у него на службе и вполне владеющие немецким языком, но потом воспользовались амнистией, объявленной в 1802 г. для большей части эмигрантов, и вернулись во Францию. Поль Дюбрюкс, занявший в этом отношении непримиримую позицию, оказался не у дел, как и те тысячи

французов, которые тогда рассеялись по Европе в поисках любой работы. Даже знатные особы в этот период, испытывая нужду, порой были вынуждены заняться презренным ремеслом, как например, маркиз де Раманс, побочный сын короля Людовика XV, ставший обойщиком в Гамбурге.

Для верного своим убеждениям Поля Дюбрюкса никаких сомнений не было: он считал, что настоящий француз ни в коем случае не должен служить узурпатору. Когда отец исхлопотал ему возможность занять место во французском Департаменте вод и лесов, последовал резкий отказ принести присягу новому режиму. В конце концов, он решил окончательно связать свою судьбу с приютившей его ранее Российской империей и искать любые способы свести концы с концами. Самую простую возможность заработать на жизнь в ожидании лучших времен давало преподавание французского языка. По этому пути и пошел Поль, став «наставником», т. е. домашним учителем, скорее всего, в одной из помещичьих усадеб на Волыни, хотя и писал по-французски с ошибками.

Характерные черты учителя-француза этого времени и настроения большей части эмигрантов, ярко описал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856): «...наш гувернер, шевалье де-Роллен-де-Бельвиль, французский подполковник, человек лет сорока... старался со всеми быть любезен и умел всем нравиться, старым и молодым, господам и даже слугам... Об отечестве своем говорил как все французы, без чувства, но с хвастовством, и с состраданием... Революционеры, новые титаны, по словам его, только временно овладели сим Олимпом, но подобно им, будут низвергнуты в бездну» (Вигель, 1928. С. 81–82).

Все же нужно было думать о будущем, и в итоге Дюбрюкс перебрался с семьей в столицу, которая давала куда больше возможностей в отношении поиска работы. Пребывание в Петербурге позволяло рассчитывать на помощь соотечественников, завязать знакомства с нужными людьми, наконец, просто получить какую-нибудь должность. Об этом периоде жизни Поля никаких определенных сведений не сохранилось, но мы знаем, что «ум и любезность» обеспечили ему в 1810 г. предложение «служить по таможенной части» (*Тембу де Мариньи*, 1848. С. 229), а если точнее, скромное место папгаузного инспектора Еникальской таможенной заставы. Когда-то Еникале — мощная крепость, возведенная под руководством французских инженеров, была резиденцией турецкого паши и своеобразным ключом к Керченскому проливу, поскольку отсюда полностью простреливался фарватер. Фактически, как и Керчь, она отошла к России без боя в 1771 г., а через три года, после успешного завершения войны с Турцией, это стало одним из пунктов мирного Кучук-Кайнарджийского договора.

Именно в крепости Еникале, а не в Керчи, разместилась первоначально вся местная администрация организованного позднее градоначальства. Действительно Керчь представляла тогда собой типичное российское захолустье (рис. 5). Павел Сумароков в своих «Досугах крымского судьи», отмечал, что в начале XIX в. там было всего «80 скудных дворов» и две улицы, а «приморское положение почти здесь бесполезно» (Сумароков, 1805. С. 106–107). Даже в 1817 г. число жителей Керчи не превышало 600 человек, и назвать ее настоящим городом достаточно сложно.

ГЛАВА 1. «ИЗГНАННИК НА КРАЮ ЕВРОПЫ»

Итак, бывший армейский капитан Павел Алексеевич Дюбрюкс (как его теперь можно называть) поступает на гражданскую службу тем же чином IX класса, т. е. становится титулярным советником. Чин этот многим знаком больше по роману А. С. Даргомыжского на стихи П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник, она — генеральская дочь», хотя упоминание о нем можно часто встретить в произведениях русской литературы XIX в. Достаточно вспомнить среди его обладателей незабвенного Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели». Большая часть чиновников застревала на этой ступеньке надолго потому, что VIII класс уже давал права потомственного дворянства и, чтобы перейти в него, обычно нужно было иметь протекцию. Судьба обрекла П. Дюбрюкса до конца жизни пребывать в кругу тех, кого называли «вечными титулярными советниками», но на первых порах это, видимо, не особенно его тяготило. Сам он так описывал свои первые впечатления от юга России: «Город Еникале, имеющий не более трех улиц, построен амфитеатром на горе; и, хотя дома в нем почти все дурной постройки и в азиатском вкусе, однако вид с моря довольно живописен» (Дюбрюкс, 2010. С. 280). В бухте порой останавливалось до тридцати греческих и турецких торговых судов, следовавших далее в Таганрог или обратно. Рядом, в предместье, кипела торговля. Десятки торговцев держали здесь свои небольшие лавки и предлагали фрукты, рыбу, кожи, войлок, табак и другие товары.

Конечно, должность инспектора таможни, в условиях отсутствия хорошо оборудованного порта, оказалась чисто номинальной, как, впрочем, и жалованье — всего 400 рублей ассигнациями в год (=108 рублей серебром). Что

Рис. 5. Керчь. Вид на набережную с крепостью и гору Митридат. 1821 г.

можно было купить на эти деньги? Две хороших лошади или по 8 кг ржаной муки в день. Если бы не помощь рыбаков, иногда снабжавших Дюбрюкса соленой рыбой, ему вряд ли удавалось бы сводить концы с концами. 12 февраля 1811 г. состоялся перевод Павла Алексеевича в Керченскую таможенную заставу, что не улучшило его материального положения. Со временем за счет ссуды в 2000 руб. он сумел построить на выезде из Керчи в Феодосию дом, окруженный садом³, но этот долг, несмотря на доход от сдачи в аренду части комнат, еще долго не давал ему спокойно жить. Постоянная нужда в деньгах не помешала Дюбрюксу пожертвовать какую-то сумму на войну с Наполеоном, но, видимо, он был готов взяться за любую работу, особенно в условиях обрушившегося на Новороссию неурожая и роста цен. Грозный 1812 г. ознаменовался для юга России также страшной эпидемией чумы, унесшей тысячи жизней. Павел Алексеевич тогда временно исполнял в Еникале обязанности комиссара по медицинской части. За это он получил благодарственный отзыв от князя А. Б. Куракина и даже был представлен к награде, которой так и не получил. Своеобразным признанием его заслуг стало назначение 24 июля 1813 г. комиссаром 1 квартала Феодосийской портовой карантинной конторы, где «за отличное исполнение порученности» он был «удостоен Высочайшего благоволения» (Тункина, 2010. С. 24), видимо, не сопровождавшегося денежным вознаграждением. Разочарование в государственной службе подвигло скромного керченского чиновника стать управителем имения коллежского советника Гурьева, расположенного у деревни Чурубаш. Возможно, уже тогда ему впервые удалось увидеть развалины Илурата.

8 июля 1814 г. П. Дюбрюкс снова получил назначение в Керченскую таможенную заставу, хотя и прослужил в этом качестве всего полгода, поскольку получил новую, более выгодную в материальном отношении должность смотрителя Керченских соляных озер и «магазина» Крымской соляной экспедиции. Пропадая две трети года в районе Тобечикского озера, он сумел добиться существенных успехов, увеличив объем соледобычи более чем в одиннадцать раз. Впрочем, этот человек, по словам академика П. И. Кеппена (1793–1864), относившийся к числу тех, кто «общественное благо предпочитали собственной пользе» (Тункина, 2010. С. 25), так и не сумел использовать имевшиеся возможности для личного обогащения.

Дюбрюксу хотелось официального признания его заслуг перед королевским режимом, окончательно реставрированным во Франции в 1815 г. Он неоднократно направлял прошения о награждении военным орденом — Крестом Людовика Святого⁴, присвоении очередного воинского звания и предоставлении пенсии на пропитание своей многочисленной семьи. Орден в 1817 г. ему дали, но остальные просьбы были оставлены без внимания.

³ Современный адрес: ул. Пирогова, 10. Дом не сохранился, да и мемориальная доска с неверно указанным годом рождения П. Дюбрюкса по ошибке была установлена на соседнем доме № 12.

⁴ Этот военный орден, обычно дававшийся за 28 лет на службе короне, был учрежден Людовиком XIV в 1693 г., упразднен в годы Великой Французской революции и Первой империи, затем восстановлен в 1816 г. Людовиком XVIII.

Именно тогда Дюбрюкс вплотную приступил к изучению античных городов и некрополей в окрестностях Керчи. Впрочем, интерес к археологии пробудился у него с самого момента переезда в Крым из-за случайных находок классических древностей, ведь они тогда буквально валялись под ногами. Английский профессор минералогии М. Кларк, побывавший на юге России в 1800 г., так выразил свои впечатления от пребывания в Керчи: «Ни в каком другом месте Крыма путешественник не встретит, вероятно, такого количества древностей... Крестьяне продают за несколько копеек древние монеты этих краев. Стены города покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными. Эти мраморные плиты используют для ступеней перед дверьми домов или, как в Еникале, они используются для строительства вперемешку с самыми грубыми материалами» (Кларк, 1999. С. 27).

Сам Дюбрюкс так описывал одно из своих первых открытий: «Прогуливаясь однажды по морскому берегу в 1 ½ верстах от города в сторону Еникале, я увидел небольшую гробницу и, раскопав ее своей тростью... извлек... маленькое этрусское (так называли тогда сосуды, расписанные в краснофигурном стиле, поскольку многие находки подобного рода, на самом деле происходящие из Греции, были сделаны в Северной Италии, населенной в древности этрусками. — В. Г.) блюдечко... В том же месте я нашел чашку красивой формы» (Дюбрюкс, 2010. С. 134). Сначала с вполне прозаической целью пополнения собственного бюджета за счет продажи раритетов проезжим путешественникам и знатым особам, а затем все больше входя во вкус исследований, начинающий археолог в 1811 г. взялся за раскопки в Керчи и открыл оборонительную стену Пантикапея. Конечно, специальных знаний у него не было. Тем не менее, основу для подобных занятий создавало классическое образование, несомненно, полученное еще в юношеские годы. В эпоху Просвещения, кто только ни воспитывался на героических образах Древней Греции и Рима, запечатленных Плутархом и другими древними авторами. Искусство и литература были переполнены сюжетами, связанными с античной мифологией и историей.

Все больше входя во вкус, начинающий археолог заручился официальным разрешением от генерал-губернатора Новороссии А. Э. Ришелье, на изыскания и раскопки в Керчи. В 1811 г. он начал обследование Золотого кургана, а копая ров возле своего дома за старой таможней, наткнулся на фундамент «сложенной из обтесанных камней» оборонительной стены Пантикапея толщиной около 2,2 м (Тункина, 2010. С. 33). По-видимому, для Дюбрюкса, как и для многих его современников, и гора в центре Керчи, носящая имя царя Митридата VI Евпатора, непримиримого врага Рима, и разбросанные повсюду античные руины — все это было окутано романтическим ореолом сопричастности к великому наследию древней Эллады. В их воображении над прозаическим пейзажем витали образы беломраморных дворцов и храмов, украшенных прекрасными статуями и другими произведениями искусства. Именно с таким настроением, сменившимся откровенным разочарованием, посетил эти места 15 августа (кстати, по стечению обстоятельств, именно в этот день празднуется неофициальный День археолога. — В. Г.) 1820 г.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

Александр Пушкин, следовавший вместе с семьей генерала Н. Н. Раевского с Кавказских минеральных вод в Кишинев. Его первоначальное романтическое представление о Крыме в полной мере отразилось в строках «Евгения Онегина»:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат...

Свои непосредственные впечатления поэт описал в письме к брату: «Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я... на ближней горе посреди кладбища увидел я груды камней, утесов грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю... Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками». Позднее в другом письме он отметил, что «развалины Пантикапеи не сильно подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только». Упоминает он и Дюбрюкса как какого-то француза, якобы присланного «из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится» (*Пушкин, 1937. С. 18*)⁵.

Уже в начале своего пребывания в Восточном Крыму «француз» успел заразить своим энтузиазмом в отношении «антиков» феодосийского градоначальника С. М. Броневского и в 1811 г. они «положили основание» местного музея (Тункина, 2010. С. 34). Тогда же П. Дюбрюксу было поручено разыскивать для него в Керчи, Севастополе и на Таманском полуострове мраморы и другие древности, спасая их, таким образом, от уничтожения. Постепенно его исследования, начинают приобретать научный характер с довольно высоким для того времени уровнем фиксации найденного материала: ведется дневник, составляются чертежи открытых объектов, делаются рисунки находок, в том числе и рядовых, в отдельных случаях собирается антропологический материал.

С помощью местных жителей коллекция древностей смотрителя соляных озер стала быстро увеличиваться, заполняя шкафы в доме и пространство перед ним. К сожалению, открытие в ряде случаев неграбленных погребений с изделиями из драгоценных металлов указало немногочисленным тогда обитателям Керчи на возможный источник легкого обогащения. Это привело к появлению

⁵ Пушкин имел бы больше сведений о Дюбрюксе, если бы отправился в южную ссылку не в начале мая 1820 г., а позже. Дело в том, что через месяц состоялось собрание объединявшего петербургскую интеллектуальную элиту «Вольного общества любителей российской словесности» (1816–1825). В отчете, опубликованном в «Отечественных записках», неизвестный автор писал, что участники собрания ознакомились с небольшим «музеумом редкостей», в котором были «разные глиняные изделия, как-то статуйки Меркурия и царицы Омфалы, слепки с маски, которые римляне ставили на гробницах и за коими женщины, скрываясь, плакали о покойниках, лампы и проч.» и специально отмечалось, что «сии вещи доставлены Обществу членом-корреспондентом его г. де Бруксом, имеющим поручение от правительства на приискание древностей в разрываемых могилах Керчи и Еникуля. В непродолжительном времени напечатается любопытный журнал его с приложением разного рода чертежей» (Публичное собрание, 1820. С. 95–96).

первых профессиональных грабителей могил — «счастливчиков». Во всяком случае, по рассказам их последователей, сохраненным на рубеже XIX–XX вв. писательницей Анной Гарф, этот промысел начали люди, получившие некоторые профессиональные навыки на раскопках П. Дюбрюкса.

Со временем появились и первые меценаты. Так, в ноябре 1816 г., 100 руб. личных средств выделил на раскопки соотечественник Дюбрюкса, новороссийский генерал-губернатор граф де Ланжерон (1763–1831). Он поручил Дюбрюксу заняться «раскапыванием керченских курганов и открытием в них древностей». Дополнительные средства (до 50 руб. в месяц) давала продажа обработанных блоков и бутового камня для нужд строительства в Керчи. Так в жизни скромного археолога-любителя начался «курганый» период, в течение которого были обнаружены некоторые «весьма драгоценные памятники древности» (*Скальковский*, 1838. С. 263). Эти находки побудили А. Ф. Ланжерона запросить в Министерстве народного просвещения 500 руб. на продолжение исследований и необходимая сумма была вскоре получена, что стало первым случаем выделения государственных средств на археологические изыскания. Скорее всего, определенную роль тут сыграл интерес к античным памятникам Боспора со стороны будущего императора, великого князя Николая Павловича (1796–1855), совершавшего образовательную поездку по России и побывавшего в Керчи проездом 1–2 июля 1816 г. Он ознакомился не только с собраниями местных древностей, но и побывал на раскопках Дюбрюкса.

Проявленное высочайшее внимание и покровительство Ланжерона способствовали тому, что в июле 1817 г. таврический губернатор А. С. Лавинский официально предписал оказывать Дюбрюксу содействие в отыскании древностей «в холмах и древних гробницах в окрестностях и самом городе Керчи, а всем прочим воспретить раскапывать... дабы не могли какие драгоценности быть похищены» (*Тункина*, 2010. С. 35). Еще больше укрепил позиции керченского археолога визит в сентябре того же года великого князя Михаила Павловича (1798–1849), который, как и старший брат, отправился в образовательное путешествие по стране в сопровождении генерала И. Ф. Паскевича. Михаил Павлович посетил проводившийся Дюбрюксом раскопки трех курганов и даже спускался в большой склеп, в котором увидел семь непотревоженных костяков на ложах и на полу. На одном из них сохранилась часть одежды из верблюжьей шерсти, другой был покрыт тканью с золотым шитьем. Затем великий князь открыл своим именем подписной лист на сбор средств для дальнейших работ. Сам он пожертвовал на это 500 руб. и приказал провести раскопки у подножия и на вершине горы Митридат. Не зря про него говорили, что люди, обращавшиеся к нему с просьбой никогда не получали отказа. В результате при участии уроженца Генуи Р. Скасси, керченского чиновника и коммерсанта, были найдены мраморные фрагменты «торса Эскулапа», «торс Геракла» (рис. 6), статуя сидящей Кибелы (рис. 7), «бюст Юноны без головы» и часть алтаря с барельефом (*Тункина*, 2010. С. 35–36).

Апрель 1818 г. ознаменовался для П. Дюбрюкса тем, что после рассмотрения его дневника раскопок боспорских некрополей 1816–1817 гг. в Академии наук

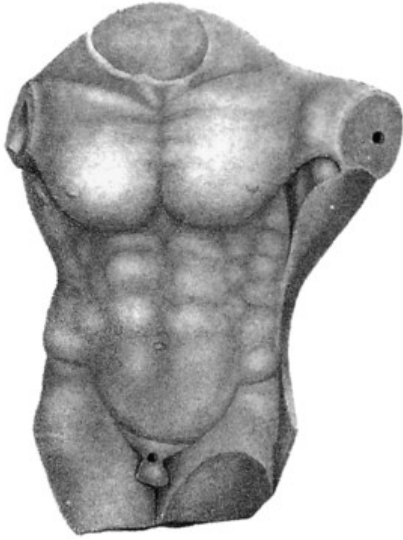

Рис. 6. Мраморный торс «Геракла», найденный на горе Митридат в 1817 г.

Рис. 7. Мраморная статуя сидящей Кибелы, найденная на горе Митридат

было высказано пожелание продолжать исследования, но «по более совершенному плану» и «под более надежным руководством, чем ранее» (Тункина, 2010. С. 38). Впрочем, вряд ли он знал об этом, когда 10–11 мая в Керчь приехал сам Александр I в сопровождении большой свиты из генералов М. А. Милорадовича, П. М. Волконского, А. А. Аракчеева, Ф. П. Уварова и принца Гессен-Гомбургского. Император вместе со всеми поднялся на гору Митридат и «восхищался прелестным оттуда видом», а потом заметил: «Жаль только, что эти моря не оживлены торговыми кораблями!» (Санжаровец, 2015. С. 63). Затем он пожелал осмотреть открытые местным энтузиастом археологии склепы и катакомбы, а также его дом, превратившийся в музей.

О том, что предстало перед высочайшим взором, мы можем судить благодаря описанию самого владельца «древлехранилища»: «В нем много золотых вещей, таких как браслеты, ушные серьги, перстни, женские и звериные фигурки и пр., фрагментов мраморных статуй... Много надгробных камней с изображениями на монументах, воздвигнутых в правление боспорских царей... более двухсот медалей (монет. — В. Г.), многие из которых хорошо сохранились и интересны. Кроме только что описанных мной вещей, имеется большое количество склянок вроде слезниц (бальзамариев. — В. Г.) и прочего, терракотовых ваз разных форм и размеров... Один шкаф и две стеклянные витрины заполнены мелкими терракотовыми и гипсовыми статуэтками и бюстами... Маленькую статуэтку из голубого камня, изображающую мумию, покрытую иероглифами, я получил ее от капитана корабля, вернувшегося из Египта, и передал в музей и т. п.» (Дюбрюкс, 2010. С. 290–292). О непосредственном впечатлении от знакомства с П. Дюбрюксом в те дни флигель-адъютант императора А. И. Михайловский-Данилевский (1790–1848), будущий известный

военный историк, вспоминал следующим образом: «... человек сей неучен, то доказывает самое короткое с ним свидание; он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слышал, и даже по-французски говорит дурно, мало учился... его старания заслуживают благодарность, ибо до него ни один из наших соотечественников не занимался изысканиями таврических древностей...» (*Михайловский-Данилевский*, 1897. С. 92-96). Император пожаловал П. Дюбрюксу те находки, которые были собраны на казенных землях, и поручил продолжать свое дело. Получил он и официальную награду, отмеченную в послужном формуляре: «перстень, бриллиантами осыпанный» (*Тункина*, 2010. С. 39).

Что представлял собой этот царский подарок для вечно нуждавшегося Дюбрюкса в денежном выражении? Обычная практика подобных награждений предусматривала соответствие стоимости перстня тому положению, которое человек занимал в обществе⁶. Так, в январе 1830 г. статский советник⁷ Н. И. Гнедич получил «за поднесение» перевода «Илиады» бриллиантовый перстень с аметистом за 1198 руб., а надворный советник⁸ М. Н. Загоскин за роман «Юрий Милославский» бриллиантовый перстень с аквамаринном за 746 руб. Больше соответствует нашему случаю пожалование есаула⁹ Выровникова «за доставку от уральского казачьего войска Его Императорскому Величеству икры и рыбы» бриллиантового перстня с гранатом за 202 руб. (*Зимин, Соколов*, 2013. С. 499), т. е. в половину годового жалованья Дюбрюкса. Возможно, во исполнение устных пожеланий Александра I в сентябре 1818 г. несколько имевшихся у Павла Алексеевича ценных находок были отосланы вдовствующей императрице Марии Федоровне.

Весной 1820 г. Дюбрюкс посетил Петербург, передав, как уже упоминалось, некоторые свои находки в «музеум древностей» «Вольного общества любителей российской словесности». Тогда же он был принят великим князем Михаилом Павловичем, который не только выделил ему небольшую субсидию на раскопки в размере 500 рублей, но и пожелал получить подробные сведения о памятниках древности на берегах Боспора Киммерийского. Это обстоятельство подтолкнуло исследователя к созданию главного труда его жизни — «Планы и описания остатков и следов древних городов и поселений, бывших некогда на Боспоре Киммерийском, на европейском побережье, от входа в пролив вплоть до и включая гору Опук на Черном море». Он заложил основы археологической топографии Керченского полуострова и зафиксировал то, что позднее было безвозвратно утрачено. Нередко, положив в карман кусок хлеба и немного табака, П. Дюбрюкс отправлялся пешком вдоль побережья или вглубь полуострова, изучая остатки древних поселений. Критически оценивая свой вклад в науку археолог-самоучка тем не менее отмечал: «Прежде всего, я твердо решил составить чертежи со всей возможной точностью, будучи убежденным, что это станет единственным достоинством моего труда, коль скоро я отнюдь не ученый

⁶ Существовала специальная «Табель о назначении подарков по чинам».

⁷ V класс по Табели о рангах.

⁸ VII класс по Табели о рангах (= подполковник в пехоте).

⁹ IX класс по Табели о рангах.

и могу лишь предоставлять описания почти документальные. Я пользовался веревкой в 20 саженой для измерения расстояний и планшетом с компасом для определения угловых измерений как можно точнее. И я выверял свои планы трижды, дабы со всей возможной точностью описать такие-то развалины как остатки такого-то города или поселения». Занимался Павел Алексеевич этими изысканиями только в холодное время года, с октября по апрель, когда каменные кладки не были покрыты травой. Подлинная страсть звучит в написанных им строках: «...чтобы убедиться в существовании города, от которого почти ничего не осталось на месте, там, где его существование предполагается, необходимо бы самое тщательное обследование, надо изучить, так сказать, каждый камень, каждое возвышение, ибо малейший след может привести к самым интересным и самым удивительным открытиям» (*Дюбрюкс*, 2010. С. 303).

Одновременно на средства великого князя Михаила Павловича и графа Н. П. Румянцева, пожертвовавшего 3000 руб., П. Дюбрюкс продолжил раскопки «гробниц с земляными насыпями», но почти все они оказались ограбленными. Между тем в конце декабря 1820 г. он получил известие о случайном обнаружении склепа с уступчатым перекрытием в кургане, расположенном на западной окраине Керчи, недалеко от дороги на Феодосию, но не нашел времени осмотреть его. Добывавшие здесь камень матросы забрали оставшийся в склепе инвентарь богатого погребения и передали все своему командиру. Это был человек, фамилией которого и стал называться впоследствии курган — участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг., капитан-лейтенант (в конце карьеры контр-адмирал) Н. Ю. Патаниоти¹⁰ (ок. 1775–1838). В 1820 г. по распоряжению командующего Черноморским флотом он был назначен командиром транспортной флотилии из 12 судов для перевозки провианта в мингрельские и крымские магазины (склады. — *В. Г.*) под началом графа А. Ф. Ланжерона. К нему в Одессу и отправили основную часть находок. Среди них были изготовленные из золота массивная гривна с львиными головками на концах, два браслета, небольшая «статуйка» скифа с ритонном в руке и множество нашивных бляшек; бронзовые котлы с бараньими костями и наконечники стрел, а также гераклеяская амфора с английским клеймом на горле. Кое-что из вещей, украденных матросами, П. Дюбрюксу позднее удалось собрать и переслать Н. П. Румянцеву.

В октябре 1821 г. развитие Керчи пошло более быстрыми темпами благодаря учреждению здесь градоначальства, торгового порта и карантин. С этого времени городу начали придавать особое значение в административном и торговом отношении. Соответственно градоначальник назначался непосредственно императором по представлению Министерства внутренних дел, как правило, из старших и высших офицеров или чиновников высокого ранга. Облик Керчи начал стремительно меняться: уже при первом градоначальнике, полковнике Е. И. фон Дене (1822–1823) дороги и улицы были выровнены, посыпаны песком,

¹⁰ Именно так, а не Патиниоти, как это утвердилось в отечественной археологической литературе. Данный факт вскользь уже отмечался И. В. Тункиной (2010. С. 46).

а вдоль проезжей части проложены канавки. Уже на следующий год после его отставки был учрежден штат полиции, затем учреждается должность городского архитектора, строится новый карантин.

В начале 1820-х гг. многие просвещенные люди, осевшие в Новороссии, выдвигают идею создания здесь новых археологических музеев с постоянным финансированием (Р. Скасси и др.). Тогда же предлагается обширная программа изучения классических древностей юга России, предусматривавшая создание сводов письменных и археологических источников, проведение научных раскопок, составление планов археологических памятников, меры по их консервации и охране. Автором этой программы стал полковник Иван Алексеевич Стемпковский (1789–1832) (рис. 8),

Рис. 8. Э. Бушарди.
Иван Алексеевич Стемпковский.
Не позднее 1819 г.

в прошлом участник боевых действий против кавказских горцев и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Долгое время он пребывал во Франции в составе оккупационного корпуса и использовал эти годы для пополнения собственного образования. Дружба с известным археологом Д. Рауль-Рошеттом (1790–1854) открыла ему дорогу в Парижскую Академию надписей и словесности, членом-корреспондентом которой он позднее был избран. Молодой офицер был искренне убежден в необходимости углубленного археологического изучения Южной России и организации с данной целью специального общества. Оставив военную службу, И. А. Стемпковский поселился в Одессе и вплотную занялся археологией. Сначала П. Дюбрюкс переписывался с ним, сообщая о новых эпиграфических и нумизматических находках, а затем со съемки плана Мирмекия и разведок у Павловской батареи в 1820 г. началась их совместная работа. Позднее, отдавая дань памяти И. А. Стемпковского, Дюбрюкс проникновенно вспоминал своего искренне любимого друга как «человека благодетельного без хвастовства» и «ученого без тщеславия... он имел один порок — это беспредельную доброту, которая происходила не от слабости, как многие думали, но от чистоты его души, страшившейся даже подумать, не только сделать зло другим...» (*Жиль*, 1854. С. XIV).

Вскоре идеи Скасси и Стемпковского о создании музеев на юге России, в частности в Одессе и Керчи, получили поддержку со стороны новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова (1782–1856). 1 апреля 1825 г. он представил соответствующий доклад на имя Александра I и получил с его стороны полное одобрение. В этих целях были использованы 10 тысяч руб., отпущенные ранее на охрану и реставрацию крымских древностей. Дело пошло очень

быстро. Уже 9 августа 1825 г. был открыт музей в Одессе, а менее чем через год, 14 июня 1826 г., в Керчи. Директором обоих музеев был назначен Иван Павлович Бларамберг (1772–1831) (рис. 9), еще один иностранец на русской службе, которому покровительствовал Воронцов. Уроженец Фландрии, он попал в Россию, как и Дюбрюкс, в 1797 г. Не имея специального образования в области классической археологии и филологии, Бларамберг приобрел определенный авторитет в ученых кругах посредством изысканий в области нумизматики и исторической географии. В Керчи он тесно сотрудничал с Дюбрюксом, передавшим местному музею собранные им античные древности в виде безвозмездного дара. Единственная выгода, которую фактический основатель музея извлек из своего поступка, — это поступавшая до 1833 г. арендная плата в размере 400 руб. в год за комнату в его собственном доме, где на первых порах размещались экспонаты.

В 1826–1827 гг. Дюбрюкс занимался раскопками пантикапейских курганов и обследованием остатков древних городов и поселений Керченского полуострова. Наиболее плодотворный этап его жизни начался с назначением Стемпковского на пост керчь-еникальского градоначальника (1828–1832), который много сделал для вверенного ему города: благодаря ежегодным 50-тысячным субсидиям ведутся большие строительные работы, появляется уездное училище, возводятся храмы, создается большой общественный сад.

Сразу после переезда в Керчь И. А. Стемпковский пожелал ознакомиться с результатами разведок П. Дюбрюкса на территории Восточного Крыма. К тому времени неутомимый «француз» в своих археологических прогулках обследовал побережье Керченского полуострова от Еникальского маяка до горы Опук и начал снимать планы ряда уже известных и обнаруженных им археологических памятников. Так появились постоянно уточнявшиеся планы Пантикапея, Мирмекия, Нимфея, Китея и Киммерика. В одном случае Дюбрюкс отделился от береговой полосы и основательно обследовал на землях губернского секретаря Федора Падалки к западу от Чурубашского озера руины древнего поселения под татарским названием Кермечик¹¹. Тогда было впервые нанесено на план городище, отождествленное впоследствии с боспорским городом носившим название Илурат, упомянутое в «Географии» Клавдия Птолемея (ок. 100–165 гг. н.э.) (*Ptol. Geogr.* III. 6. 4). Исходя из собственного понимания сведений античных авторов, И. П. Бларамберг локализовал здесь другой город — Тиритаку. Он писал: «Город Тиритака, который, по словам Птолемея, был расположен близ Пантикапея, немного ниже его, на запад, долженствовал, по-видимому, находиться на расстоянии почти трех верст на запад от древнего залива, ныне соляного озера Чорубаш, куда впадала река, русло которой видимо в овраге у подошвы возвышенности, окруженной стенами с башнями круглыми и четырехугольными, остатки которых весьма явственны. Этот акрополь или вышгород примыкал к городу, судя по следам фундаментов

¹¹ В такой форме название передано П. Дюбрюксом. По-видимому, оно является производным от татарского слова «Керменчик» ('небольшая крепость'). Известны и другие варианты этого названия, например, Кермеш-Келечик или Кермеджик.

стен, которые встречаешь при выходе из крепости, и которые теряются нечувствительно в траве» (*Бларамберг*, 1860. С. 11). В воображении Дюбрюкса эти руины сначала связывались с бурными событиями конца IV в. до н. э., когда на Боспоре шла борьба за власть между сыновьями царя Перисада I. Ему представлялось, что именно здесь находилась крепость царя племени фатеев Арифарна, поддержавшего одного из претендентов, или, на худой конец, загородный дворец боспорских царей, что не исключали и другие исследователи. В конце жизни он вспоминал: «Когда в 1828 г. вместе с покойным г-ном Стемпковским... мы дошли до северной башни, то, осматривая местность, он сказал: “Вот что напоминает дворец царей Боспора”» (*Дюбрюкс*, 2010. С. 310). К чести исследователя, судя по записи на полях рукописи его «Описания...», позднее он

Рис. 9. И. Кригубери.
Иван Павлович Бларамберг.
Около 1830 г.

отказался от этой гипотезы: «я совершенно убедился в том, что царский дворец, о котором упоминает Диодор Сицилийский и у подножья которого началось сражение между сыновьями Парисада, находился не в пределах европейской части Боспорского царства, но в Азии, и что этот дворец, должно быть, располагался у одного из притоков Кубани» (*Дюбрюкс*, 2010. С. 312).

В любом случае безусловной заслугой П. Дюбрюкса является тщательная, добросовестная фиксация и описание прекрасно сохранившихся оборонительных сооружений древнего города и прочих строительных остатков, в том числе и на прилегающей территории. В деталях, с приложением подробного описания, последний план городища был завершен не позднее 1833 г. Как проклятый, Дюбрюкс возвращался сюда раз за разом, надеясь подметить что-то новое. Иногда это приносило свои плоды. При описании развалин построек на территории городища он писал: «Большая засуха последних двух лет настолько обнажила все остатки этих внутренних сооружений, что можно было снять очень точные планы всех улиц, очень узких, но проложенных по струнке. Побывав здесь в прошлом сентябре месяце, чтобы еще раз выверить свою работу... я снял [план] нескольких улиц и формирующих их строений, расположенных ближе всего к воротам и стоявших на некоторых уличных перекрестках. Большинство этих строений имеет одно большое помещение (очевидно, имелся в виду двор. — *В. Г.*) и несколько маленьких каморок, предназначенных для спален. Уникальная форма зданий этого поселения обязывала меня также показать

на плане некоторые из них» (Дюбрюкс 2010. С. 308). Относительно неоднократных визитов сюда Дюбрюкса, вспоминается давний эпизод из экспедиционной жизни в Илурате, когда местный мальчишка принес на раскоп луидор с профилем Людовика XVI, якобы найденный на холме возле Ивановки. Быть может, эта монета когда-то принадлежала керченскому «французу»?

В 1830 г. Дюбрюкс сыграл большую роль в открытии всемирно известного погребения скифского царя в кургане Куль-Оба (*там.* «пепельный холм»). К этому кургану, находившемуся в 6 км к юго-западу от Керчи, по распоряжению И. А. Стемпковского отправили добывать камень солдат Воронежского пехотного полка. Видимо, этот выбор был не случайным. Мы знаем, что за несколько дней до того, Дюбрюкс осматривал Куль-Обу и предположил наличие склепа в северной части холма, о чем и сообщил градоначальнику. Вскоре после начала работ открылся вход в склеп в виде заложенного камнями короткого входного коридора-дромоса. Он вел в прямоугольную погребальную камеру с уступчатым сводом, где находились останки четырех человек. Место у восточной стены занимал деревянный саркофаг с захоронением мужчины, по тем временам просто гиганта, ростом 193 см. Его войлочный головной убор и одежда были расшиты золотыми бляшками. Золото было повсюду: гривна с фигурками всадников-скифов, браслеты на руках и ногах, обкладки оружия, оправы оселка, нагайки и многого другого. Рядом в расписном кипарисовом саркофаге, украшенном гравированными пластинами слоновой кости, находился скелет женщины с электровой диадемой на голове, височными подвесками с изображением головы Афины Парфенос работы Фидия, массивной золотой гривной на шее и широкими браслетами, в расшитой золотыми бляшками одежде. В ногах у нее стоял золотой ритуальный сосуд с округлым туловом, украшенным четырьмя сценами из скифского эпоса, связанными с передачей власти над Скифией от божественного прародителя.

У южной стены склепа, возможно, на деревянном ложе, покоился мужской скелет с рассыпанными вокруг золотыми бляшками, а за его черепом в специальное углубление были уложены кости лошади, шлем и бронзовые поножи (кнемиды). На полу погребальной камеры нашли железные наконечники копий и несколько сотен бронзовых наконечников стрел. По ее периметру стояли медные котлы, целый набор серебряной посуды и четыре глиняные амфоры с вином, привезенным с острова Фасос в Эгейском море. В то время оно было самым дорогим и в сравнении с продукцией других центров античные авторы, безусловно, отводили ему первое место. На одной из амфор сохранилось клеймо, которое спустя почти сто пятьдесят лет удалось датировать достаточно точно: 345–335 гг. до н. э. Это и определяет т. н. *terminus post quem* — точку отсчета времени, после которого могло состояться то или иное событие, в данном случае, погребение скифского «царя».

К концу третьего дня работ в склепе нерасчищенной из-за упавших камней оставалась лишь его небольшая часть, охранять которую оставили полицейского с двумя помощниками. Стоял уже конец сентября, когда ночи в Керчи

становятся все холоднее и, по согласованию с начальством, эти люди покинули свой пост. К сожалению, тогда, как порой и в наши дни, археологи недооценивают энтузиазм охотников за сокровищами. В итоге наука лишилась находок из более раннего погребения, находившегося под каменными плитами пола. По более поздним рассказам одного из грабителей там находился мужской скелет и при нем золотые гривна, массивная бляха в виде оленя, обивка горита и рядом наконечники стрел и копий. Конечно, были и многочисленные золотые бляшки, которые разошлись по рукам. Когда вскоре после открытия в Куль-Обе керченские артисты-любители поставили в честь И. А. Стемпковского пьесу Ж. Расина «Митридат», участники спектакля использовали золотые украшения из разграбленного погребения в кургане.

1830 г. стал важным рубежом в истории отечественной археологии, поскольку после проявленного к куль-обскому золоту высочайшего внимания царя Николая I, началось регулярное государственное финансирование раскопок на юге России для пополнения императорских коллекций. Почти тридцать лет спустя, уже при Александре II, в 1859 г., эта деятельность перешла на новый уровень и была создана Императорская археологическая комиссия, сыгравшая важную роль в изучении древностей на территории России. Правопреемником ее в настоящее время является Институт истории материальной культуры РАН, который будет отмечать 160-летний юбилей Комиссии в 2019 г.

Заслуги П. Дюбрюкса в деле исследования древностей Боспора Киммерийского не были по достоинству оценены современниками. Он часто оказывался в тени более предприимчивых людей. Так И. П. Бларамберг, выдав в Петербурге снятые Дюбрюксом планы целиком за свои, получил за это производство в чин действительного статского советника¹². В случае с Куль-Обой молодой и бойкий на язык канцелярский чиновник IX класса Дамиан Васильевич Карейша (1808–1878)¹³, которому поручили доставить в Петербург найденное золото, представил дело таким образом, что большая часть вещей была найдена им самим. Он получил бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью 496 рублей¹⁴ «за труды, понесенные при разыскании древностей и за усердие по сему предмету» (*Тункина*, 2002. С. 163). Он же передал в «Одесский вестник» первое известие о сенсационной находке древних золотых изделий общим весом 8 фунтов. Две тысячи рублей ассигнациями были пожалованы Д. В. Карейше на дальнейшие раскопки в окрестностях Керчи в поисках ценных экспонатов для Императорского Эрмитажа. Этим, на средства Министерства Императорского двора, он и занимался, обретая чины и награды, вплоть до 1852 г. Кстати,

¹² IV класс по Табели о рангах, равен чину генерал-майора.

¹³ Интересно отметить, что его сын Сергей (1854–1934), по образованию инженер-путеец, впоследствии директор Института инженеров путей сообщения, был, как и отец, поздним ребенком. Получилось, что между годом его смерти и рождением деда, Василия Тимофеевича (1754), пролегла огромная временная пропасть в 180 лет.

¹⁴ Такой подарок был сделан явно не по чину (полагался лицам не менее V класса по Табели о рангах), а как тогда говорили («по заслугам»).

чин коллежского асессора (VIII класс), которого так и не дождался П. Дюбрюкс, он получил в возрасте 25 лет.

Тогда же Дюбрюкса обошел еще один молодой человек — чиновник для особых поручений при керчь-еникальском градоначальнике Антон Бальтазарович Ашик (1801–1854), назначенный после смерти И. П. Бларамберга директором Керченского музея с окладом 1500 руб. серебром в год. Он также регулярно стал получать деньги от правительства на пополнение коллекций и проведение раскопок, которые должны были обогатить Императорский Эрмитаж. Только в 1832 г. последовала запоздалая оценка открытий Дюбрюкса: Николай I повелел передать ему за представленное описание Куль-Обы и ряда других памятников бриллиантовый перстень с аметистом стоимостью 500 рублей. Этот перстень вручил И. А. Стемпковский, который в том же году скончался и, согласно завещанию, был погребен на вершине горы Митридат. В 1834–1835 гг. его могилу увенчала напоминающая античный храм часовня высотой около девяти метров.

Материальное положение Дюбрюкса постепенно ухудшалось. В 1833 г. с завершением строительства нового здания музея древностей (т. н. Тезейона) в дорическом ордере он лишился ежегодной арендной платы за размещение коллекций в своем доме. К тому же, несмотря на выдающиеся археологические открытия, в отношении научного признания ему фатально не везло. Маститые ученые обычно свысока относились к его деятельности и изложенным на бумаге результатам исследований. Ведь этот человек не обладал изящным слогом и не ссыался по любому поводу на античных авторов. Ни одна из его работ, направленных по совету Стемпковского на имя президента парижской Академии надписей, так и не получила никакого отклика. В России, если они и были, то далеко не положительного свойства. Так, А. Н. Оленин (1763–1843), президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки, «тысячеискусник», как его называл Александр I, высокомерно писал в своем отзыве: «Описание г. Дюбрюкса... весьма сбивчивое и планы его и разрезы весьма неисправные... Жаль, что навык г. Дю-Брюкса находить и открывать древние гробницы не отвечает его познаниям, не токмо в археологии, но даже в природном его языке. Тому причиною, что он подобными делами токмо случайно занимался...» (Тункина, 2002. С. 168). В другой рецензии Оленин посчитал необходимым «вывести обстоятельное заключение о бесполезности труда г-на Дюбрюкса... приложенные... планы развалин очень дурны; ... если добавить, что г-н Дюбрюкс пишет дурным слогом, даже с разными ошибками противу правописания, то при всей скромности нельзя не сказать, что этот труд г. Дюбрюкса не стоит печати, и что подносить Его величеству подобные вещи едва ли можно счесть приличным» (Тункина, 2002. С. 171). Оленину вторил такой авторитетный специалист, как академик г. К. Кёлер (1765–1838), занимавший должность хранителя Императорского кабинета гемм и медалей: «...исторические и топографические его замечания о местоположении разных мест в Крыме несправедливы и без пользы. Впрочем, темный слог его сочинения и обстоятельность онога причиняют великие затруднения в понятии онога» (Тункина, 2002. С. 168, 170).

Несмотря на негативные отзывы П. Дюбрюкс продолжал работать над совершенствованием своих планов и рукописей. Самая поздняя из них, направленная на высочайшее имя, датируется 1834 г. Тем не менее, денег на продолжение исследований не выделили. Слабым утешением был только еще один бриллиантовый перстень, пожалованный великим князем Михаилом Павловичем. Впрочем, эта награда не спасла Павла Алексеевича от смерти в обстановке полной нищеты. Незадолго до своей кончины (13 августа 1835 г.) он писал: «С начала февраля у меня нет огня в комнате; случается часто, что по два, по три и по четыре дня сряду я не знаю другой пищи, кроме куска дурного хлеба. Давно уже отказался я от моей бедной чашки кофе без сахару, которую пил я по утрам. Солдатский табак покупаю я тогда, когда у меня есть лишние две копейки» (*Тетбу де Мариньи*, 1848. С. 231). Место погребения Дюбрюкса, так много сделавшего для своей «любимой родины», как он в конце жизни стал называть Россию (*Гавинье и др.*, 2010. С. 109), точно не известно. Возможно, его похоронили на давно не существующем «Старом» кладбище на горе Митридат, где в первой половине XIX в. находили последнее пристанище все горожане христианского вероисповедания независимо от того, были ли они православными, католиками или протестантами (*Санжаровец*, 2013. С. 747).

Что касается рукописей Дюбрюкса, то при жизни они так и не были опубликованы. Лишь в 1841 г. Одесское общество истории и древностей приобрело «Описание развалин и следов...» на французском языке за 60 рублей серебром у подпоручика Подольского егерского полка Александра Павловича Дюбрюкса, старшего сына археолога. К сожалению, там отсутствовали планы городищ и чертежи, что значительно снизило ценность последующего издания перевода, сделанного внуком исследователя в «Записках Одесского общества истории и древностей» (1858).

В полной мере наследие Дюбрюкса получило признание только в следующем, XX столетии. В советский период начались планомерные исследования тех боспорских городов, где он первым побывал с научными целями, отметив немало существенных подробностей, впоследствии исчезнувших с лица земли¹⁵. По-настоящему достойной данью памяти «отца боспорской археологии» стало издание к 240-й годовщине со дня его рождения двухтомного иллюстрированного собрания всех опубликованных и неопубликованных его статей, заметок, писем, рисунков, планов и рукописей с обширными комментариями специалистов. Прошло еще несколько лет и на карте Керчи, между улицей Рыбакова и 2-м Митридатским переулком, появился переулок Поля Дюбрюкса (бывш. пер. Безбожников).

¹⁵ Надо сказать, что и тогда с упоминанием имени П. Дюбрюкса случались различные казусы. Так, в 1974 г., когда И. Г. Шургая готовил русский текст статьи об Илурате для журнала «Zeitschrift für Archäologie», то чтобы сделать фамилию Дюбрюкс более понятной для зарубежных коллег, он написал ее прописными латинскими буквами. Получилась как бы чеховская «реникса», но наоборот. Ведь в данном варианте латинские буквы ничем не отличаются от прописных русских. Соответственно переводчик не обратил на это внимания и просто еще раз транскрибировал фамилию первооткрывателя Илурата. Так несчастный П. Дюбрюкс превратился в «Р. Дивчиха» (R. Divčich).

Глава 2

СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Рис. 10. Виктор Францевич Гайдукевич

После смерти Дюбрюкса о городище близ Чурубашского озера надолго забыли. Только в 1933 г. оно было включено в список важнейших археологических объектов Керченского полуострова. Незадолго до этого здесь впервые появился молодой еще археолог Виктор Францевич Гайдукевич (рис. 10). Поляк по национальности, он родился в семье петербургского врача и в возрасте девятнадцати лет навсегда связал свою судьбу с археологией. Дорога в науку пролегла для него через факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета. Денег на жизнь не хватало, поэтому приходилось подрабатывать экскурсиями по Эрмитажу, Шереметьевскому и Аничкову дворцам.

Первое практическое знакомство с будущей специальностью состоялось для Виктора Гайдукевича в 1926 г., когда он познакомился с археологическими памят-

никами Керчи и под руководством профессора К. Э. Гриневича (1891–1970) стал участником экспедиции в Херсонесе, античном городе на территории современного Севастополя. Для начала это было совсем неплохо. Недаром за Херсонесом Таврическим уже успело закрепиться наименование «русские Помпеи». Его раскопки, начало которых относится еще к 1827 г., давно стали школой для отечественной археологии. Открытые здесь величественные крепостные стены и башни, остатки жилых кварталов, беломраморные колонны раннехристианских базилик с мозаичными полами неизменно производили и производят неизгладимое впечатление на посетителей. Затем он работал на раскопках античных памятников в районе Керчи. Сюда и отправился по распределению в 1928 г. свежеепеченный выпускник Ленинградского университета. Через два года он

вернулся в родной город, закончил аспирантуру и, наконец, был зачислен научным сотрудником I разряда в сектор Северного Причерноморья Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Уже в новом качестве Гайдукевич каждое лето продолжал возвращаться на Керченский полуостров, где с 1933 г. начала работать археологическая экспедиция, пять лет спустя получившая название Боспорской. Основными объектами работ этой экспедиции, которую Виктор Францевич возглавил с 1935 г., стали такие античные города, как Мирмекий и Тиритака, которые в дореволюционные годы не интересовали почти никого из исследователей. Проводились и археологические разведки на Керченском полуострове. Вот тогда городище у деревни Ивановка впервые попало в поле зрения молодого ученого. Впрочем, судя по воспоминаниям сотрудников экспедиции, он воспринимался скорее как человек уже в зрелом возрасте, посматривавший на всех «со слегка насмешливым прищуром патриарха». Авторитет его был непререкаемым.

Торопился Виктор Францевич лишь в редких случаях. Его бывшие студенты рассказывали, что в университете он, как правило, опаздывал к началу лекции минут на пятнадцать и скоро, видимо, стал воспринимать это как должное. Все привыкли к этому и, когда преподаватель как-то раз задержался на полчаса, народ собрался расходиться. Внезапно появился Гайдукевич и, смотря на часы, спокойно объявил: «Кажется, я опоздал на пятнадцать минут?». В поле, будучи любителем поспать, он обычно появлялся на раскопе поздно, в лучшем случае после завтрака. Затем начальник экспедиции, не торопясь, обходил все участки, где велись работы, присматривался к только что открытым объектам, обстоятельно изучал находки и делал записи в дневнике.

Именно Гайдукевич за шесть лет до Великой Отечественной войны обнаружил в архиве Эрмитажа одну из рукописей Дюбрюкса, датированную 7 января 1832 г., где наряду с подробным сообщением об открытии Куль-обы, имелось и описание нашего городища с приложением планов, раскрашенных акварельными красками. В свое время эти документы были отправлены в Петербург на высочайшее рассмотрение и переданы на рассмотрение А. Н. Оленина. Затем, покопавшись в архиве Института истории материальной культуры АН СССР (б. ГАИМК), который унаследовал библиотеку и архив Императорской Археологической комиссии, В. Ф. Гайдукевич нашел там точные копии той дюбрюксовской рукописи и планов. Все это подстегнуло его интерес к многообещающему археологическому памятнику, судя по наблюдениям на местности, сравнительно мало изменившемуся со времен Дюбрюкса. В 1940 г. здесь даже проводились небольшие раскопки на территории, прилегавшей к древнему городу с юго-востока, где еще в XIX в. отмечалось наличие каких-то каменных кругов.

Начавшаяся вскоре война перечеркнула все научные планы ученого. В 1941 г. ему пришлось работать на строительстве оборонительных сооружений под Новгородом и Гатчиной, состоять в команде ПВО при родном академическом учреждении. Из заблокированного города Гайдукевич вместе с женой и сыном по постановлению правительства был эвакуирован на самолете 19 декабря

1941 г. Сначала его путь лежал в Казань, затем — в столицу Узбекистана. Здесь впервые в своей жизни Виктор Францевич был назначен вр. и. о. заведующего Сектором Северного Причерноморья, хотя заниматься довелось совсем другой научной проблематикой. С 1942 г. он работал по теме «Агрикультура Средней Азии в древности», а кроме того был назначен начальником археологической экспедиции в районе строительства Фархадской ГЭС на реке Сыр-Дарья.

Впрочем, уже в 1946 г., несмотря на трудности с продуктами и рабочей силой, Боспорская экспедиция возобновила свои работы в Мирмекии и Тиритаке, используя для этого труд немецких военнопленных. Илурат все еще ждал своей очереди. В годы оккупации Крыма городище особенно не пострадало, поскольку военные действия в ближайшей округе не велись. Правда, одно время здесь стояла румынская зенитная батарея, и гильзы от ее снарядов порой можно было найти здесь даже тридцать лет спустя. Гораздо больший урон понесли местные жители, у которых румыны съели почти всех коров, гусей и кур. Некоторых даже выгнали из домов, где расположились на постой солдаты, и они были вынуждены приспособить под временное жилье античные склепы, ранее использовавшиеся пастухами в качестве укрытия на время непогоды.

Неудивительно, что после войны деревня Ивановка находилась в полном упадке. Таковую неприглядную картину застали тут в 1947 г., ровно через 120 лет после первого археолого-топографического «визита» Дюбрюкса, сотрудники разведочного отряда Боспорской экспедиции, положившие начало регулярным раскопкам на городище. Был он совсем небольшим: всего восемь студентов во главе с аспирантом Института истории материальной культуры АН СССР и одновременно ассистентом Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена Михаилом Моисеевичем Кублановым (1914–1998) (рис. 11). Копать тогда еще безымянное городище близ Ивановки было его давней мечтой с тех самых пор, когда он впервые оказался здесь в 1939 г. на экскурсии по неисследованным памятникам Керченского полуострова. Как ассистент пединститута, читавший курс археологии, он сумел получить на этот сезон небольшие деньги для проведения раскопок. Дело было за малым — получить одобрение шефа. Но Гайдукевич не любил форсировать события, тем более, выпускать их из-под контроля. Инициатива аспиранта ему не понравилась. Он считал, что работы на таком городище не под силу даже большой экспедиции и ничего кроме конфуза из этого не получится. Позднее Кубланов так описывал последний, решающий разговор: «Поздний вечер. Я у Гайдукевича дома, в его маленьком кабинете. У окна письменный стол, покрытый стеклом, настольная лампа с зеленым абажуром, под ней разлегся на столе серый котенок, греется, нежится, мурлычет.

Гайдукевич не улыбается, не полушутит как обычно. Толстые губы излучают легкое раздражение. Но он вполне корректен и деловит. Он дает свое согласие на организацию самостоятельного отряда (в рамках Боспорской экспедиции. — В. Г.)... Об «Открытом листе» (документ на право производства раскопок. — В. Г.) на мое имя Гайдукевич не заговаривал. А я постеснялся этой темы... Сохранилась в памяти и заключительная фраза, брошенная Гай-

дукевичем мне на прощание: “Ну что ж, поезжайте в Ивановку, но ничего у вас не выйдет”» (Кубланов, 2014. С. 115).

Напутствие это, впрочем, не оправдалось. Самозабвенный труд будущих учителей, готовых работать на молоке и черном хлебе весь световой день, через месяц принес вполне ощутимые плоды. Продемонстрировать их довелось, когда в Илурат пожаловали именитые гости: компанию начальнику экспедиции В. Ф. Гайдукевичу составил еще один корифей боспорской археологии — Владимир Дмитриевич Блаватский (1899–1980), родственник известной теософки Елены Блаватской. Это были две во многом противоположные не только по внешности, но и по духу личности: неулыбчивый, похожий на аскета московский профессор и склонный к полноте жизнелюб Гайдукевич. И вновь предоставим слово автору раскопок: «Знойный безоблачный летний день. На плато, где расположено городище было особенно жарко. Все приехавшие, несколько десятков человек, были одеты, как одеваются летом на юге — максимально легко, в открытых платьях, распахнутых белых рубашках, сандалиях. На этом фоне неповторимо комично выглядела фигура Блаватского. На голове полувоенного образца фуражка, профессорское тело было заковано в застегнутую до последней пуговицы солдатскую гимнастерку и штаны, заправленные в кирзовые солдатские сапоги. Через плечо висела кожаная, туго набитая командирская планшетка. Он был несбиваемо серьезен и сосредоточен. Я начал экскурсию, и она поразила гостей. Они увидели раскопанную нами часть мощной крепостной стены, каменное помещение, стены которого сохранились на высоту в два метра, дверной проем (рядом с ним Гайдукевич в следующем году откопал т. н. святилище). Дальше проследовали на “кромлех” (круг, выложенный из камней. — В. Г.), который оказался поздним сооружением, затем впервые увидели некрополь — северную его часть, представленную прекрасно сохранившимся (за исключением свода) каменным склепом из притесанных плит. На закуску я им оставил то, что было моей наибольшей гордостью. Я их повел на южную часть некрополя и, ничего не говоря, остановился у катакомбы, в дромосе которой лежал нетронутый грабителями скелет лошади.

Рис. 11. Михаил Моисеевич Кубланов

...Потом все стали хвалить нас: как чисто, как красиво проведены раскопки, все видно, все понятно; Гайдукевич не преминул вставить перо Блаватскому (у которого всегда на раскопе не видно и непонятно) и сказал, что таково направление ленинградской школы боспорской археологии...» (Кубланов, 2014. С. 117).

Результаты действительно были впечатляющими. На следующий год В. Ф. Гайдукевич объявил, что это городище лежит в области его собственных научных интересов, и решил с 1948 г. сосредоточить тут основные усилия своей экспедиции. Масла в огонь подлила публикация М. М. Кублановым только под своей фамилией итогов раскопок 1947 г. на городище у деревни Ивановка в «Ученых записках педагогического института». Такого, как держатель «Открытого листа», Гайдукевич простить не мог. О продолжении археологического изучения Илурата Кублановым, естественно, не могло быть и речи. Не нашлось для него и места в секторе Северного Причерноморья.

Авторитарный стиль руководства тогда пронизывал все сферы жизни общества и, в данном случае, Гайдукевич не был исключением. Как раз в это время он завершал работу над своим фундаментальным трудом «Боспорское царство», охватывавшим всю его тысячелетнюю историю, но все-таки успел вставить в главу «Боспорские города» информацию о раскопках Илурата. Тогда впервые этот античный топоним, о местонахождении которого в стороне от побережья Восточной Таврики сообщает Клавдий Птолемей, был отождествлен с городищем у деревни Ивановка. Действительно, по данным этого географа *πολις Ιλουρατον* находился на 10' западнее Тиритаки и на 5' севернее ее. В переводе на современные линейные измерения это дает расстояние около 12 км, что, в общем, соответствует реальному расстоянию между современным пос. Аршинцево и дер. Ивановка.

Конечно, использование координат Птолемея затруднено тем, что сетка долгот у него растягивается на восток, а средняя ошибка в определении широты составляет 90' (1,5°), тем не менее, они дают для локализации Илурата определенные основания. Во всяком случае, сомневаться в реальном существовании такого пункта вряд ли приходится. В «Географии» Птолемея ставилась задача переработать труд его ближайшего предшественника Марина Тирского, исправить погрешности и, по сообщениям побывавших в тех странах путешественников, нанести на карту то, что у него не ясно. И, надо сказать, карта Птолемея исключительна по полноте: в ней приводятся координаты около восьми тысяч населенных пунктов, значительная часть которых нигде более не упоминается. Его осведомленность по сравнению с достаточно подробным описанием Таврики у Плиния Старшего (ок. 23–79 г. н. э.) проявляется в том, что в «Географии» дается 14 новых названий поселений внутри Керченского полуострова. Скорее всего, Птолемей добросовестно использовал имевшуюся у него информацию, представлявшую собой официальные сведения, полученные через представителей римских гарнизонов в Таврике или через Боспор, находившийся под римским протекторатом. Поскольку считается, что основное сочинение Птолемея «Альмагест» было закончено около 150 г. н. э., после чего он приступил к созданию «Оптики» и «Географии», можно полагать, что новые данные, использованные

в последней, восходят к концу I — первой половине II в. В настоящее время локализация Илурата на месте городища у деревни Ивановка стала общепризнанной, хотя ни одной подтверждающей это надписи так и не найдено.

При В. Ф. Гайдукевиче в ходе планомерного, масштабного исследования Илурата порой за полевой сезон вскрывалось до 600 квадратных метров. Постепенно вырисовывалась картина жизни мощной крепости, возведенной в тот период, когда Боспор под эгидой Рима переживал новый экономический расцвет. На всем тут лежал отпечаток своеобразной варваризации, что в той или иной мере вообще присуще местной культуре первых веков н. э. Конечно, слои римского времени исследовались в тот период и в других боспорских городах, но только здесь на большой площади были открыты практически единовременные строительные остатки II–III вв. н. э., позволяющие почувствовать атмосферу античного поселения. Эти ощущения неизбежно усиливает окружающий степной ландшафт, слава богу, до сих пор не особенно затронутый цивилизацией. Поэтому Илурат любили посещать представители высокого местного и московского начальства. Среди сотрудников экспедиции даже появилась поговорка: «Сам Рыбаков¹⁶ бывает рад, когда увидит Илурат».

Все, кто попадал сюда в студенческие годы на полевую практику, становились патриотами Илурата, несмотря на то, что условия жизни в экспедиции были достаточно тяжелые: начальник появлялся нерегулярно, соответственно случались перебои со снабжением, да и чтобы искупаться в море, нужно было пешком идти 10 км через поля. В те годы Илурат, можно сказать, превратился в школу кадров для ленинградской археологии и антиковедения. Многие «птены гнезда илуратского» получили известность в отношении избранной ими специальности: Е. Г. Кастанаян, руководившая раскопками Порфмия и в течение ряда лет заведующая Группой античной археологии ЛОИА АН СССР; А. А. Нейхардт — известный антиковед, занималась историографией Северного Причерноморья античной эпохи; советский историк и археолог, выдающийся специалист в области изучения античной амфорной тары и керамической эпиграфики И. Б. Брашинский; известный исследователь сибирских древностей скифского времени А. Д. Грач и его жена Н. Л. Грач, в дальнейшем посвятившая себя раскопкам боспорского города Нимфея; Л. К. Галанина — специалист в области скифской и меотской археологии; Н. З. Кунина, ставшая крупнейшим в России знатоком античного стекла; Ю. Л. Дюков, возглавлявший античный сектор Нумизматического отдела Эрмитажа; московский нумизмат-античник К. К. Голенко; О. Д. Лордкипанидзе, который был одним из ведущих специалистов по античной археологии Грузии, и многие другие.

В последние годы жизни В. Ф. Гайдукевич снова целиком переключился на те археологические памятники, где начиналась его археологическая карьера. Кажется, Илурат отчасти уже исчерпал себя: ну будет открыта еще одна улица, еще один дом и все. С 1961 г. В. Ф. Гайдукевич сосредоточился на исследовании

¹⁶ Б. А. Рыбаков (1908–2001) — тогда директор Института археологии АН СССР в Москве.

Мирмекия. Раскопки Илурата надолго прекратились и возобновились только в последний полевой сезон Виктора Францевича. При этом тогда он, в основном, пребывал в Керчи, давали себя знать проблемы со здоровьем. Впрочем, Илурат Гайдукевич все же навестил за несколько дней до смерти. На то была особая причина: с неожиданной проверкой к нему в Керчь нагрянули два академика, Б. А. Рыбаков и М. К. Каргер¹⁷. В Ивановку все трое приехали на такси, и начальник экспедиции, тяжело дыша и опираясь на палку, провел экскурсию по городищу и показал свежие результаты раскопок. После неожиданной инспекции ему стало настолько плохо, что пришлось лечь под наблюдение врачей в керченскую больницу. Сам Гайдукевич так описывал свое состояние в последнем письме: «Пишу в 11.20 5/X. Почувствовал себя плохо... уже вечером, часов в 10, стала одолевать слабость... Стало потом трудно дышать, дышал кислородом, но это не давало должного результата... Вызвать кого-нибудь из членов экспедиции деж<урная> сестра отказалась. Сажу на кровати и чиркаю эту записку, обливаясь потом и поджидая развязки, т. к. пульс низкий. Конечно, главная причина такой раз<вязки> — приезд Мих<аила> Конс<тантиновича> Каргера», явившегося, как это мы знаем из пись<ма> — с камнем за пазухой. Очень будет жаль, если я не смогу ничего поделаться, не дождавшись утра. На всякий случай пишу эту записочку. Сознание ясное, чёткое, но, увы, сердце на последнем взводе — кувыркается. Делаю перерыв. Авось, ещё смогу продолжить...»¹⁸. Вскоре у Гайдукевича резко подскочило давление и 9 октября 1966 г. он скоропостижно скончался в результате сердечного приступа.

Илурат перешел по наследству к единственному из оставшихся рядом с ним учеников, Игорю Георгиевичу Шургая (рис. 12). Он родился в семье, предки которой по мужской линии связаны с Западной Грузией (Кутаиси), а по женской — с Обо-нежьем, т. е. с территорией, некогда входившей в состав владений Великого Новгорода. Обе линии сошлись в Ленинграде и, надо сказать, что их представители с той и другой стороны оставили заметный след в истории этого города. Среди них можно упомянуть всем известного председателя Исполкома Петроградского совета Н. С. Чхеидзе и деда Игоря Георгиевича, Петра Ивановича Лучкина, создателя С.-Петербургских Электромеханических мастерских, ставшего миллионером и заслужившего за производимую продукцию многие международные награды, в том числе три гран-при на Всемирных выставках в Париже и Неаполе.

Маленький Шургая пережил все ужасы блокады и даже был ранен случайным осколком. Позднее, в возрасте восемнадцати лет, он поступил на кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. Именно тогда юный студент впервые попал в Боспорскую экспедицию на раскопки Мирмекия и Тиритаки. С этого времени основным предметом научных интересов и делом всей жизни для него стало изучение

¹⁷ М. К. Каргер (1903–1976) — специалист в области древнерусской архитектуры, с 1964 г. зав. ЛОИА АН СССР.

¹⁸ Письмо было обнаружено Ю. А. Виноградовым в архиве недавно скончавшейся В. И. Денисовой (Пругло) (1929–2016).

античной археологии Средиземноморья и Причерноморья.

Обучение в университете завершилось в 1957 г., когда страна после XX съезда КПСС мучительно расставалась с недавним прошлым, но оно не сразу отпускало людей. Вспоминается снимок чуть более раннего времени из семейного альбома: Игорь Шургая на праздничной демонстрации. На фотографии молодой человек в элегантном пальто с модным коком на голове и портретом Сталина в руке. Большим поклонником вождя он, конечно, не был и в дальнейшем, став руководителем Боспорской экспедиции, проявил себя далеко не столь жестким, как скажем, сформировавшийся совсем в другие годы его учитель. Долгое время В. Ф. Гайдукевич не терпел возле себя потенциальных соперников и даже занял абсолютно враждебную позицию на защите кандидатской диссертации одного из своих учеников, И. Б. Брашинского. Ему были нужны скромные, ни на что не претендующие помощники. В этом отношении Игорю Шургая повезло больше. В феврале 1958 г. он появился в здании Ново-Михайловского дворца (арх. А. И. Штакеншнейдер, 1857–1861) на Дворцовой набережной, где помещалось ЛОИА АН СССР, в должности научно-технического сотрудника с окладом 740 рублей. В следующем году он уже начальник отряда Боспорской экспедиции, а в 1962 г. поступил в аспирантуру. Тема кандидатской диссертации в процессе работы менялась несколько раз, пока не получила в окончательном виде название «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (III–I вв. до н. э.)». Карьера молодого ученого понемногу развивалась, и еще до защиты диссертации, в декабре 1965 г., он был переведен на должность младшего научного сотрудника Группы античной археологии. Можно представить, как менее чем через год, повлияла на него неопределенность ситуации после смерти Гайдукевича, на поддержку которого ранее он мог всегда опереться. Надо признать, что Игорь Георгиевич чрезвычайно, почти до обожания, любил своего учителя. Отступать от его наследия он не желал даже в мелочах, и эта позиция, конечно, заслуживает уважения, хотя, с другой стороны, понятно, что любое движение вперед, и не только в науке, не может обойтись без потерь, жертв, переосмысления старого опыта и былых достижений.

Рис. 12. Игорь Георгиевич Шургая

Тем не менее, раскопки Илурата были продолжены в 1968 и 1970 гг. Как и Гайдукевич, И. Г. Шургая не занимался исследованием некрополя. Тем более что в этом отношении у него тогда появился соперник — все тот же М. М. Кубланов, работавший в это время сотрудником Музея истории религии и атеизма. Это произошло при Павле Николаевиче Шульце (1900–1983), возглавившем Группу античной археологии после смерти Гайдукевича. Это был человек, посвятивший свою жизнь изучению культуры поздних скифов в Крыму и их столицы Неаполя близ современного Симферополя. Его отличала большая работоспособность, несмотря на то, что в годы войны ему ампутировали на руках обмороженные части всех пальцев. Не обращая внимания на последствия операции, П. Н. Шульц продолжал ездить в «поле», увлекался плаванием, поднимался в горы, прекрасно управлялся с двустволкой. Он хорошо относился к Кубланову, и в 1968 г. разрешил ему работать на некрополе по отдельному «Открытому листу». Так в Илурате появились две экспедиции, хотя и не поддерживавшие тесных отношений, но все же способствовавшие комплексному изучению памятника. Вскоре здоровье Шульца изрядно пошатнулось, ему становилось все хуже и хуже и в 1971 г. роль заведующего Группой античной археологии перешла к И. Г. Шургая, который к тому времени стал старшим научным сотрудником. Собственно в этом качестве годом позже мы с ним и познакомились.

Я уже отмечал, что, будучи студентом, Шургая прошел хорошую школу на раскопках Мирмекия и Илурата. Впрочем, откровенным «полевиком» он так и не стал и любил повторять: «Вот часто говорят, что археолог — это не кабинетный ученый..., да самый кабинетный!» Действительно, Игорь Георгиевич любил свой уютный кабинет в доме на 2-й линии Васильевского острова, из окна которого открывался прекрасный вид на купол Академии художеств. На одной стене висело написанное еще в XVIII в. тондо¹⁹ — копия «Мадонны делла Седиа» Рафаэля. Другая стена была целиком заставлена книгами, в том числе привезенными из путешествия 1967 г. по Египту, Ливии и Тунису. Надо сказать, что проблемы изучения не только Причерноморья, но и Средиземноморья эпохи эллинизма всегда оставались в поле его зрения. Отдельные крупные статьи, связанные с исследованием производства рельефной керамики на Боспоре, позднеэллинистическими рельефными кубками и александрийской чернофигурной керамикой стали классикой отечественной античной археологии. К сожалению, его книга, посвященная культуре Александрии Египетской, так и осталась незавершенной.

Над рабочим столом Шургая висела в рамке акварель работы его давнего, со времени блокады и учебы в школе, друга — известного востоковеда А. П. Терентьева-Катанского (1934–1998). Он обладал незаурядным художественным талантом, как полагали многие, вполне достойным профессионального художника. Больше всего ему удавались забавные портреты-шаржи своих коллег.

¹⁹ Тондо — произведение живописи, имеющее круглую по форму.

На акварели Анатолий Павлович с присущим ему юмором скопировал средневековую миниатюру, изобразив Шургая в виде императора Священной Римской империи со всеми атрибутами власти, пришедшими в Западную Европу из Византии. Рядом на стене находился гравированный портрет другого императора, Наполеона I. Все это, конечно, отражало разнообразные увлечения хозяина кабинета. Действительно, нужно было быть большим поклонником великого корсиканца, чтобы выложить за редкое издание мемуаров его секретаря Луи де Бурьенна 200 рублей, сумму равную тогда месячной зарплате младшего научного сотрудника с кандидатской степенью. Как большой раритет в его столе хранился офицерский крест кавалера ордена Почетного легиона времени наполеоновских войн. С такой же страстью Игорь Георгиевич относился к архитектуре и истории Петербурга. Прогулки с ним по улицам и набережным города порой превращались в настоящие лекции. Он мог рассказывать буквально о каждом доме, называть события, с ним связанные, перечислять владельцев. И я не знаю, кто бы мог с ним в этом сравниться.

И все же, несмотря на то, что И. Г. Шургая не жаждал покидать свой Петербург-Ленинград и надолго расставаться с городским комфортом, он год за годом отправлялся в Илурат, который любил не менее сильно. В палатке начальник экспедиции, естественно, не жил, а снимал две комнаты в доме, который облюбовал еще В. Ф. Гайдукевич. Он располагался на восточном краю Ивановки, менее чем в километре от экспедиционного лагеря, стоявшего около юго-западных ворот городища. На раскопе начальник, следуя традиции своего учителя, появлялся обычно не раньше 11 часов утра в черных очках, белом костюме и белой пилотке на голове (рис. 13). Общение с ним в течение рабочего дня очень любили проходившие археологическую практику студентки Академии художеств, так как под интересную беседу можно было отдохнуть и на некоторое время забыть о надоевшей лопате. А поговорить было о чем. Он был настоящим петербургским интеллигентом, непревзойденным рассказчиком, с присущим ему темпераментом, легко затрагивавшим любые темы — от античной истории и археологии до поэзии Серебряного века. Причем это не только личное восприятие. Несколько лет назад я случайно наткнулся на опубликованный в 1970 г. в газете «Смена» очерк журналиста Геннадия Яковлева, где ситуация на раскопе описана очень похоже на то, как я это помню:

«Игорь Георгиевич во всеоружии человеческих реакций.

— Ребята, я не слишком на вас давлю? Я демократ, но дело есть дело. Нас мало. Вот на будущий год...

Темперамент пронесит его по всему рабочему дню, как по одному часу. Все втянулись в работу.

— Игорь Георгиевич, а вы не скажете?.. — скромненько спрашивает Саша и тихонько усаживается на перевернутую плиту.

Его примеру следует весь отряд. Саша бьет без промаха: Игорь Георгиевич всякий раз загорается рассказом и забывает обо всем на несколько минут.

Рис. 13. И. Г. Шургая в лагере экспедиции. 1978 г.

Правда, он требует активного усвоения знаний, а это часто бывает потяжелее тачки. И все же как-никак перерыв.

Так и есть. Игорь Георгиевич со скрупулезностью выступающего перед коллегами ученого начинает отвечать на вопрос. Он уже рассказал ребятам историю Древнего Египта, Древней Греции, Боспорского царства, историю орденов, историю названий многих государств и городов, познакомил с подробностями жизни великих полководцев, поэтов, ученых. Не было еще вопроса, который не удостоился бы исчерпывающего, энциклопедического ответа.

Игорь Георгиевич как бы заговаривает их. Это напоминает новый вариант книги сказок, который можно было бы назвать «Тысяча и одна лекция». Работа идет бесперебойно. Игорь Георгиевич иногда прерывает рассказ, делает записи в своей тетради, дает указание, где копать, где расчистить, и снова ведет за собой юные умы по лабиринту мировой энциклопедии, по-свойски разместившейся в его голове».

Человек увлекающийся, И. Г. Шургая часто рассуждал о «магии идеи», и она, безусловно, нередко овладевала им самим. Так было, например, со стремлением найти в крепости главную площадь и «римские казармы». Эти ожидания не подтвердились, но с именем исследователя связаны многие важные открытия, сделанные в ходе изучения планировочной структуры Илурата и центральных благоустроенных кварталов города, например, домашнее святилище с алтарем и единственный пока производственный комплекс — винодельня. Очень ценные

материалы дали раскопки в районе юго-восточных ворот, северного узла обороны крепости и остатков ее ранней северо-восточной стены.

Конечно, не все в жизни Игоря Георгиевича складывалось благополучно. Был период, когда его «разгрузили от обязанностей заведующего Группой» (формулировка из приказа). Оказалась неудачной поздняя, в 45 лет, попытка создать семью. По существу он так и остался одиноким. И все-таки с ним был его любимый Илурат, его постоянно поддерживали самые близкие для него люди — мать, младший брат Герман и племянница Вера. Они были рядом с ним и 6 февраля 1982 г., в последний день его жизни, оборвавшейся в результате резкого скачка давления и гипертонического криза. Это было более, чем неожиданно. Еще накануне, в пятницу, когда мы вместе ушли с работы, все было в порядке. А в понедельник утром в канцелярии мне сказали, что Игорь Георгиевич скоропостижно скончался. Ему было всего сорок семь лет. Хотя я и те, кто его знал, сейчас пребываем в более зрелом возрасте²⁰, для нас он навсегда останется Учителем, о котором мы будем вспоминать с благодарностью и любовью.

Исследование Илурата, начиная с 1982 г., довелось продолжить автору этой книги. Раскопки здесь продолжались почти без перерыва вплоть до 2000 г., несмотря на сложности с финансированием в период распада Советского Союза и превращения Крыма в заграницу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одновременно в работу Боспорской экспедиции на некрополе включился с отрядом «безбожников» бывший заместитель М. М. Кубланова, Владимир Андреевич Хршановский, до сих пор не прекративший свою полевую карьеру даже после выхода на пенсию.

Позднее мне довелось вернуться в Илурат, но только тринадцать лет спустя при участии сотрудников Керченского историко-культурного заповедника и студентов Университета им. Николая Коперника в Торуня (Польша). К сожалению, этот триумвират оказался недолговечным.

²⁰ К сожалению, многие из тех, кто участвовал в раскопках Илурата под руководством И. Г. Шургая, уже ушли из жизни. В этой связи можно вспомнить крупного специалиста по кельтской филологии В. П. Калыгина (1950–2004), известного антиковеда и ираниста С. Р. Тохтасьева (1957–2018), впервые попавшего в Илурат четырнадцатилетним подростком, и художника-графика С. В. Швембергера (1959–2018), занимавшегося виртуальными реконструкциями раскопанных в Илурате объектов.

Глава 3

ИЛУРАТ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

Того, кто попадает в Илурат в первый раз, поражает грандиозность сохранившихся остатков города. Он действительно является прекрасным образцом боспорской крепости, выстроенной когда-то по последнему слову античной фортификации с учетом всех особенностей местности (рис. 14). Остатки мощных стен и башен высятся на пологом скалистом плато высотой до 45 метров, круто обрывающемся вниз, в долину, где протекает небольшой ручей²¹, впадающий в Чурубашское соленое озеро, бывшее когда-то морским заливом.

В бортах долины близ городища и под ним есть выходы водоносных слоев. Благодаря им на крутом северном склоне растут цепочкой отдельные группы деревьев — ясеней и вязов, упоминающихся Феофрастом (ок. 370 — ок. 285 г. до н. э.), как произрастающие в районе Пантикапея. Кроме того, в долине имеются кусты боярышника, терна и различных видов шиповника. Вероятно, две тысячи лет назад эта местность была покрыта байрачным лесом²², обеспечивавшим население крепости древесиной и топливом²³. Потребности в строительном камне удовлетворялись за счет имеющихся в окрестностях города многочисленных выходов прочного слоистого известняка, удобного для ломки и транспортировки.

Изучение топографии Илурата позволило выявить близ восточного угла крепости своеобразный, довольно широкий пандус, скорее всего, естественного происхождения, но, по-видимому, подправленный когда-то местными жителями для удобства подъема из долины на плато. Современный уклон здесь составляет около 10°, т. е. наверх легко могла подняться повозка, а тем более всадник. От нижней части пандуса по первой надпойменной террасе проходила дорога, следы которой заметны в рельефе. С точки зрения обороны она расположена очень выгодно, т. к. она проходила под северо-восточной оборонительной стеной. Соответственно идущий в город воин был обращен к ней

²¹ Здесь мало что изменилось за последние двести лет, если сравнить современную ситуацию с описанием окрестностей городища у Дюбрюкса: «узкая и глубокая ложбина, в которой отчасти зимой и по весне протекает ручей, в остальное время года пересыхающий».

²² Байрачный лес — широколиственный лес, растущий по дну и склонам балок (байраков) в степных и лесостепных районах.

²³ Древесный материал, безусловно, ценился и именно этим объясняется присутствие в Илура-те такого количества различных сооружений из камня: столиков, ларей, кормушек и пр.

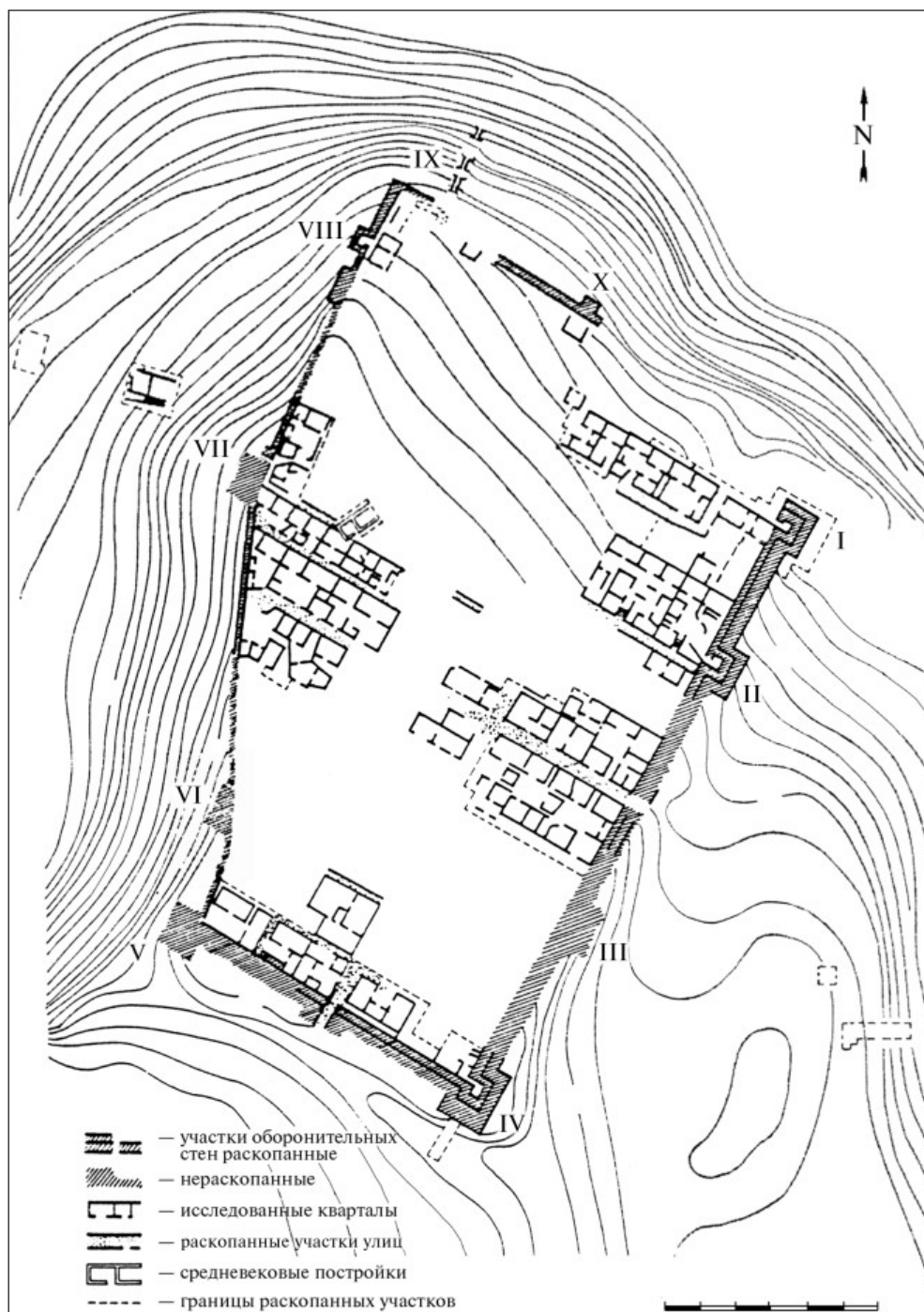

Рис. 14. План Илурата (по данным раскопок 1947–1994 гг.)

правым, незащищенным боком. Там, где дорога подходила к северной угловой башне, русло ручья делает крутой поворот. Вероятно, тут находилась переправа, поскольку на противоположном склоне долины имеется пологая балка, удобная для подъема. Далее к северу, судя по всему, находились земельные наделы жителей крепости, поскольку это единственные пахотные земли в близлежащей округе. Местные почвы имеют довольно хорошие свойства для выращивания зерновых культур и овощеводства. При дополнительном орошении они были вполне пригодны также для виноградарства и садоводства. На южном берегу долины, напротив, почвы почти нет, и местами на поверхность выходит известняк. Эта полынная степь — лучшее пастбище для овец ранней весной, когда после зимних холодов полынь теряет горечь и острый запах. В пойме же с густым разнотравьем можно было пасти коров и лошадей и заготавливать корма на зиму.

Поверхность скалистого плато, которое занимает крепость, значительно понижается в северо-восточном направлении. Перепад высот в пределах оборонительных стен составляет около 15 метров, однако, это не смутило древних строителей. В процессе застройки городской территории они создали несколько искусственных террас высотой от 0,6 до 2 метров. Добытый таким образом камень использовался на месте для строительства. Мощные оборонительные стены, фланкированные башнями, на северо-западе и северо-востоке следуют рельефу местности, а с напольной стороны пересекаются под прямым углом.

Илурат был одним из ключевых пунктов в системе укреплений Европейского Боспора. Западные границы его были весьма размытыми. Первой линией обороны здесь были небольшие крепости и сторожевые посты, выдвинутые в горные и степные районы. Второй линией служили валы предшествующего времени, продолжавшие использоваться в римский период. Подобные сооружения без постоянного внимания быстро приходили в негодность и требовали периодического обновления. Иногда такие акции приобретали достаточно масштабный характер. Так, географ Страбон (63 г. до н. э. — 19 г. н. э.) сообщает, что боспорский царь Асандр «построил на перешейке... поблизости от Меотиды стену длиной в 360 стадий (около 64 км. — *В. Г.*) и воздвиг на каждую стадию по 10 башен». С учетом имеющихся данных есть основания полагать, что в этот период были обновлены и усилены два древних земляных вала к западу от Илурата: Арабатский (от берега Азовского моря к западу от Арабатской стрелки до Феодосии) длиной около 25 км и Узунларский (от Азовского моря до Узунларского озера)²⁴ — около 32 км. Перед Узунларским валом на протяжении 50–60 км располагалась практически лишенная поселений «мертвая зона», на преодоление которой, если это не был конный набег, потенциальный противник должен был затратить не менее одного-двух дней. Такая же ситуация

²⁴ Очевидно, именно это сооружение с наибольшей долей вероятности можно соотнести с валом Асандра, упомянутым у Страбона.

ГЛАВА 3. ИЛУРАТ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

сложилась перед римскими пограничными линиями (лимесом), где запрещалось селиться варварам. Собственно, боспорские валы, видимо, предназначались, в основном, для защиты от внезапных грабительских нападений небольших отрядов варваров и, в любом случае, существенно снижали возможность их маневра при отступлении с добычей.

Главные дороги на основной территории Боспорского царства контролировались сетью хорошо укрепленных усадеб и крепостей, игравших одновременно роль опорных пунктов своего рода третьей линии обороны для защиты прилегающей сельской округи. При вторжении врагов в короткое время могли быть мобилизованы значительные военные силы, а подразделения регулярной армии и отдельные гарнизоны вполне были способны оказать необходимую помощь друг другу. Только в отдельных случаях военные действия затрагивали непосредственно столицу государства. Так, в одной из пантикапейских надгробных надписей I в. н. э. повествуется об Аристоне, сыне Аристана, «защищавшем стены отечества» и навечно оставшемся «в памяти всех боспорцев».

Поддержание в постоянной боевой готовности существующих линий укреплений и опорных пунктов было единственно возможным способом обеспечить достаточно эффективную оборону государства, не требующую содержания большой постоянной армии. В противном случае расходы на нее оказались бы слишком обременительными для боспорской династии Тибериев-Юлиев, несмотря на помощь Рима.

Илурат в стратегическом отношении контролировал пути, ведущие в Пантикапейскую область с юго-запада, и мог быть связан с другими крепостями и самой столицей световой или дымовой сигнализацией, с помощью которой передавалась оперативная информация. Для расположенных неподалеку сельских поселений крепость, несомненно, играла роль военно-административного центра.

Сразу отметим, что о размерах первоначального укрепления на этом месте можно говорить лишь предположительно. Скорее всего, они соответствуют тому, что мы знаем для более позднего времени. На это указывает присутствие в основании внутреннего фаса юго-западной оборонительной стены отрезка кладки, от которой сохранилось до четырех рядов обработанных «в руст»²⁵ известняковых блоков. Эта часть стены настолько разительно отличалась от привычного облика фортификационных сооружений Илурата из грубо обколотых известняковых плит, что В. Ф. Гайдукевич в свое время вполне резонно предположил вторичное использование рустованных квадров. Он считал, что они добыты из какого-то более раннего укрепления.

Вопрос о том, что из себя представлял ранний Илурат, окончательно прояснило открытие остатков оборонительных сооружений на противоположном склоне городища. Ранее считалось, что искать их здесь абсолютно бесполезно, так как они должны были обрушиться в силу естественного разрушения скалы,

²⁵ Так называется выступающая на лицевой поверхности центральная часть камня, подтесанного по краям.

хотя П. Дюбрюкс в свое время видел на 2 сажени (4,3 м) ниже края скалы башню, которую отметил на плане буквой N. Это его наблюдение подтвердилось совершенно случайным образом. Как-то раз, в свой последний полевой сезон, И. Г. Шургая, прогуливаясь по северо-восточному склону городища, присел отдохнуть на камень, выступавший из земли. Опершись на него, он почувствовал под рукой грани хорошо отесанной поверхности. На всякий случай сюда отправили двух студентов с лопатами, чтобы зачистить предполагаемую каменную кладку. И вот уже на следующий день удалось увидеть чудом уцелевший фрагмент крепости I в. н. э., от которой не осталось почти ничего. Это было основание небольшой башни размерами 4,4 × 2,8 м.

В последующие годы рядом с башней на протяжении почти тридцати метров была открыта стена толщиной 2,5 м. Она была сложена на подтесанном скальном основании весьма тщательно, без применения связующего раствора (рис. 15), и имела трехчастную структуру: два панциря и забутовка из грубо обколотых камней между ними. Рустованные квадраты внешнего панциря из желтовато-серого известняка плотно подогнаны друг к другу и сохранили следы распилов и отески. В последнем случае они соответствуют рабочей кромке инструмента типа зубила или тесла длиной от 4 до 10 см. Дополнительную прочность кладке башни и стены должны были придать связывавшие ее на всю ширину деревянные брусья, для которых предназначались специальные прямоугольные вырубьы. Учитывая достаточно высокую сейсмическую активность в районе Восточного Крыма, такая деталь представляется достаточно продуманной.

Пространство между склоном холма и вынесенной вниз оборонительной линией на этом участке сnivelировано строительным мусором таким образом, что перепад высот между основанием башни и вымосткой более позднего жилого дома II–III вв., расположенного выше, составил 3,5 м. Фрагменты краснолаковой керамики из слоя у подошвы северо-восточной оборонительной стены

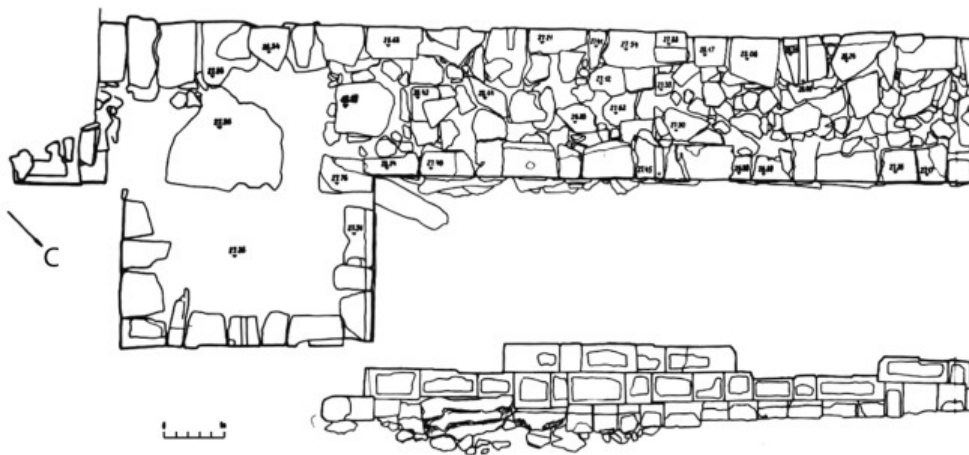
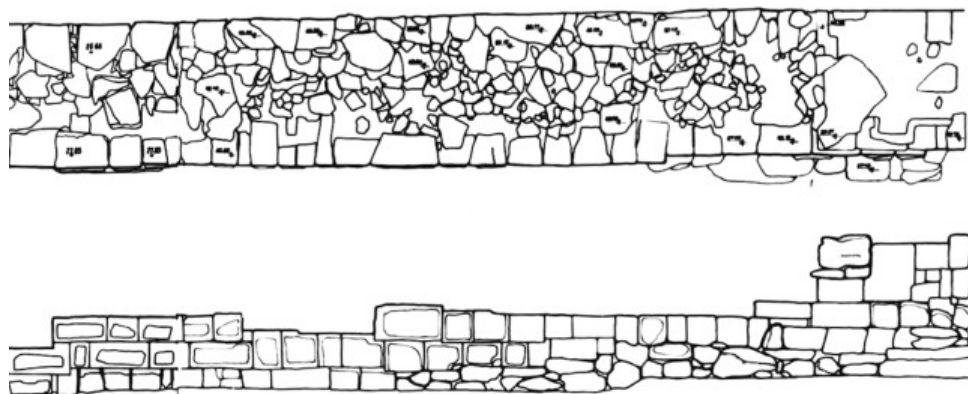

Рис. 15. Северо-восточная крепостная стена

позволили отнести строительство ранних фортификационных сооружений Илурата ко времени не позднее второй трети I в. н. э. Этой датировке вполне соответствовал обнаруженный в забутовке стены асс боспорской царицы Гипепирии 37/38–39 г. н. э. Не противоречили ей и находки из углублений в скале на трассе Большой продольной улицы, нижних слоев зольника за юго-восточными воротами крепости и погребальных комплексов некрополя. Недавние раскопки всего в 30 км к западу от Керчи сделали возможным уточнить *terminus post quem* для строительства Илурата. В данном случае это 46/47 г. н. э., когда погибла расположенная к северу от Илурата ранняя цитадель на городище Артезиан. На ее руинах при царе Котисе I (45/46–67/68) была возведена крепость с использованием обработанных в руст каменных блоков. Возможно, в проводившихся строительных работах по усилению обороны Европейского Боспора принимали участие римские инженеры. По крайней мере, известны примеры использования рустованных кладок в крепостях первых веков н. э. на территории римской провинции Фракия — Абритусе и Филиппополе.

На первом этапе существования Илурата, по-видимому, были решены и проблемы его водоснабжения. Дело в том, что выгодные топографические условия, использованные при возведении крепости, не компенсировали один существенный недостаток: отсутствие источников воды на территории, окруженной оборонительными стенами, что в случае осады должно было поставить обитателей крепости в крайне тяжелое положение.

Начало изучению вопроса о том, как жители Илурата обеспечивали себя водой в период военных действий, положил в 1981 г. научный сотрудник ЛОИА АН СССР, кандидат географических наук К. К. Шилик, ныне проживающий на пенсии в Гамбурге. В прошлом инженер, он в тридцать лет увлекся подводной археологией и вскоре сменил место жительства и работу, переехав из Минска

с рустованной кладкой. План и фасировка

в Ленинград. В лаборатории археологической технологии под руководством Сергея Ивановича Руденко, открывшего на Алтае знаменитые Пазырыкские курганы, он занялся проблемой применения в археологии различных геофизических приборов и методов. Затем сферой его интересов стало изучение колебаний уровня Черного моря за последние шесть тысяч лет.

В Илурате Шилик для начала исследовал палеогеографическую ситуацию в районе городища и пришел к следующим выводам. Речушка, протекавшая возле крепости, в древности, конечно, была более полноводной, но не настолько, чтобы по ней могли плавать корабли. Судя по найденным при раскопках костным остаткам, здесь гнездились такие водоплавающие птицы, как чомга, кряква и морской голубок. Перепад высот по трассе русла составляет около 12 м на км и даже при проливных дождях вода, не задерживаясь, стремительно скатывается вниз. Что происходит в таких случаях, тридцать лет назад мне пришлось наблюдать на собственном опыте. Ливень шел в Илурате всего одни сутки, но последствия были катастрофическими. На всю экспедицию осталась лишь одна более или менее не промокшая палатка. Раскоп в центре крепости был залит вровень с краями и превратился в бассейн, где с удовольствием купались налетевшие чайки. Уровень воды в ручье поднялся на полтора метра, и бурное течение буквально сбивало с ног. Стекавший по оврагу к юго-востоку от городища дождевой поток нагромоздил огромную, в рост человека, кучу достаточно крупных камней, а чуть ниже по течению, как рассказывали, утонуло стадо коров. Но все это продолжалось недолго, и напоминанием о происшедшем остался лишь толстый слой грязи на зачищенных перед фотографированием кладках и вымостках.

Для нас это было стихийное бедствие, а для жителей крепости когда-то такой дождь, наверное, представлялся счастливой возможностью пополнить запасы питьевой воды. При отсутствии источников на территории, окруженной оборонительными стенами, единственным выходом было устройство цистерн для дождевой воды, считавшейся в самой Греции даже более здоровой, чем родниковая. На это совершенно определенно указывает Аристотель в своей «Политике»: «Водой и источниками город должен быть снабжен в возможно большем количестве; в противном случае это должно быть возмещено устройством многочисленных и больших цистерн для сохранения дождевой воды, так, чтобы никогда в ней не было недостатка на случай, если бы граждане оказались из-за войны отрезанными от своей территории» (*Arist. Pol. VII. 10. 2*). В одной из надписей, обнаруженных при раскопках Пергама (совр. Бергама в Турции) — города, расположенного на высокой скале и также испытывавшего трудности с водоснабжением, в круг обязанностей городских чиновников входило производство переписи всех цистерн в домах. Список затем предоставлялся военачальникам — стратегам. При этом осуществлялся постоянный контроль за тем, чтобы хозяева держали цистерны закрытыми, и ни одна не была засорена. Видимо, подобные требования соблюдались и в Илурате. Здесь на дворах многих домов и даже на главной улице обнаружены вырубленные в твердой материковой скале

вместительные цистерны колоколовидной формы объемом от 7 до 10 куб. м. Для них характерна особая тщательность отделки горловины. Сверху на нее, как правило, положена квадратная плита, в которой вырублено округлое отверстие диаметром около 0,6 м. Оно плотно закрывалось круглой каменной крышкой, по размерам лишь несколько превышавшей саму горловину. Вокруг нее делалась загородка из вертикально установленных известняковых плит высотой до 0,5 м. В одном случае на трассе улицы был обнаружен пустой пифос глубиной около 1,5 м, закрытый такой же крышкой, как и ямы. Не исключено, что он тоже играл роль водосборника. Конечно, целиком удовлетворить потребности населения Илурата в питьевой воде такие цистерны не могли.

Между тем, еще П. Дюбрюкс отмечал следующее: «Под северной угловой башней на тыльном скате почти в основании горы имеется заваленное землей углубление, которое могло бы быть входом в потайной ход, с тем, чтобы защитники нижних укреплений могли бы проходить туда и обратно» (Дюбрюкс, 2010. С. 307). В. Ф. Гайдукевич также считал, что тут был выход из туннеля, вырубленного в скале, а длинное канавообразное углубление, спускающееся по склону близ северного угла крепости, вполне могло образоваться в результате осадки грунта на линии какого-то разрушившегося подземного хода. Этот провал, как и во времена первого исследователя Илурата, завершался большой воронкообразной впадиной глубиной 1,5 м. Наличие такого сооружения именно в этом месте объяснялось расположением неподалеку в ложбине источников воды.

Учитывая присутствие водоносных слоев у подножия скалистого плато, Шилик предположил, что на месте впадины должен находиться колодец, служивший для жителей Илурата постоянным источником воды в случае затянувшейся осады. И вот ему с двумя студентами было доверено археологическое изучение данного участка. Он заложил во впадине небольшой раскоп 3×3 м и стал выбирать ее заполнение. День шел за днем, не принося какого-либо результата. Когда через неделю после начала раскопок с глубины около 2 м был извлечен кусок колючей проволоки и осколок бутылки из-под шампанского, Шургая занервничал и потребовал прекратить здесь работы ввиду их полной бесперспективности. «Вы у меня бульдозер съели!», — заявил он Шилику, считая, что затраченные силы и средства можно было употребить гораздо рациональнее. С большим трудом удалось уговорить начальника экспедиции отложить это решение еще на один день. В последний момент, успех был достигнут: в 2,5 м от современной поверхности показалась массивная кладка потайного колодца с почти квадратным устьем — $1,85 \times 1,8$ м.

По мере выборки заполнения открывались один за другим тщательно подогнанные по высоте квадраты известняка высотой до 0,67 м, сложенные на известковом растворе с примесью песка. При зачистке стен колодца были выявлены интересные технологические детали. На расстоянии от 2,05 до 2,2 м по высоте располагались три линии пазов, заранее выпиленных в известняковых блоках, и расположенных на стыке рядов кладки по всему периметру сооружения, выше или ниже щелей шириной 7 см. Пазы, находящиеся на противоположных стенах,

соответствуют друг другу. Вероятно, в процессе строительства они использовались для крепления балок, образывавших жесткую решетку для дощатого настила, с уровня которого выводили следующие ряды кладки. Кусок балки сечением $0,12 \times 0,1$ м, изготовленной из ствола старой сосны большого диаметра, был обнаружен в одном из пазов, оказавшихся под водой. В дальнейшем, в ходе эксплуатации колодца, пазы и щели могли служить для устройства этажей, связанных лестницами, по которым можно было спуститься вниз для очистки дна колодца. Наряду с этим, несомненно, существовал и какой-то механизм для подъема воды наверх.

В целом, при значительных внутренних размерах, колодец должен был обеспечивать достаточно эффективную систему сбора воды, поступавшей по водоносным пластам. По крайней мере, когда его заполнение было выбрано на глубину 4,5 м, он стал быстро заполняться чистой прозрачной водой с температурой около 14° . Последние три метра грунта выбирались уже с помощью команды энтузиастов из московского подводного клуба, с которыми мы познакомилась в известном в свое время керченском пивном баре № 2. Вообще-то они приехали отдохнуть на Азовское море, но там штормило и тогда легло решение безвозмездно поработать на археологию. Это было редкое зрелище — аквалангисты в степи. Подводники извлекли со дна колодца остатки каменной конструкции, перекрывавшей его устье: блоки пиленого известняка размерами $0,7 \times 0,25 \times 0,22$ м и их обломки, общее число которых достигло 142. Скорее всего, в перекрытии использовались также деревянные балки, поскольку в некоторых квадратах сохранились прямоугольные пазы. Впрочем, не исключено, что свод перекрытия был уступчатым. По крайней мере, есть все основания полагать наличие такового в подземного ходе, спускавшемся к колодцу несколькими пологими маршами на расстояние около 40 м от линии оборонительной стены (рис. 16).

Илуратский подземный ход, исследовавшийся в 1982–1983 гг., представляет собой траншею, вырубленную с поверхности в материковой глине. Ее стенки укрепили каменными кладками, а в качестве перекрытия использовали огромные известняковые плиты. Ширина подземного хода — 1,4 м, тогда как найденные в заполнении три каменные плиты от упавшего перекрытия имели длину 1,05–1,1 м, т. е. они должны были покоиться хотя бы на двух-трех уступах с каждой стороны. Трасса этого сооружения проходит рядом с угловой северной башней. Зафиксированная здесь округлая впадина диаметром 1,25 м, как показали раскопки, оказалась следствием размыва скальной породы. Она постепенно суживалась до глубины 1,5 м, где отмечены отходящие вниз и в стороны щели и пустоты, из которых веяло холодом. Таким образом, верхняя часть хода, проходившая под оборонительными сооружениями, была выдолблена в скале и, очевидно, выходила на двор близлежащего дома.

Достаточно простая конструкция подземного хода, видимо, связана с воздействием архитектурных традиций, существовавших в областях, расположенных к югу от побережья Черного моря на территории Понтийского царства,

ГЛАВА 3. ИЛУРАТ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

в состав которого Боспор вошел в период правления знаменитого Митридата VI Евпатора. Вырубленные в скалах лестничные спуски к подземным резервуарам с водой широко известны в Каппадокии Понтийской, Пафлагонии, Малой Армении и Фригии. Укрепленные поселения там располагались, как правило, на труднодоступных вершинах холмов или скальных плато, бедных водными ресурсами. Поэтому первостепенной задачей было прорубить спуски к воде, порой насчитывавшие до двух сотен ступеней. Выделяются два типа туннелей: одни, как в Илурате, выводили к источнику воды непосредственно у подножия скалы и пробивались по покатоному склону, другие подводили к подземному водоему в самой скале.

Учитывая местоположение и размеры илуратского подземного хода, где с трудом могли разойтись два человека, следовало предполагать, что он, вероятно, не единственный в системе водоснабжения крепости. Для проверки этого предположения в 1999–2000 гг. были предприняты раскопки еще одной впадины на северо-восточном склоне городища. Она имела округлую форму диаметром около 5 м, глубину 0,9 м от современной поверхности и находилась на той же горизонтальной отметке, что и открытый ранее колодец. Таким образом, мы рассчитывали найти здесь сооружение аналогичного назначения и, возможно, даже больших размеров. В центре углубления был заложен шурф, в котором вскоре показалась стенка траншеи шириной 3,6 м, вырубленная в материковой глине. Ниже, на глубине около 3 м, среди скопления камней были обнаружены рядом бедренная кость человека в возрасте 30–35 лет, череп и 126 костей лошади, причем, судя по состоянию, не столь давнего происхождения. Сразу вспомнилось сообщение В. Ф. Гайдукевича о том, что в конце 1940-х гг. местные жители (со слов старожил) рассказывали ему, будто в яму у подошвы горы провалился крестьянин с конем, после чего ее засыпали. Ниже, на глубине 5 м, была обнаружена часть кладки, уходящей в борт шурфа: два блока

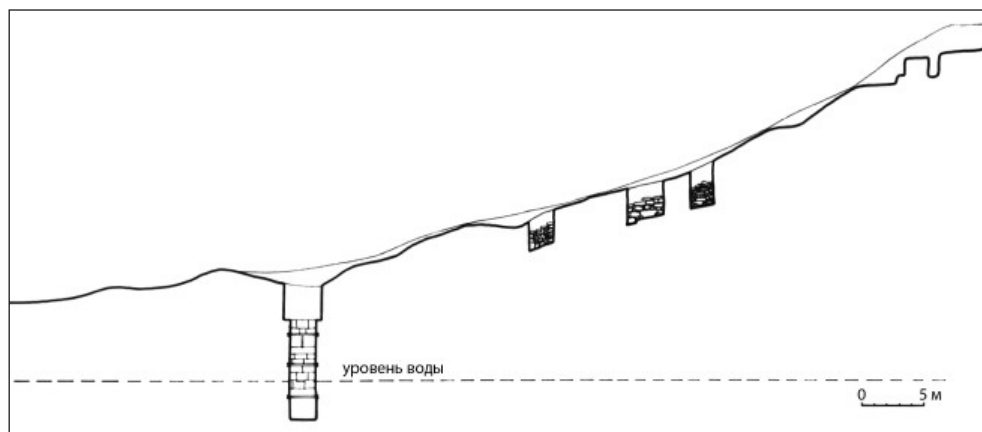

Рис. 16. Разрез склона илуратского плато по линии подземного хода и осадного колодца

пиленого известняка, уложенные в линию (длина одного из них — 0,72 м). Очевидно, они относятся к устью второго колодца, скорее всего, также связанного с крепостью подземным ходом, который вел в район главной, т. н. Большой Продольной улицы. Отсюда воду легко можно было доставить в любой из городских кварталов.

Какие же события происходили на Боспоре в I в. н. э., к которому относится возведение ранних укреплений Илурата?

Боспорское царство между независимостью и статусом вассального царства (1 экскурс в историю)

Рис. 17. Изображение царя Аспурга на боспорской монете

Две тысячи лет назад Северное Причерноморье прочно вошло в сферу влияния Римской империи. Первым из боспорских царей, кто получил подтверждение прав на престол именно в Риме, был Аспург (14/15–37/38), представитель новой, сарматской по происхождению, династии (рис. 17). Вероятно, этому предшествовали военные действия против других претендентов на власть. Во всяком случае, если судить по типам золотых и медных монет, выпущенных на Боспоре, начиная с 8 г. н. э., у него был, по крайней мере, один предшественник. Добиться победы в этом противостоянии Аспургу помогла его поездка в Рим, где император Тиберий (14–37) закрепил за ним титул царя.

По-видимому, это сопровождалось дарованием ему и его будущему потомству звания и привилегий римского гражданина. С тех пор имя Тиберий Юлий становится династическим для правителей Боспора вплоть до начала VI в. Но Аспург опирался не только на поддержку Римской империи, он мог использовать и неисчерпаемый военный потенциал сарматского кочевого мира. Все это реализовалось в расширении границ государства. Пышная официальная титулатура называет Аспурга великим царем, другом цезаря и другом римлян, царствующим над всем Боспором, Феодосией, синдами, меотами, торетами, псессами, тарпетами и танаитами, причем последние два племени при прежних правителях в нее не включались.

Для Рима Аспург оказался идеальной политической фигурой. Он полностью отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к вассальным правителям: был достаточно популярным среди разнородного в этническом отношении населения царства, обладал значительным опытом государственного и военного деятеля и, в то же время, был послушным исполнителем воли императора. Строились римско-боспорские отноше-

ния на основе договора о дружбе, который, при вступлении на престол нового царя, требовал обновления и подтверждения полномочий очередного претендента со стороны императора. Этот акт сопровождали почетные дары — курульное кресло и скипетр с бюстом императора, шлем, круглый щит и копье, меч и секира, — запечатленные позднее на монетах многих боспорских царей. Положение Аспурга еще больше упрочилось после женитьбы на представительнице фракийского царского дома — Гепеирии, которая подарила ему двух сыновей. Старший сын получил иранское имя Митридат, младший — фракийское имя Котис. Как показали последующие события, они отличались не только именами, но и своим отношением к зависимости Боспора от Рима.

После смерти Аспурга вопрос о наследовании освободившегося трона, естественно, должен был решаться в Риме, тем более что к власти там пришел своенравный Калигула (37–41), у которого были свои виды на Боспорское царство. Он собирался распорядиться им по собственному усмотрению и передать под власть фракийского царя Полемона II. Митридату, при жизни отца, очевидно, находившемуся в Риме как заложник, нужно было время, чтобы отстоять свои права на отцовское наследство. Видимо, на период его отсутствия государством управляла Гепеирия, от имени которой в течение года чеканились золотые и медные монеты (рис. 18). Уже с 39/40 г. н. э., судя по выпуску золота с портретом Калигулы, молодой царь получил власть в полном объеме. Но использовал он ее для проведения независимого от Империи политического курса и укрепления союзных отношений с соседними варварскими племенами. Вместе с тем Митридат III (VIII)²⁶ хотел сохранить хорошие отношения с Римом. Когда после убийства Калигулы императором стал Клавдий (41–54), к нему, чтобы выразить от лица брата верноподданические

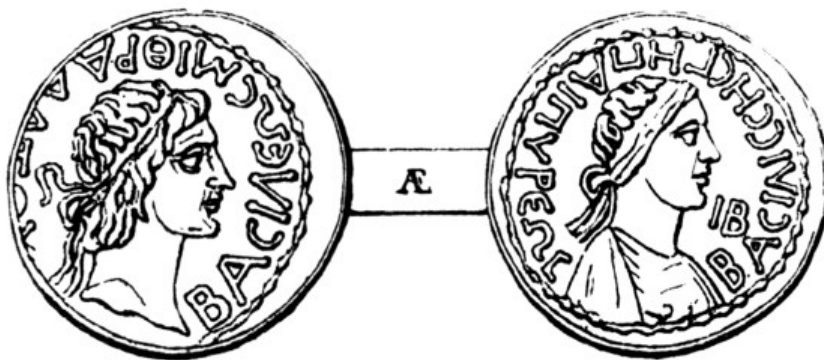

Рис. 18. Медная монета с изображением Митридата VIII и Гепеирии

²⁶ Вторая цифра используется, если отсчет ведется от знаменитого понтийского царя Митридата VI Евпатора (121–63 гг. до н. э.), включившего Боспор в состав своей державы.

чувства, отправился Котис. Однако у него были свои виды на эту поездку. Он постарался «открыть глаза» императору на истинную подоплеку деятельности Митридата, обвинив его в подготовке войны. Насколько серьезными были приведенные аргументы трудно сказать. При всем известной подозрительности Клавдия вызвать его резкую реакцию на действия вассальных правителей могло даже просто накопление оружия или усиление крепостных стен. Так или иначе, обострение боспоро-римских отношений произошло, что существенно повлияло на монетное дело периода правления Митридата VIII. Вместо оживления выпуска золотых статеров, как это обычно происходило при восшествии на престол нового императора и получении «даров» от него, чеканка золота после 41/42 г. н. э. прекращается. На реверсе медных монет, по видимому, именно в это время вместо бюста Гипепирии появляются атрибуты божественных предков боспорских царей — Геракла и Посейдона: лук в колчане, палица, львиная шкура и трезубец. Официально провозглашенный независимый политический курс, судя по тому, что Клавдием еще долго владели «горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести», вполне вероятно, сопровождался рядом антиримских акций, например, демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями династии Юлиев-Клавдиев.

В итоге предателя Котиса провозгласили боспорским царем и отправили на родину в сопровождении римских войск под командованием полководца Авла Дидия Галла, ставшего в 44 г. н. э. наместником провинции Мёзия на Нижнем Дунае. Под его началом было не менее легиона, какое-то количество вспомогательных войск, переброшенных из Вифинии с южного берега Черного моря, и военные корабли. Так началась Боспорская война 45–49 гг. н. э., которая потребовала от Империи значительного напряжения сил. На первом ее этапе Митридат был свергнут с престола, и бежал на азиатскую сторону Боспора. Тогда же боспорский царь мог лишиться и флота. По крайней мере, одно морское сражение должно было состояться, ведь позднее Митридат произносит фразу о том, что его «на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне». К сожалению, та часть «Анналов» Корнелия Тацита, где содержался рассказ о низложении Митридата и воцарении Котиса, была утрачена и конкретный ход войны, вплоть до ее завершающей фазы, может быть только приблизительно реконструирован. Ранее считалось, что уже к началу 46 г. н. э. весь Европейский Боспор оказался под контролем римлян. Именно этим временем датируются первые золотые статоры с именем царя Котиса I. К тому же в тот период Фракия была преобразована в римскую провинцию, а часть бывшего Одрисского царства вошла в состав провинции Мёзия. Такое развитие событий, конечно, требовало присутствия ее наместника, Авла Дидия Галла. Видимо, он действительно быстро покинул театр военных действий, возложив

их завершение на Гая Юлия Аквилу, прибывшего с несколькими когортами из провинции Вифиния-Понт.

Впрочем, ситуация тогда даже в непосредственной близости от Пантикапея была далеко не однозначной. Как показали уже упоминавшиеся недавние раскопки цитадели на городище Артезиан, здесь оставалось еще много сторонников свергнутого царя. Они отразили первый неудачный штурм крепости, у северной стены которой найдены десятки служивших пращевыми снарядами морских галек, а также метательные ядра из песчаника. При этом сгорели полуподвальные хранилища с пифосами между крепостными стенами и рвом. В ожидании нового нападения были предприняты срочные работы по усилению оборонительных сооружений: сгоревшие хранилища засыпали, с южной стороны пристроили полукруглый контрфорс, а с северо-западной квадратную башню. К осаде на этот раз готовились основательно, поскольку многие помещения внутри стен были заполнены тоннами зерна и запасами копченого или вяленого мяса. Тем не менее, после второго непродолжительного штурма охваченная пожаром крепость пала, а ее защитники погибли. Местами образовавшийся горелый слой достигал полутора метров. Под останками одного из нападавших был найден типичный римский меч — гладиус. Судя по наличию в слое пожара большого количества монет Митридата VIII и его уникального золотого статера, скорее всего, это событие произошло осенью 47 г. н. э. Та же судьба ожидала и многие другие крепости, расположенные в этом районе Восточного Крыма вдоль имевших стратегическое значение дорог. Полученные в ходе карательной операции географические сведения мог использовать Плиний Старший при написании своей «Естественной истории», поскольку он прямо указывает, что при исчислении расстояний между городами и поселениями Боспора дает «размеры, определенные в наше время, когда даже в самом Киммерийском устье велась война» (Plin. Hist. Nat. VI. 3). Данное обстоятельство представляется неслучайным. Ведь в римской армии точно составленным планам предполагаемого театра военных действий придавалось огромное значение. При этом данные Плиния для европейской части царства имеют достаточно высокую точность, тогда как описание городов азиатской стороны Боспора отличается значительно меньшей определенностью.

Между тем, Митридат не собирался складывать оружие. Оставшихся римлян и Котиса он не считал серьезным противником и принялся возмущать против младшего брата окрестные племена. В конце концов, собрав большое войско, мятежный царь прогнал вожда племени дандариев и захватил власть над областью на восточной границе государства. Чтобы избежать нападения соперника, Котис и его союзники должны были выступить первыми. В «Анналах» Тацита относительно объединенного войска, помимо римлян, речь идет только о вооруженных

по римскому образцу боспорцах. Судя по тому, что Котис и Аквила не рассчитывали на свои силы в предстоящем походе, в союзной армии не было всадников, способных по численности и качеству вооружения противостоять коннице сарматского племени сираков, выступивших на стороне Митридата. Успешные действия в степях Приазовья римско-боспорского войска смог обеспечить только союз, заключенный с враждебной сиракам мощной кочевой группировкой аорсов во главе с царем Эвноном. При этом заранее было условлено, что Эвнон бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадой городов. На марше союзная армия выступила обычной для римлян походной колонной в следующем порядке: в центре — римские и боспорские части, а авангард и арьергард составляли аорсы, всегда готовые принять на себя первый удар.

На пути в страну дандариев римско-боспорская армия успешно провела одно или несколько сражений с войском Митридата VIII. Когда она подошла к городу Созы, царя там уже не было вследствие ненадежности его жителей. Римляне без особого труда овладели городом и оставили здесь свой гарнизон. Теперь военные действия переместились на земли сираков. Поворотным моментом в ходе всей кампании стала осада главного города сираков Успы, точное местонахождение которого до сих пор неизвестно. По словам Тацита, он был окружен рвами и стенами «не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине землей». Несмотря на примитивность таких укреплений, нерассчитанных на правильную осаду, сходу взять их не удалось. Согласно римской тактике захвата городов, если попытка первого штурма не завершилась успехом, начинали разворачивать инженерные работы под прикрытием легковооруженных войск и метательных машин. Под Успой они заняли лишь часть дня. Город был обложен со всех сторон, но, прежде чем пустить в ход высокие башни, которые упоминает Тацит, осаждающие должны были засыпать рвы. Подвижные башни, высотой от 15 м, сооружались достаточно быстро из заранее заготовленного материала, перевозившегося в обозе. Добившись с их помощью господства над оборонительной стеной Успы, римляне забросали ее защитников пылающими факелами и копьями. Надо полагать, что такие действия вызвали повреждение деревянных укреплений, потери среди осажденных и падение их морального духа. Штурм прервало только наступление темноты. На следующий день римляне проникли в город с помощью осадных лестниц, и все закончилось беспощадной резней. Согласно традиции, если понадобился штурм, вся добыча доставалась солдатам. Какими ужасами сопровождался такой грабеж, продолжавшийся не один день, мы знаем, например, из описания захвата Кремоны в Италии, когда в 69 г. в очередной раз решалась судьба императорского трона. Тацит пишет: «ни положение, ни возраст не могли оградить от насилия, спасти от смерти»,

«в руках у всех пылали факелы и, кончив грабеж, легионеры кидали их, потехи ради, в пустые дома и разоренные храмы» (Тас. Hist. III. 33).

Массовое истребление жителей Усны заставило сираков задуматься о том, стоит ли продолжать эту войну. В конце концов, Зорсин выдал заложников и признал власть Рима. Что оставалось делать покинутому всеми Митридату? Ни брату, ни римлянам он не доверял и решил прибегнуть к заступничеству царя аорсов, который не питал к нему личной вражды. Неожиданно появившись в ставке Эвнона, беглец припал к его коленям и сказал: «Пред тобою добровольно явившийся Митридат, которого на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена²⁷ — лишь одного этого враги не отняли у меня» (Тас. Ann. XII. 18). Эти слова произвели большое впечатление на Эвнона. Он обратился к императору с просьбой о том, чтобы сдавшегося в плен боспорского царя не заставили следовать за колесницей триумфатора и сохранили жизнь. Клавдий согласился на эти условия, и пленник был доставлен в Рим Юнием Цилоном, прокуратором провинции Понт, находившейся на южном берегу Черного моря. Впрочем, если Митридат был римским гражданином, его в любом случае должны были представить на суд императора. Несчастья не поколебали гордый дух бывшего боспорского царя. Он сохранял бесстрастное выражение лица даже когда стоял, выставленный напоказ народу, в окружении стражи на Форуме, у ростральных трибун. Тацит передает его дерзкие слова, обращенные к императору: «Я не отослан к тебе, но вернулся по своей воле» (Тас. Ann. XII. 21), из чего, кстати, и можно сделать вывод, что, как отмечалось ранее, в Риме он уже бывал. Митридату пришлось провести здесь долгие годы, о которых мы почти ничего не знаем. Известно только, что он встречался с таким выдающимся ученым, как Плиний Старший, интересовавшимся тем, что происходило на далекой окраине римского мира, и сообщил ему некоторые сведения из личного опыта. Вероятно, знатный пленник жадно ловил любое известие с далекой родины и мечтал когда-нибудь вернуться назад. Скорее всего, именно эти надежды на перемены к лучшему подвигли Митридата на участие в заговоре префекта претория²⁸ Нимфидия Сабина против императора Гальбы в 68 г. н. э. Видимо, он не обольщался на счет нового претендента на трон, человека низкого происхождения, но Гальба был для него совершенно неприемлемой фигурой. Плутарх пишет, что многие в Риме осмеивали императора, но в этом отношении особенно выделялся бывший боспорский царь. Потешаясь над плешью

²⁷ К этому предку через Митридата VI Евпатора и персидского царя Дария I возводил свой род Митридат VIII.

²⁸ Префект претория — командир преторианской гвардии — личных телохранителей императора, обладавший большими правовыми и административными полномочиями.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

и морицинами Гальбы, не утративший остроумия Митридат говорил: «Теперь он еще что-то значит для римлян, но пусть только они увидят его собственными глазами — они сразу поймут, что Гальба будет всегдашним позором тех дней, в которые носил имя Цезаря» (Plut. Galba. 13). Заговор не удался: вместо того, чтобы провозгласить Нимфидия императором, солдаты убили его. Среди людей, осужденных тогда без суда на казнь оказался и Митридат Боспорский.

В период правления Котиса I Боспор продолжал оставаться союзным Риму государством, проводя соответствующую политику. Котис всячески старался продемонстрировать свою лояльность и даже становится первосвященником императорского культа. В 63 г. н. э. он даже прекращает выпускать монеты от своего имени, и они становятся похожими на чекан римских провинций. В росписи одного из боспорских склепов этого времени мы даже видим обычные для римлян развлечения: гладиаторские бои и травлю диких животных. В свою очередь Рим был заинтересован в обеспечении безопасности Боспорского царства, сдерживавшего натиск варваров, которые могли угрожать и границам Империи. В связи с этим Боспор вполне мог получить финансовую поддержку и инженерные кадры для укрепления обороны своих рубежей.

Время действительно было беспокойным. Около 62 г. н. э. крымские скифы осадили Херсонес и потребовалось организовать специальную военную экспедицию наместника римской провинции Нижняя Мёзия Плавтия Сильвана, чтобы снять эту угрозу. Войны с соседними варварами ведет и сын Котиса, Рескупорид I (68/69–91/92). На медных монетах конца его правления появляются изображения самого царя, попирающего у победного трофея коленопреклоненного пленника, скачущего с копьем всадника, богини победы Ники и конной статуи над воротами крепости. Правда, эти средства наглядной пропаганды, естественно, игнорировали просчеты и поражения правителя Боспора.

Глава 4

МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ

Ранний Илурат, видимо, просуществовал недолго, около полувека, и подвергся разрушению где-то около рубежа I–II вв. н. э., как и многие другие укрепления на подступах к Пантикапею, а также на территории Азиатского Боспора. В этот сложный для Боспорского царства период на его троне оказался Савромат I (93/94–123/124), молодой и энергичный правитель, при котором в противостоянии с варварским миром были одержаны решающие военные победы, обеспечившие, спустя несколько десятилетий, возможность полной реконструкции всей оборонительной системы и жилых кварталов крепости.

«Выдающийся друг императора и римского народа» (2 экскурс в историю)

Атмосферу напряженной военной обстановки на всех границах Боспорского царства в начале правления Савромата I ярко передает недавно найденная в Керчи пространная надпись, восхваляющая некоего крупного государственного и военного деятеля, бывшего воспитателем царя. При этом он сравнивается с мудрым кентавром Хироном, а его царственный воспитанник с легендарным героем Ахиллом. Подробно перечисляются воинские должности и награды этого человека: хилиархия, командование фракийской спирой и тяжеловооруженными воинами — гоплитами, золотые почетные знаки за воинскую доблесть. Что это были за знаки, остается только догадываться. В римской армии из золота изготавливали наградные браслеты, шейные гривны и медальоны-фалеры с изображениями императоров. В этой связи заслуживает упоминания такая редкая для боспорской скульптуры деталь, как гривна, изображенная на мраморной статуе Неокла, наместника Горгиппии²⁹ и, возможно, дарованная ему в качестве воинской награды.

В керченской надписи говорится о поездке чествуемого лица с сообщением о каком-то великом событии (военной победе над варварами?) к императору и указаниях с его стороны относительно урегулирования отношений между Боспором и царями аланов. Выполняя впоследствии волю Савромата I, герой надписи предпринял поход против скифов через

²⁹ На месте античной Горгиппии теперь находится современный город-курорт Анапа.

Таврику, и оказался близ Херсонеса. Здесь он встретил царей, очевидно, скифов и тавров, направлявшихся для заключения союза с аланами, и не только отвратил варварских вождей от подобных намерений, но и взял с них клятвы верности. Далее упоминается племя псеханов, как объект пристального внимания самого царя, и прямо говорится о войне со скифами и подчинении тавров.

С этими действиями боспорского военачальника можно сопоставить обрывочную надпись того же времени из Херсонеса, в которой говорится о нападении на город и его сельскую территорию соседних варваров: скифов, савроматов и их союзников (тавров?), пожарах и пр. Далее упоминается некто, чествуемый в декрете, прибывший на 12 день и принявший необходимые меры. В заключительной части надписи, видимо, шла речь о мирных переговорах со скифским царем, возглавлявшим этот поход. Такая оперативная военная помощь могла быть оказана только Боспором.

Благодаря победоносным войнам Савромат I, мог с полным правом именовать себя в надписях «великий царь царей». С другой стороны, поскольку его политика в целом носила проримский характер, в одной из надписей он характеризуется как «выдающийся друг императора и римского народа» (КБН № 46). Финансовая поддержка Рима позволяла постоянно укреплять границы царства. Особенно грандиозные фортификационные работы проводились в Горгии, где найдена мраморная плита, сохранившая следующие строки: «Происходящий от предков царей великий царь Тиберий Юлий Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, пожизненный первосвященник августов и благодетель отечества, снесенные стены города воздвиг от основания, дав их городу преумноженные по сравнению с границами предков...» (КБН № 1122). В это время за счет царской казны была усилена и оборона Танаиса. Сооруженный в Керах мощный земляной вал, тем не менее, не спас город от захвата неприятелем, а Патрей и не менее семи укреплений на Фанталовском полуострове подверглись внезапному разрушению. Скорее всего, эта угроза исходила от племени псеханов, против которых в 109–113 гг. Савромату I пришлось предпринять несколько походов, при этом была взята какая-то крепость.

Впрочем, Савромат I не избегал и личного участия в военных действиях, ибо проявленная им «доблестная отвага» была увековечена на средства хранителя дворцовой казны Тиберия Юлия Фавмаста в картине, помещенной в специально выстроенное для нее сооружение. В данном случае он следовал существовавшей в Риме практике, когда заказывались и выставлялись картины с изображением того, как велась война, чтобы живопись говорила о подвигах императора. Судя по одной из посвященных надписей, другим памятником военным успехам царя могло стать основание на Таманском полуострове, видимо, на месте победоносного сражения, города Nikei. На монетах этого времени, как и ранее, часто встречаются

символы, связанные с войной: царь на скачущем коне, Ника с венком и пленник на коленях у городских ворот, фланкированных двумя башнями.

Восстановление Илурата крепости, судя по монетным находкам и фрагментированной строительной надписи на тонкой мраморной доске, относится ко времени правления царя Риметалка (131/132–153/154). Тем же временем датируется использованная в кладке стены одного из зданий известняковая надгробная стела фиасота³⁰ Матридора. При этом нижние ряды кладки ранней, северо-восточной оборонительной стены надстраиваются в совершенно другой технике из слегка обработанных крупных блоков дикарного известняка. Заново возводятся северо-западная, юго-западная и юго-восточная линии обороны. Причем строительство велось в очень сжатые сроки. Только стремлением к быстрейшему завершению работ в условиях реальной военной опасности можно объяснить использование на самых уязвимых с напольной стороны участках строительства любого годившегося в дело материала, вплоть до архитектурных деталей, каменных кормушек для скота и антропоморфных надгробий. После перестройки стены крепости имели с трех сторон толщину 2,4 м и только с северо-запада — 1,8 м. Сейчас наибольшая сохранившаяся высота стен составляет около 3 м, но когда-то они были гораздо выше. Об этом мы можем судить по основанию лестницы длиной 11 м, которая вела на боевой марш юго-западной стены близ западной башни. Учитывая угол, под которым расположены семь оставшихся ступеней, нетрудно вычислить, что они поднимались до уровня около 9 м, что соответствует стандартам античной фортификации.

Более простое устройство хода на стену было реализовано на той же оборонительной линии близ юго-западных ворот. Расположенный здесь дом не пристроен, как обычно, к стене: между ними имеется промежуток шириной около 1,5 м. За исключением примыкающего к воротам отрезка он забит на высоту до 1 м плотно утрамбованным грунтом с примесью бута. Общая длина этого коридора — 18 м, что давало возможность устроить здесь пологий подъем от ворот на стену. Вероятно, он имел вид земляной насыпи с углом возвышения около 30°, в нижней части дополненной несколькими каменными ступенями.

Большой интерес представляет конструкция самих юго-западных ворот — единственных сохранившихся в крепости. С ними связана главная улица города, являвшаяся его планировочной осью. Проем ворот представляет собой вытянутую камеру-шлюз длиной 10,2 м при ширине 3,75 м. Важной деталью их устройства является выявленный на высоте 1,4 м прямоугольный желоб длиной более 5 м для запиравшего их внутренние створки деревянного засова. Когда ворота закрывались, засов выдвигался из желоба и, очевидно, вставлялся в несохранившийся паз на противоположной стене. Несомненно, имелись и внешние створки ворот, фланкированные не башнями, как это обычно практиковалось,

³⁰Боспорские фиасы первых веков н. э. — это обычно частные сообщества, выполнявшие для своих членов социальную, религиозную или погребальную функции.

а пилонами, выступавшими на 2 м за линию стены. Возможно, они были перекрыты арочным проемом и усилены надвратной башней. Не исключено, что для защиты проема ворот, помимо створок, запиравшихся деревянной балкой, дополнительно применялась падающая решетка-катаракта. Даже если осаждавшим удалось бы преодолеть внешние ворота, они оказались бы в ловушке и подверглись истреблению. Такая конструкция привратных сооружений, с одной стороны, ограничивала возможность перекрестного обстрела прилегающих куртин, с другой — позволяла создать дополнительные трудности на пути атакующего противника. Сходное устройство ворот зафиксировано в Неаполе Скифском и в римской крепости II–III вв. н. э. Августа Траяна во Фракии (совр. Стара Загора). Здесь мы также имеем камеру-шлюз длиной около 11 м и шириной 3,5 м и пилоны, выступавшие за линию стен на 1,2 м. В проеме ворот имелись пазы для опускания внешней и внутренней решеток-катаракт, а посередине когда-то находились две деревянные створки.

Ворота в юго-восточной стене не сохранились. П. Дюбрюкс в свое время отмечал, что «ворота Т» в этом месте имели ширину 3–4 сажени, т. е. около 8 м. Это впечатление — результат разрушения и выборки стены возле них, отчего проем в стене казался шире, чем был на самом деле в древности. При раскопках на этом участке в 1977 г. никаких следов каменных кладок ворот обнаружено не было. Впрочем, это неудивительно, если вспомнить, что еще в начале 1970-х гг. сюда, как к наиболее удобному месту, на телегах подъезжали местные жители, чтобы добыть камней для своего хозяйства. А сколько у них было предшественников за столетия после гибели Илурата!

Из других элементов фортификации второго строительного периода лучше всего сохранились четыре прямоугольные башни на линии юго-восточной оборонительной стены, выступавшие от ее внешнего фаса на 4–6 м. С учетом несохранившегося проема ворот все они располагались на расстоянии около 31 м друг от друга, создавая возможность перекрестного обстрела. Башни были многоэтажными, имели внутренние помещения размерами примерно 3 × 3 м и непосредственную связь с примыкающими жилыми домами. Самая мощная из них, башня IV, была воздвигнута на южном углу оборонительной линии. На момент раскопок в ней полностью сохранился дверной проем входа высотой 1,6 м, перекрытый двумя массивными известняковыми блоками (рис. 19). Он вел в помещение первого этажа (3,3 × 4,5 м), высота которого, как показывает выявленный в стене паз для балки перекрытия, составляла 2,6 м. Всего же таких этажей было не менее пяти, то есть общая высота башни составляла не менее 12 м (рис. 20). Такие оборонительные сооружения с завершением в виде прямоугольных зубцов неоднократно изображались на боспорских монетах I–II вв. н. э. Расположенная на самой высокой точке крепости южная башня, очевидно, являлась для ее защитников главным наблюдательным пунктом, откуда осуществлялось руководство обороной в случае нападения врага. Отсюда открывался отличный обзор не только всех фортификационных линий и подступов к крепости с напольной стороны, но и окрестностей с дорогами, ведущими

Рис. 19. Вход в южную башню IV. 1956 г.

к ближайшим городам. К сожалению, на излете существования Советского Союза башня изрядно пострадала от невежества местных жителей, разворотивших в поисках золота часть ее кладки с помощью лома и кувалды. Позднее, в «украинский» период, кто-то разрушил перекрытие входа из-за укрепивших его еще при В. Ф. Гайдукевиче железных конструкций, которые можно было сдать на металлолом. Начавшийся тогда всплеск грабительской деятельности был порожден трудностями и законодательной неразберихой постсоветского периода, когда к «черным археологам» присоединились многочисленные «любители» древних монет, вооруженные новейшими металлоискателями, показывающими разновидности металла, объем массы и глубину залегания.

При строительстве западной башни V, недалеко от которой находилась уже упоминавшаяся лестница на боевой марш стены, было реализовано особое конструктивное решение. Ее первый этаж полностью забутовали камнем, а к стороне, обращенной во двор, пристроили пилон, сложенный из тщательно отесанных и подогнанных друг к другу блоков известняка. Рядом располагался углубленный относительно вымостки двора каменный ящик, заполненный золой. Учитывая, что такие сооружения обычно помещались под лестницами, наиболее вероятным представляется использование пилона для крепления деревянной лестницы, которая вела сразу на площадку второго этажа.

Северо-западная оборонительная стена длиной 240 м, изгибаясь, следует рельефу местности. На ее протяжении зафиксировано всего пять башен, считая угловые, и расстояние между ними колеблется от 26 до 93 м. Это обусловлено их расположением на естественном рубеже, что требовало меньше усилий в отношении обороны. Единственным проемом здесь является калитка шириной

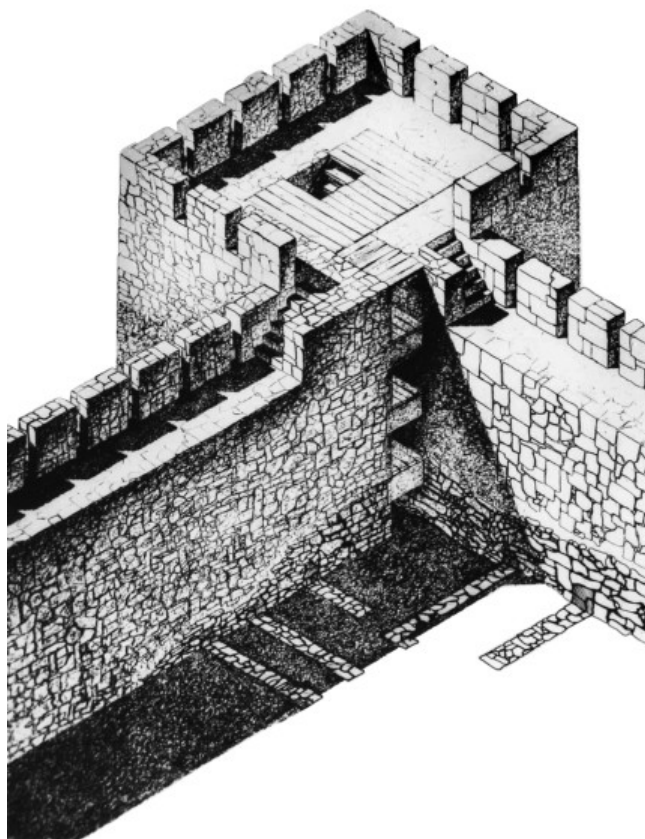

Рис. 20. Южная башня IV. Реконструкция

1,2 м. С юго-запада она фланкирована небольшой башней, остатки которой видел П. Дюбрюкс. Рядом с калиткой находилось позволявшее держать ее под наблюдением караульное помещение с двумя выходами, во двор и переулок. По другую сторону переулка располагался дом, со двора которого можно было подняться на стену. Между ней и одним из жилых помещений были открыты остатки еще одной лестницы: каменная платформа размерами около 6×2 м, служившая основанием верхнего марша лестницы. От расположенного под прямым углом к нему нижнего марша сохранились пять ступеней лестницы шириной 0,65 м. Таким образом, имеются все исходные данные для попытки определить высоту стены на этом участке обороны. Ступени нижнего марша лестницы с углом возвышения 60° выходили на промежуточную площадку на высоте 2,2 м. Если предположить, что ее размеры, как и площадки для перехода на стену, не превышали в длину 1,5 м, то, при том же наклоне верхнего марша, высота северо-западной стены составит около 7 м. Следовательно, она была как минимум на два метра ниже стен с напольной стороны крепости, что вполне соответствует ее местоположению и мощности. Завершалась эта линия

обороны северной угловой башней, возведенной с использованием скального выхода, снивелированного крупными известняковыми плитами, сохранилось только основание с внешними размерами 9 × 7,5 м.

На верхних площадках илуратских башен, по-видимому, были установлены метательные орудия, о чем свидетельствует находка известнякового ядра диаметром 20 см и весом около 3 кг, без следов сколов, как это было бы в том случае, если бы его выпустили по крепости. Считается, что ядра такого калибра имели универсальный характер и предназначались для поражения живой силы противника. Баллисты, в которых использовались такие ядра, состояли из станины, направляющего желоба и рамы с двумя пучками упругих канатов. Закрепленные в них рычаги стягивались тетивой, протянутой через ползун. Для производства выстрела при помощи натяжного ворота ползун, с вложенным в желоб ядром, оттягивался назад. Затем спусковое приспособление освобождало его, и снаряд резко выбрасывался вперед. Для обслуживания такого военного механизма требовалось не менее четырех человек. Как показали эксперименты, дальность выстрела могла достигать 350 м. Для искусного наводчика ничего не стоило попасть в отдельного человека на расстоянии в 100 шагов или поразить более объемную цель на 200 шагов. При этом можно вспомнить, что еще в период наполеоновских войн поразить из мушкета на дистанции в сто шагов отдельно стоящего человека считалось практически невозможным. Не стоит думать, что использование подобных метательных орудий дело давно минувших времен. Мощность их была так велика, что еще в XVIII в. звучали предложения вернуться к использованию этой «артиллерии» вместо огнестрельных орудий. Даже в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. в германской армии предпринимались серьезные попытки применить в военных целях разработки по реконструкции античных метательных машин. В последний раз в военной практике, правда, с применением вместо волосяных канатов гибких стальных полос, они использовались, из-за недостатка артиллерии, участниками Варшавского восстания 1944 г.

Потенциальные противники илуратцев, поздние скифы, в этот период тоже обладали соответствующим набором военной техники, в том числе и осадной. В данном отношении определенный интерес представляет раскопанное в их столице, Неаполе Скифском, монументальное здание, где сохранилось процарапанное на штукатурке изображение колесного тарана с покатой крышей, датирующееся II в. н. э. Главной ударной силой этого орудия была мощная балка с наконечником из кованого железа. Обычно она подвешивалась на цепях к другой балке, закрепленной упорами. Иосиф Флавий в «Иудейской войне» описывает действие тарана следующим образом: «Множество людей оттягивают его назад, а затем все разом налегают на него, толкая вперед, так что он ударяет в стены своим железным концом. И нет такой мощной башни и толстой стены, которая хотя бы и выдержала первые удары, могла противостоять долго» (*Jos. Fl. Bell. Jud. III. 215*). Судя по следам выявленного рядом с южной башней пролома в оборонительной стене, защитникам Илурата пришлось на практике

познакомиться с подобной стенобитной машиной. Несомненно, этот неудачный опыт был учтен при основательной реконструкции крепости в последней четверти II в. н. э., когда царь Савромат II (174/175–210/211) предпринял энергичные меры по укреплению обороны государства. Причиной этой бурной строительной деятельности стала новая активизация варваров на границах Боспора.

Вторая Боспорская война (3 экскурс в историю)

В последней четверти II в. н. э. движение из-за Дона новой волны сарматских племен докатилось до степного Крыма. Для поздних скифов этот натиск сарматов фактически завершился гибелью их столицы и государства. В последующий период подвергшийся разгрому Неаполь Скифский, судя по разрушениям и множеству останков погибших людей, был лишен оборонительных стен и застраивается достаточно примитивными постройками. Страшная угроза нависла и над Боспорским царством. Для ее предотвращения потребовалась помощь могущественной Римской империи. Откуда же она пришла? Ведь небольших римских гарнизонов, размещенных в наиболее близко расположенных к Восточному Крыму Херсонесе и Хараксе, было явно недостаточно для масштабных военных действий.

Ситуацию несколько прояснила латинская надпись начала III в. н. э. на мраморной колонке, вторично использованной при строительстве в IX в. Дворцовой церкви в болгарском городе Преславе. В ней говорится о том, что некий ветеран I Италийского легиона, будучи молодым воином и уходя на Боспорскую войну, дал обет какому-то божеству. По воле его он был избавлен от многих опасностей в землях варваров и заслуженно исполнил свое обещание. Судя по тому, что в надписи перечисляются этапы карьеры легионера, который со временем получил должность бенефициария³¹ при штабе наместника провинции Нижняя Мёзия, а затем, став корникулярием³², вошел в состав верхушки канцелярских работников, это было «демобилизационное» посвящение. Упоминаемая в надписи Боспорская война происходила в конце II в. н. э., поскольку военная служба тогда продолжалась около 25 лет. Она оказывается второй по счету после событий 45–49 гг. н. э., но, в данном случае название отражает не боспоро-римское противостояние, а то обстоятельство, что крупномасштабные военные действия затронули основную территорию Боспора.

Таким образом, в Таврику были переброшены подразделения I Италийского легиона, основной задачей которого была защита границы вдоль

³¹ Бенефициарий — военнотружущий, освобожденный от обычной армейской службы и использовавшийся для канцелярской работы и различных поручений: сбора и передачи разведывательной информации, взимания налогов и т. д.

³² Корникулярий — канцелярский служащий высшего ранга, в штате наместника провинции обычно их было не больше трех.

Дуная. Возможно, как и ранее в экстренных случаях, к участию в крупной военной операции были привлечены и вспомогательные войска из провинции Вифиния-Понт, откуда осуществлялся военно-политический контроль за Боспорским царством. Не исключено, что с участием в этой войне связаны два надгробия солдат IV Кипрской когорты Луция Волузия и Гая Меммия, похороненных в Пантикапее.

Для хронологии второй Боспорской войны имеют значение два обстоятельства. Первое связано с тем, что, как говорил в свое время знаменитый афинский государственный деятель Перикл: «В войне большей частью побеждают рассудительность и обилие денег». Возросшие военные расходы боспорский царь Савромат II покрыл за счет денежной реформы, начало которой традиционно относят к 186 г. Это и определяет наиболее вероятную дату начала войны. Второе обстоятельство — дошедшая до нас надпись 193 г. из Танаиса, которая повествует о том, что царь, «завоевав сирахов и скифов и Таврику присоединив по договору, сделал море свободным для мореплавания в Понте и Вифинии...» (КБН № 1237). Она посвящена царским наместником Трифоном Зевсу, Аресу и Афродите, но сам Савромат II, видимо, в связи с теми же событиями, отдельно почтил бога войны, отремонтировав его храм и находящуюся в нем статую. Святилище Ареса в боспорской столице упоминает в своем диалоге «Токсарид, или Дружба» писатель Лукиан Самосатский (ок. 120–180). В связи с этим можно вспомнить, что Арес был одним из официальных богов-покровителей Митридата VI Евпатора и его потомков. Таким образом, все события второй Боспорской войны происходили в период между 186 и 193 гг. н. э. Ее успешное завершение в союзе с Римом, очевидно, символизировало появление на тройных сестерциях этого времени изображения римского орла с победным венком в клюве.

Энергичные меры, предпринятые Савроматом II, обеспечили наивысший расцвет военной мощи Боспора в первые века н. э. Видимо, угроза скифских нападений, таким образом, фактически была полностью ликвидирована. Западная граница Боспора пролегла где-то в районе Старого Крыма, а может быть и еще дальше. В этой связи обращает на себя внимание почти столетней давности находка в селе Партепит у подножия горы Аю-Даг, посвятительной надписи, где «Тиберий Юлий царь Савромат, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, личную свою и своего царства благодетельницу (почтил?)...» (КБН № 955). Речь здесь, видимо, идет о римской императрице, скорее всего, Юлии Домне, жене императора Септимия Севера (193–211). В то же время, по-видимому, серьезной проблемой для восточных рубежей государства продолжали оставаться военно-политические контакты с аланами. Иначе трудно объяснить появление на Боспоре, согласно надписи 208 г. н. э. из Гермонассы, должности главного аланского переводчика.

Илурат вряд ли остался в стороне от военных действий периода второй Боспорской войны. О кратковременном пребывании здесь римских солдат может свидетельствовать находка близ западной башни крепости края мортария³³ с латинским ретроградным клеймом фабриканта Феотима. Его мастерская, судя по концентрации таких изделий, находилась в одном из городов Южной Дакии (совр. Румыния) на левом берегу Дуная. Это либо Ромула, либо Суцидава³⁴, где в последние десятилетия II — начале III в. н. э. размещались легионеры из состава I Италийского легиона. Использование мортариев для приготовления пищи было характерной чертой солдатского быта. Показательно, что на территории Северного Причерноморья, кроме Илурата, еще два таких клейма были найдены только в Ольвии³⁵.

С участием воинов илуратского гарнизона в военных операциях Савромата II против врагов Боспора связан уникальный двойной денарий царя, найденный в доме, выходявшем на перекресток двух главных улиц с западной его стороны. Эта массивная медная монета весом около 15 г была обнаружена в кладке стены, т. е. ее можно рассматривать как своеобразную «строительную жертву». Студентка, извлекая находку из щели между камнями, сначала решила, что перед ней простая плоская галька, поскольку изображение было скрыто толстым слоем известкового налета. Единственный в мире экземпляр, хранящийся сейчас в коллекции Государственного Эрмитажа, чуть было не полетел в отвал, и только в последний момент его удалось спасти. Известковая корка, под которой едва угадывалось изображение, снималась легко и скоро на лицевой стороне, как оказалось, прекрасно сохранившейся монеты стал виден профиль бородатого человека с диадемой на голове и надпись «царя Савромата». На оборотной ее стороне обнаженный Геракл шагал вправо с двузубой мотыгой в руках. За ним в монетном поле размещались его неперенные атрибуты: львиная шкура и палица. Представленный сюжет, где герой был вынужден отложить в сторону оружие, достаточно необычный. Подсказкой в данном случае служит довольно редкая разновидность мотыги (*skarteira dicella*), использовавшейся для обработки земли. Единственный подвиг, для совершения которого сыну Зевса пришлось копать землю, был шестым по счету. Царь Микен Эврисфей, которому он служил, велел за один день очистить от навоза скотный двор Авгия, правившего соседней областью Элидой. Геракл заранее условился с Авгием, что в виде платы получит десятую часть царского скота. Он прокопал канал и отвел прямо в стояла воду ближайших рек Алфея и Пенея. Правда, позднее Эврисфей объявил этот подвиг недействительным, так как он был выполнен за плату.

³³ Мортарий — большой открытый сосуд хозяйственного назначения диаметром около 60 см с широким краем и очень толстыми стенками.

³⁴ Расстояние между этими городами всего около 50 км.

³⁵ Ольвия — древнегреческий город недалеко от устья Южного Буга, в конце II в. н. э. вошел в состав Римской империи.

Описываемый двойной денарий³⁶, высший номинал меди, имевшей хождение на Боспоре, дополнил известную уже сто лет назад немногочисленную серию боспорских монет с изображением подвигов Геракла. На них были представлены: борьба с лернейской гидрой, истребление стимфалийских птиц, эриманфский вепрь, критский бык, укрощение коней Диомеда и яблоки Гесперид. Теперь при наличии в той же серии такого редко использовавшегося в античном изобразительном искусстве «негероического» сюжета, как уборка навоза, можно с полной уверенностью говорить, что в ней были представлены все двенадцать подвигов.

Почему же подвиги Геракла оказались запечатленными на боспорских монетах? Дело в том, что двойные денарии начали чеканить в рамках уже упоминавшейся денежной реформы и поэтому их монетные типы так или иначе связаны с военной тематикой. На одних мы видим царя в военном облачении на коне с поднятой правой рукой, на других он опирается на палицу и трезубец — атрибуты, указывающие на происхождение от Геракла и Посейдона (рис. 21), иногда его увенчивает Ника. Видимо Савромат II, как и многие владыки Рима, рассчитывал на особое покровительство богов. К тому же почитание Геракла стало «модно» в годы правления императора Коммода (180–192), который претендовал на роль «римского Геркулеса» и не возражал, если ему приносили жертвы как богу. Парадная серия монет с изображением подвигов Геракла должна была служить укреплению престижа правившей на Боспоре династии, поскольку проводила прозрачную параллель между победами царя и деяниями его божественного предка. Монеты, отчеканенные в небольшом количестве, могли использоваться как награды для участников военных действий, среди которых оказался и один из илуратцев. Раздача таких монет должна была способствовать единению царя-полководца с войском. Таким образом, правитель Боспора добивался сразу двух целей: роста своей популярности в армии и осуществления наглядной политической пропаганды.

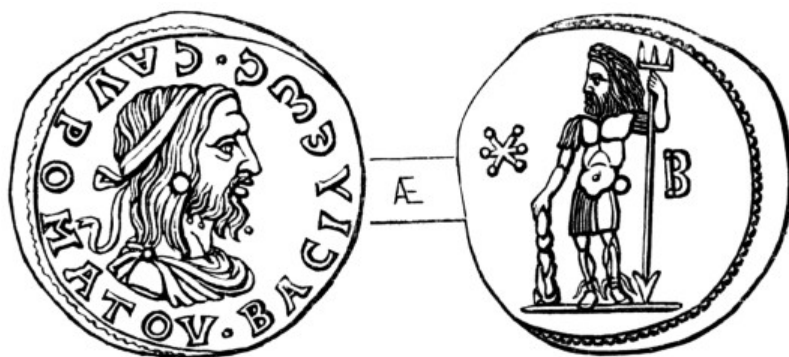

Рис. 21. Двойной денарий Савромата II

³⁶ В этот период в обращении находились только золотые (статеры) и медные монеты (двойные денарии, денарии, сестерции, дупондии и ассы). 1 статер = 25 денариям.

В этот период происходит коренная перестройка всего Илурата. Дополнительно усиливаются напольные линии обороны. Толщина юго-западной стены и куртин между башней IV и юго-восточными воротами достигает в основании 8,2 м за счет пристройки с внешней стороны наклонного противотаранного пояса из огромных уплощенных плит дикарного известняка, уложенных под углом около 70°. Пространство между ними и основной стеной было заполнено плотно утрамбованным щебнем и известковой крошкой. На куртинах юго-восточной стены, от ворот до башни I, противотаранный пояс пристраивается непосредственно к первоначальным оборонительным сооружениям (общая толщина 6,4 м). Дополнительный панцирь получает северо-западная стена, и ее толщина достигает 3,15 м. Помимо этого юго-западная сторона обороны была усилена за счет широкого рва, выдолбленного в скале на глубину 1,5 м и заполнявшегося дождевой водой. При этом перед воротами оставили ведущую к ним узкую перемычку. Видимо, назначение этого элемента фортификации заключалось в том, чтобы затруднить подвоз стенобитных орудий к наиболее уязвимой стороне крепости. В разрезе ров имеет форму перевернутой трапеции: шириной в верхней части более 6 м. Эти детали удалось выяснить в 1982 г., когда у южной башни была раскопана траншея через ров шириной 3 м. Работавшие здесь участники экспедиции настолько идеально выровняли ее стенки, что захватившая в гости И. Т. Кругликова (1917–2008), которая была одним из ведущих специалистов в области археологии Северного Причерноморья, поинтересовалась: «Здесь что бульдозер работал?», и услышала в ответ: «Нет, всего три человека».

Попутно с выяснением конструкции рва была решена еще одна задача. Дело в том, что стратиграфия юго-восточного борта траншеи наглядно показала, что отмеченные еще Дюбрюксом сооружения, пристроенные к внешней стороне крепости, не имеют никакого отношения к античному Илурату, поскольку были возведены на слое его разрушения. Вскрытые вертикально установленные известняковые плиты, скорее всего, были частью раннесредневековой кошары — загона для скота.

Заключительным этапом в развитии фортификационной системы Илурата стало возведение не ранее времени правления царя Инифимея (234–238) полосы жилой застройки на склоне городища за пределами северо-западной оборонительной стены, где вплоть до начала III в. н. э. ссыпали золу и бытовые отходы. Несомненно, это было связано с подготовкой к отражению новых вторжений извне. Таким образом решалась проблема дефицита свободной площади под строительство и устранялась возможность для нападавших сосредоточить свои силы на имеющейся здесь террасе для штурма относительно слабого участка обороны. После заклада узких проходов между домами (рис. 22), они создавали дополнительное препятствие на пути врага, своего рода передовое укрепление — протейхизму. В случае серьезной опасности легко было перекрыть и расположенный рядом проход через всю линию застройки к калитке в крепостной стене. Вскрытая длина его составила 19 м, ширина в нижней части — 2,5 м, а в верхней — всего 0,87 м. Часть прохода была оформлена как

Рис. 22. Заложенный вход в дом на северо-западном склоне илуратского плато

лестничный спуск из девяти ступеней, на которых любили фотографироваться участники раскопок (рис. 23).

Видимо, в этот же период происходит основательная перестройка северного угла крепости. Необходимость периодического ремонта стен и башен здесь была вызвана тем, что их частично подстилал слой более раннего сброса золы и это не могло не вызвать оползания оборонительных сооружений. В результате близ северной башни VIII, от которой сохранилось одно основание, потребовалось возведение подпорных стен.

Ряд наблюдений позволяет говорить о том, что основную массу жителей Илурата составляли выходцы из соседних варварских племен, размещенные здесь на правах военных поселенцев. При средней площади илуратского дома около 180 м² общее количество домовладений должно приближаться к цифре

Рис. 23. Участники раскопок протейхизмы на северо-западном склоне илуратского городища. 1986 г.

120. Соответственно, из расчета 8–10 человек на семью, включая слуг или рабов, получается, что в Илурате проживало около 1000–1200 человек, которые могли выставить гарнизон в составе не менее 160 воинов. Наиболее состоятельные из них участвовали в военных действиях в качестве тяжеловооруженных всадников — катафрактариев, своего рода «рыцарей» древнего мира. До нас дошло изображение такого конного воина, процарапанное на обломке штукатурки красного цвета. Он облачен в длинный, почти до пят, пластинчатый панцирь без рукавов с разрезом внизу. Металлические пластины, нашитые на кожаную основу, показаны обобщенно горизонтальными линиями, образующими 30 рядов, причем вертикальные грани их не прорисованы. Возможно, верхняя часть этого доспеха представляла собой броню из длинных, горизонтально расположенных полос металла, соединенных между собой ремешками, пропущенными через ряды специальных отверстий.

Илуратский всадник обеими руками держит наперевес тяжелое копьё. Для своего времени оно было чрезвычайно эффективным оружием. Удар отряда подобной конницы производил страшное опустошение в рядах врагов. Так, в 53 г. до н. э., в битве при Каррах, на безводной равнине Северной Месопотамии, именно катафрактарии, пробив строй римских легионов, помогли парфянской армии разгромить войско Марка Лициния Красса, победителя Спартака. Плутарх в биографии Красса упоминает, что парфяне использовали против римлян «тяжелые, с железным острием копьё, часто с одного удара

пробивавшие двух человек» (*Plut. Crass. 27*). О печальных последствиях столкновения с вражеским катафрактарием повествует и одна из боспорских стихотворных эпитафий: «Аполлоний, сын Аполлония, прощай. Ты неоплаканным сошел к Аиду, испустив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум, все полно горя: в твоём лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом Аида, а обители героев...» (*КБН № 119*).

Облик пеших боспорских воинов сохранился в росписях пантикапейских склепов и на надгробных рельефах. Они облачены в характерный для первых веков н. э. костюм: плотно облегающие штаны с курткой, сапожки и длинный плащ, скрепленный застежкой на правом плече. Такой внешний вид был характерен и для уроженцев других северопричерноморских городов этого времени. В «Борисфенитской речи» знаменитого оратора Диона Хрисостома, посетившего в конце I в. н. э. Ольвию, молодой воин по имени Каллистрат описывается следующим образом: «Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство, на плечах был небольшой тонкий черный плащ» (*Dion Chrys. XXXVI. 7*). В состав обычного набора вооружения помимо длинных мечей входили копья и большие овальные щиты.

Для отдельных воинских подразделений могли использоваться короткие мечи типа римских гладиусов и принятые в римском войске знаки, поскольку с их помощью легче было управлять войсками в бою. Например, в Стасовском склепе 1872 г. имеется изображение облаченного в защитный доспех знаменосца, в руках которого вексиллум — войсковой штандарт в виде копья с прикрепленным к перекладине прямоугольным куском материи с кистями, внешне довольно близко напоминающим православную хоругвь. Такие «знамена», выполнявшие две основные функции — сакральную и тактическую, — использовались в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты. Возле знаменосца на фреске изображен командир отряда — тяжеловооруженный воин в каркасном шлеме и длинном, до колен, чешуйчатом панцире поверх кафтана с длинными рукавами. В руках у него плоский овальный щит и два копья одинаковых размеров. Справа на поясе, как у римских легионеров, подвешен короткий меч. Далее представлены трое легковооруженных пехотинцев с тем же комплектом вооружения.

Илуратский гарнизон размещался в жилых кварталах, возведенных по единому плану около середины II в. н. э. одновременно с оборонительными сооружениями, поэтому в случае военной опасности часть воинов могла быстро отреагировать на сигнал тревоги, попав на свой боевой пост прямо со двора собственного дома. Быстрое перемещение от одной линии обороны к другой обеспечивала регулярная планировка города, основой которой были две главных улицы шириной 6 м и 4,5 м — т. н. Большая Продольная и Большая Поперечная. Они пересекаются под прямым углом и выходят к воротам, напоминая *cardo*

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

maximus и cardo decumanus римского лагеря. На трассе Большой Продольной улицы сохранилась первоначальная, слегка выровненная и сnivelированная плотно утрамбованной глиной поверхность скалы, понижающаяся в северо-восточном направлении. Большая Поперечная улица, напротив, имеет практически горизонтальную поверхность. Вдоль нее, по крайней мере, на раскопанном участке от юго-восточных ворот до центрального перекрестка, проходил частично сохранившийся тротуар из крупных уложенных в один ряд блоков известняка, промежутки между которыми были отчасти заполнены мелким бутовым камнем. Тротуар шириной около метра при высоте 0,4 м относительно проезжей части, состоящей из утрамбованной глины с примесью щебня, позволял ходить по улице в дождь, не замочив ног (рис. 24). Большую Продольную улицу пересекают десять более узких поперечных шириной от 1 до 1,8 м, образующих блоки из нескольких жилых домов. Многие из этих улиц проходят по краю искусственно созданных террас. В таком случае во двор дома, расположенного ниже, ведет достаточно широкая лестница.

Выявленная раскопками структура внутренней застройки Илурата с течением времени существенно не нарушалась, изменения происходили лишь в отдельных строительных комплексах. По своим размерам 26 раскопанных полностью домов (рис. 25) разделяются на четыре группы: 1) от 45 до 100 м²; 2) от 120 до 180 м²; 3) от 215 до 285 м²; 4) от 400 до 600 м². Большой массив домов первой группы, видимо, принадлежавших простым воинам, находится в северо-западных кварталах города. Для них характерно отсутствие больших дворов и хозяйственных помещений, преобладание в керамическом комплексе лепной посуды. Дома, входящие во вторую группу, следует связывать со средними слоями населения,

Рис. 24. Остатки тротуара близ перекрестка двух главных улиц

ГЛАВА 4. МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ

представители которых селились вдоль двух главных улиц. Крупные домовладения третьей и четвертой групп, по-видимому, предназначенные для представителей военной администрации и зажиточных горожан, сосредоточены в северо-восточных и центральных кварталах. Это можно объяснить близостью

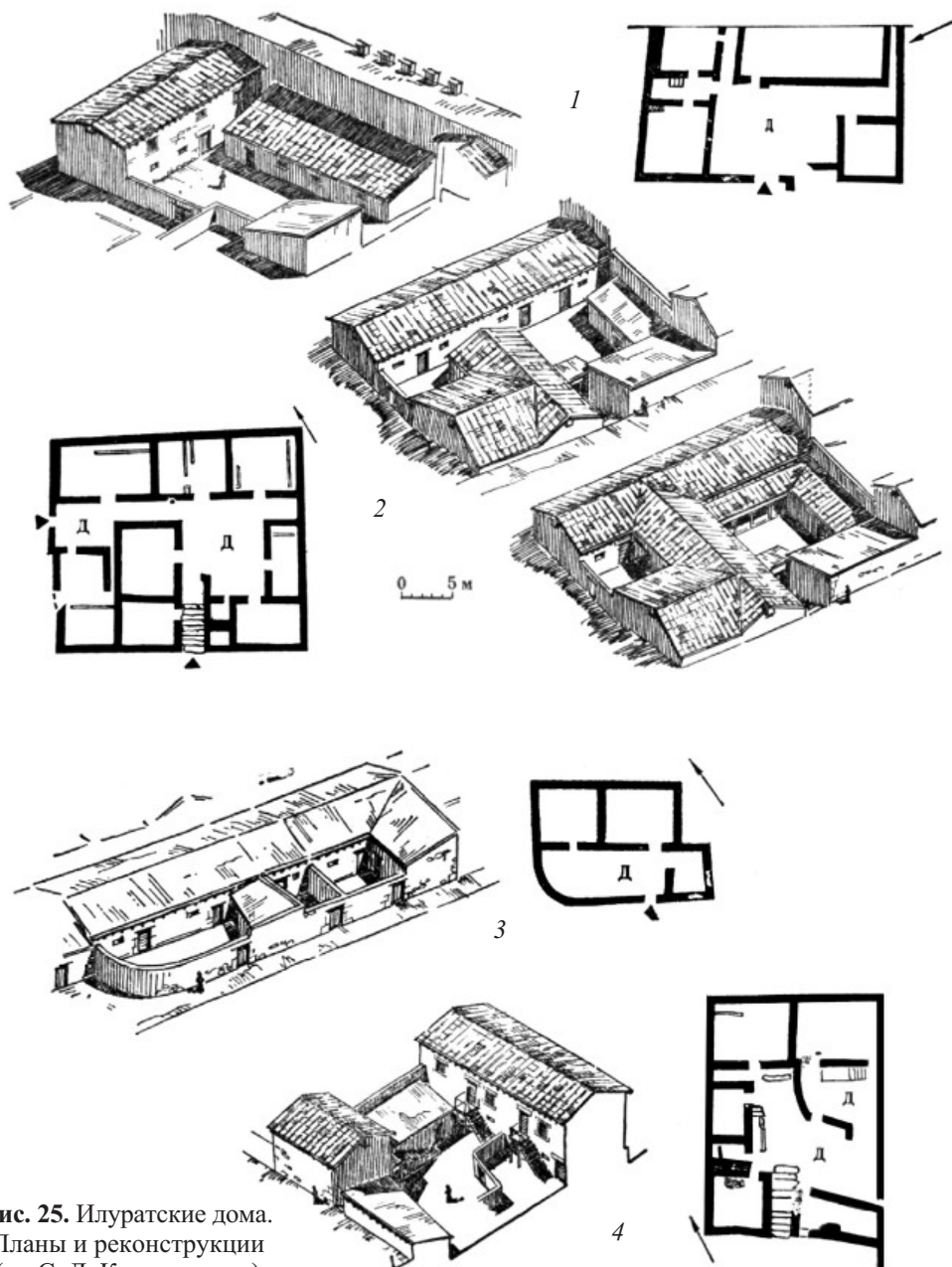

Рис. 25. Илуратские дома. Планы и реконструкции (по С. Д. Крыжицкому)

к юго-восточным воротам и сравнительно высоким уровнем благоустроенности в виде тротуаров и продуманной системы стоков для воды.

Самым крупным, единовременно построенным жилым зданием Илурата является раскопанный в его восточной части т. н. «дом стратега» площадью около 525 м². Возможно, он действительно принадлежал командиру гарнизона крепости. В данном случае во двор, находящийся ниже уровня улицы, ведет парадный вход, снабженный монументальной лестницей из пяти ступеней шириной больше 2 м (рис. 26). Впрочем, в доме был и боковой «черный ход» — узкая калитка, позволявшая проникнуть в него со стороны небольшого переулка.

Хотя этот дом, несомненно, имел второй этаж, имеющиеся данные позволяют говорить только об устройстве и назначении помещений, располагавшихся на уровне двора. Так, на вторую ступень парадной лестницы открывалась дверь комнаты привратника, присматривавшего за тем, чтобы в дом не проникли посторонние люди. По другую сторону лестницы размещался небольшой амбар с закромом для ссыпания зерна. Зерно, судя по найденным на полу зернам пшеницы, хранилось и в вытянутом помещении на юго-восточной стороне двора. Между ними, в углу дома, открыто помещение для продовольственных припасов с несколькими пифосами, вкопанными днищами в траншею вдоль его юго-западной стены. Другую специализацию имели три помещения в северо-восточной части дома, предназначенные для содержания скота.

Центральное помещение первого этажа, очевидно, использовалось в культовых целях. Пол в нем был глинобитный, положенный прямо на поверхность скального материка. У юго-западной стены здесь стоял алтарь в виде четырехугольного каменного блока с выемкой на верхнем торце. Вероятно, с производившимися на нем действиями связаны найденный неподалеку череп быка и происходящие из ямы справа от входа скелеты свиньи, козы и собаки.

Единственная комната нехозяйственного назначения на этом уровне дома имела в его западном углу. Стены здесь были оштукатурены и окрашены в красный цвет. Из отдельных находок можно отметить две монеты II–III вв. н. э. и три отшлифованные костяные палочки с заостренными концами, напоминающие стили для письма на покрытых воском табличках. Известный интерес представляет также астрагал — игральная кость со знаками на двух сглаженных сторонах. При игре шли в счет четыре стороны, которые могли выпасть в результате броска. Каждая имела определенное цифровое значение: 1, 3, 4 и 6. Ту сторону, которая приносила всего одно очко, называли «собака». Если игра носила азартный характер, ее вели с помощью четырех астрагалов. Таким образом, получалось до 35 комбинаций, делившихся на счастливые, несчастливые и посредственные. Наиболее удачным для игрока считался так называемый «удар Афродиты», когда все четыре кости падали на различные стороны. Видимо, подобные развлечения не раз скрашивали досуг представителей командной верхушки гарнизона крепости.

Илуратские дома образуют городские кварталы, жизнь обитателей которых была надежно укрыта от посторонних глаз глухими стенами, выходившими

на улицу. Бедные владельцы обходились камышовой крышей и глиняной обмазкой стен, состоятельные — могли позволить себе отделку парадных помещений штукатуркой и даже мраморной облицовочной плиткой, а также сооружение черепичной кровли. В последнем случае использовались обычные для этого времени черепицы местного производства: плоские керамиды и перекрывавшие их стыки калиптеры полуцилиндрической формы с расширяющимся нижним и сужающимся верхним концами. Как правило, входом служил узкий коридорообразный проход, запиравшийся дверью или калиткой. Он вел на мощеный двор (от 20 до 40% всей площади), на который выходили хозяйственные помещения первого этажа. В одном доме, пристроенном к крепостной стене, был найден паз для деревянной балки и, таким образом, установлена высота первого этажа, которая составила 2,2 м. В кладке стен, в основном, использовались грубо обколотые, уплощенные куски известняка на глиняном растворе. Хорошо отесанные квадраты использовались, главным образом, на углах домов и помещений. Ими также облицовывали дверные проемы, запиравшиеся деревянными дверьми, от крепления которых сохранились углубления в пороговых плитах. О большом количестве деревянных конструкций внутри илуратских домов свидетельствуют многочисленные находки кованых железных гвоздей длиной до 15 см.

Обычно одно из помещений первого этажа с глинобитным полом предназначалось для приготовления пищи. В этом случае недалеко от входа обычно находилась каменная ступа для переработки зерна высотой около 0,5 м. Для мукомольного производства в отдельных случаях применяли ручные мельницы с круглыми жерновами ротационного действия. Гораздо чаще встречаются

Рис. 26. Вход с улицы во двор «дома стратега»

четырёхугольные жернова, широко распространённые во всем греческом мире. Обычно они изготовлены из привозного камня зеленоватого или лиловато-серого цвета и отличаются прекрасной сохранностью. Размеры верхнего жернова достаточно стандартные: $0,56 \times 0,5$ м при высоте 0,12–0,14 м. На нижней грани имеются высеченные косые бороздки. Наличие двух полукруглых вырубков показывает, что для приведения жернова в движение в качестве рычага использовалась деревянная рукоятка.

Готовили на большой печи из вертикально установленных плит с одним или двумя-тремя каменными столбиками внутри. На них ставилась саманная плита-жаровня с бортиками, выступающими на 3–4 см вверх. На раскаленной поверхности таких жаровен, очевидно, выпекались хлебные лепешки. Судя по золе, основным топливом служила солома. Дым выходил через дверь или специальное отверстие в стене. Возле таких печей илуратские женщины проводили немало времени и имя одной из них — «Дикалия» — было небрежно вырезано ножом на торце печной плиты. Нередко рядом находились стальные ниши, использовавшиеся в хозяйственных целях.

В каждом из домов были зерновые или хозяйственные ямы, выдолбленные в скале, подобно водосборникам закрывавшиеся каменными крышками. На их стенках в ряде случаев сохранились следы глиняной обмазки, наносившейся с целью предохранения от насекомых и грызунов. Зерно или вино могли хранить в громоздких пифосах — глиняных бочках с уплощенным дном, емкостью до 600 л, а высотой до 1,5 м и более. В одном из таких сосудов по преданию жил знаменитый философ Диоген.

Для хранения припасов могли использовать и массивные красноглиняные амфоры боспорского производства с высоким цилиндрическим горлом, удлиненным туловом, конусовидным в нижней части, и реберчатой поверхностью или с широким горлом и круглыми в сечении ручками, а также розовоглиняные амфоры с конусовидной ножкой. Самой массовой категорией привозной керамической тары были светлоглиняные узкогорлые амфоры южнопонтийского производства. Наиболее распространенными среди них являются небольшие сосуды первой половины III в. н. э. емкостью около 3 литров, предназначавшиеся, скорее всего, для транспортировки вина. Большая часть использовавшейся в быту гончарной посуды (рис. 27) — горшковидных сосудов, кувшинов, и мисок — относится к боспорскому и отчасти местному производству. Реже встречается столовая краснолаковая керамика, привезенная из римской провинции Азия: фрагменты двуручных горшочков, глубоких мисок, чашек конусовидной или округлой формы, тарелочек с вертикальным краем и небольших плоских блюд. Достаточно частыми находками являются разнообразные закрытые светильники, имеющие орнаментированный рельефный или плоский верхний щиток. Встречаются и фрагменты стеклянной посуды — стаканов, мисочек, бальзамариев.

Часть помещений в илуратских домах предназначалась для содержания молодняка скота в зимний период. Вдоль одной из стен в них, как правило, имеется служившая кормушкой загородка из каменных плит с отверстиями для

Рис. 27. Керамика из раскопок Илурата

привязывания. Пространство рядом с ней перекрывали вымосткой из уплощенных кусков известняка, что согласно рекомендациям античных авторов, писавших о сельском хозяйстве, должно было предотвратить застаивание нечистот.

Над хозяйственными помещениями, обращенными к северу, как уже отмечалось, был жилой этаж, куда поднимались со двора по деревянной лестнице. Однажды удалось зафиксировать слой сгоревших межэтажных перекрытий в виде лежавших в ряд балок из сосны, считающейся лучшей из древесных пород для различного рода строительных работ. Над этим слоем лежали вещи, происходящие со второго этажа, в частности упавшие в линию небольшие

пирамидальные грузила от вертикального ткацкого станка, стоявшего на женской половине дома.

Помимо ткачества в небольших масштабах в Илурате существовали и другие виды ремесел. О наличии железоделательного производства свидетельствуют находки кусков губчатого железа, полученного из местной руды. Находки небольших криц и железистых шлаков позволяют говорить о применении здесь сыродутного способа получения железа. Таким образом, илуратские кузнечные и оружейные мастерские, в условиях интенсивной хозяйственной деятельности населения крепости и постоянной военной опасности, были вполне обеспечены исходным сырьем и могли работать с полной нагрузкой.

Существование обработки цветных металлов подтверждает небольшой каменный тигель с остатками расплавленной меди. Он был изготовлен из небольшой плиты песчаника, в которой имеется углубление округлой формы со сливом в виде трех бороздок, а на оборотной стороне три параллельных желобка для заточки стрел. В тигле можно было выплавить около 350 мл металла, а затем использовать его как льячку, разливая расплавленный металл непосредственно в формы. Видимо, он использовался в небольшой мастерской или даже в домашнем производстве для изготовления мелких украшений и различных поделок для непосредственного обеспечения текущих потребностей населения крепости. Ведь ремесленные изделия высокого качества вполне можно было приобрести в расположенном неподалеку Пантикапее.

Керамическое производство существовало в Илурате, но в небольших масштабах. На это указывают находки муфтообразных керамических подставок с круглыми продухами в боковых стенках для циркуляции воздуха, предназначенных для обжига в керамических печах остродонных сосудов. Как правило, такие специфические предметы использовались в быту поблизости от действовавших гончарных мастерских. Естественно, в целях пожарной безопасности они должны были функционировать за пределами городской черты и пока не обнаружены. Часть потребностей в домашней посуде восполнялась за счет производства каждой отдельной семьей для собственных нужд примитивной лепной керамики, светильников и терракот, обожженных в печи или очаге. В одном из домов рядом с очагом была обнаружена глубокая ниша со сложенными в четыре ряда несколькими десятками заготовок для круглых грузил, которые так и не успели обжечь.

Все же главными занятиями жителей Илурата кроме военной службы были скотоводство и земледелие. В отношении местного скотоводства бросается в глаза преобладание среди находок костей мелкого рогатого скота, при этом большая часть их принадлежит козам, а не овцам. Для разведения крупного рогатого скота, судя по соотношению костей взрослых и молодых особей, была характерна мясо-молочная направленность. Среди лошадей доминировали среднерослые особи высотой в холке до 144 см. Особо ценные верховые кони могли содержаться в специальных помещениях первого этажа, оборудованных коновязью, высокой поилкой и стоком для отвода нечистот. Встречается также

довольно большое количество костей домашних свиней и собак, вероятно использовавшихся для охранных целей, выпаса скота и охоты. Находка костей верблюда, возможно, свидетельствует об его использовании для перевозки грузов в караванной торговле. Разведение домашней птицы фиксируется благодаря находкам костей гусей, кур и уток.

Видимо, на видовой состав стада воздействовали такие факторы, как природно-климатические условия, качество пастбищ и обеспеченность их водой. Крупный рогатый скот, например, предпочитает сочные луговые травы. Его количество во многом зависит от размеров сенокосных угодий, которых в окрестностях Илурата, видимо, было немного. Следует учитывать и этнический фактор. Так, преобладание мелкого рогатого скота, характерное для кочевого скотоводства, можно связать с фиксируемым по материалам некрополя появлением около середины II в. в составе населения Илурата группы кочевников, скорее всего, аланов по происхождению, сохранивших на протяжении жизни нескольких поколений привычные навыки ведения хозяйства. Продукция животноводства с помощью специальных керамических маслобоек и чашек-цедилок успешно перерабатывалась на масло и сыр.

В мирное время илуратцы обрабатывали находившиеся к северо-западу от города земельные участки, вполне пригодные для выращивания зерновых культур и разведения винограда. Для определения набора выращиваемых сельскохозяйственных культур большое значение имеют происходящие из раскопок обуглившиеся зерна различных злаков, среди которых преобладают пшеница и ячмень.

Археологические находки, так или иначе связанные с земледелием, в Илурате немногочисленны, но достаточно показательны. Об обработке почвы орудиями рыхлящего типа свидетельствует обнаруженный в одном из домов железный наральник. Это деталь примитивного деревянного плуга в виде уплощенного вытянутого металлического бруска. Его режущая заостренная часть по форме близка к полуовалу, противоположный конец заострен. Такой накопчик, удобный для обработки твердых почв и целинных земель не переворачивал дерновый пласт, а только взрыхлял его, не уничтожая сорняки. Он мог прикрепляться к горизонтальному полозу изготовленного из дерева рала или к плугу другой конструкции с дополнительным железным лемехом.

К числу орудий, применявшихся при скашивании лугов, а также для уборки урожая пшеницы и ячменя, принадлежат железная коса с узким тонким лезвием и серпы, с концом в виде крючка, который вбивался в рукоять и мог дополнительно крепиться с помощью кожаного ремешка или металлического кольца. С помощью такого орудия жнец мог за день убрать урожай с участка площадью 0,25 га.

При наличии в Илурате около 120 домовладений, а в каждой илуратской семье, по крайней мере, одного-двух взрослых мужчин, можно полагать, что площадь обрабатываемой земли в районе крепости составляла 1000–1400 га. Из них не менее четверти должны были составлять участки, отведенные под виноградники. Урожайность одного гектара в античный период могла достигать 7–10 ц зерна,

то есть в общей сложности жители Илурата могли получать со своих участков 650–950 т. Если учесть, что на питание одного человека в год требовалось не менее 200–250 кг зерна в год, то примерно 200–300 т уходило на внутреннее потребление. К этой цифре нужно добавить зерно, предназначенное для посева: из расчета 130–165 кг на гектар получается еще до 200 т. Таким образом, потенциальный объем товарного зерна в Илурате был не столь уж велик, порядка 150–450 т. Конечно, эти расчеты несколько абстрактны, но все же дают некоторое представление об экономических возможностях сельской округи крепости.

Для хранения зерна использовались многочисленные ямы-хранилища грушевидной или колоколовидной формы, имевшие различную емкость. Стенки их, видимо, окуривались с целью дезинсекции, для чего в античной практике обычно использовали ветки можжевельника или серу. Крышками для таких ям служили круглые известняковые плиты.

Для мукомольного производства в отдельных случаях применяли ручные мельницы с круглыми жерновами ротационного действия. Гораздо чаще встречаются четырехугольные рычажные зернотерки, широко распространенные во всем греческом мире. Их могли устанавливать на каменных угловых платформах, обмазанных глиной. Как правило, они отличаются прекрасной сохранностью и изготовлены из привозного плотного камня зеленоватого или лиловато-серого цвета. Петрографические исследования показали, что эта порода происходит из единственного в Крыму месторождения на Святой горе в знаменитом вулканическом массиве Кара-Даг. Она состоит из минералов разной твердости, выкрашивающихся неравномерно. Это способствует образованию мелкой бугристости на рабочей поверхности зернотерки, что дает максимальный эффект при помоле, почти без мелких крошек и каменной пыли. Вероятно, на Кара-Даге велась целенаправленная добыча этого и другого сырья — базальта, диорита, диабазового порфирита и вулканического туфа — в связи с большим спросом на зернотерки в городах и сельских поселениях Боспора.

В меньшей степени было развито виноделие. Пока известна только одна винодельня, расположенная в одном из центральных городских кварталов к северо-востоку от Большой поперечной улицы. Этот строительный комплекс состоял из вымощенного известняковыми плитами коридора, соединявшегося с улицей и трех помещений, одно из которых носило производственный характер (рис. 28). Туда нужно было спускаться по ступеням небольшой лестницы. Половину производственного помещения винодельни занимали четыре наклонные давяльные площадки. Три из них, как и стены, были покрыты несколькими слоями цемьянки — известкового раствора с добавлением толченой керамики, из-за чего он имеет интенсивный красный цвет. Эти площадки использовались для отжима винограда ногами. Единновременный сброс образовавшейся таким образом мезги был найден в одной из трех ям, выдолбленных в скале и перекрытых каменными плитами коридора винодельни. Дно там перекрывал полуметровый слой виноградных косточек. Специальное исследование показало, что здесь представлены, главным образом, винные и столовые сорта с примесью дикорастущего винограда.

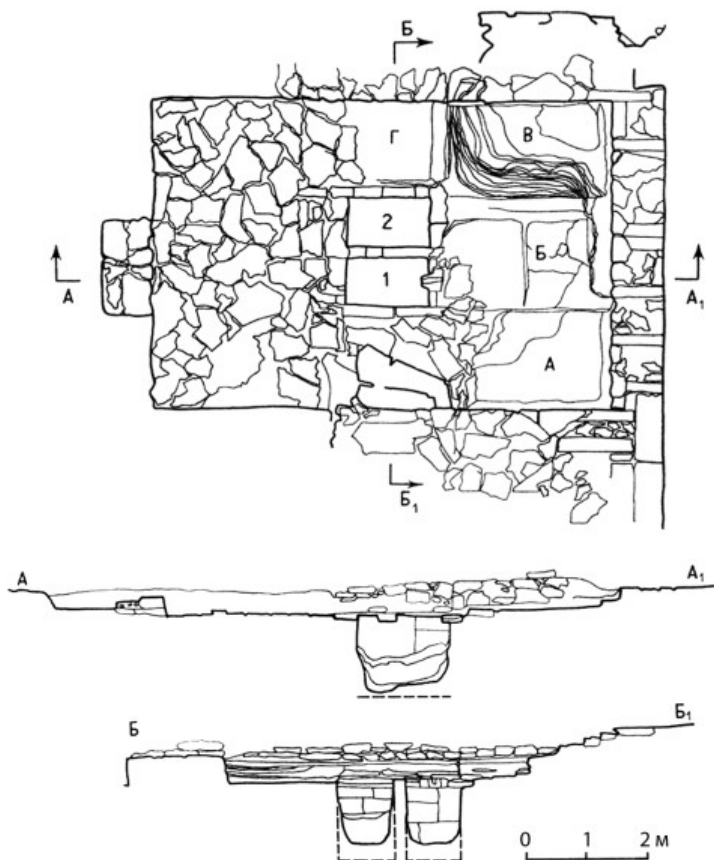
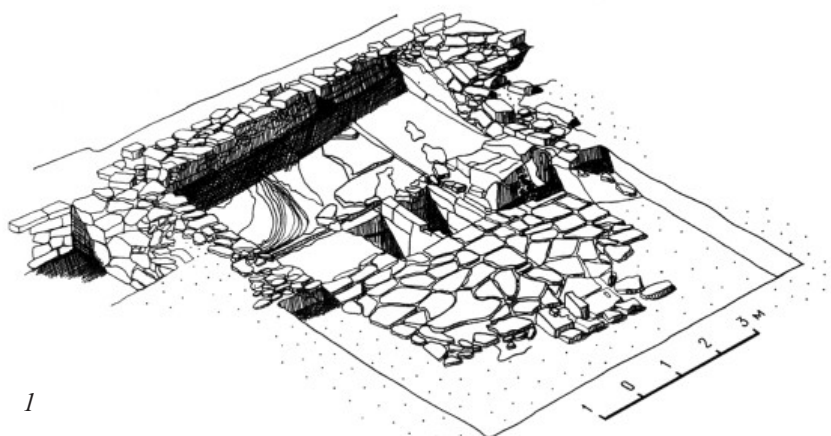

Рис. 28. Винодельня. Реконструкция, план и разрез производственного помещения

Выдавленное винное сусло отводилось в резервуары находящихся рядом цистерн через специальные каменные сливы. Общая емкость цистерн, имевших наклонное дно для скапливания осадка, составляет около 3,5 тыс. л. Такой объем соответствует урожаю винограда, собранному на земельном наделе средней величины. В данном случае, если исходить из количества единовременно выжатого винного сусла, площадь виноградника составляла около 1,5 га. Кстати, в заполнении одной из ям винодельни обнаружили специальный виноградарский нож для срезания гроздей ягод.

Центральная площадка без следов обмазки была вымощена тщательно подогнанными друг к другу массивными плитами плотного дикарного известняка. На ее оси, за цистернами, находилась каменная гиря весом почти полторы тонны для рычажно-винтового пресса, с помощью которого производился отжим виноградной мезги для получения более дешевого вина, обычно предназначавшегося для рабов или сезонных рабочих. Судя по расстоянию, отделявшему гирю от площадки, длина деревянного рычага пресса, крепившегося одним концом в специальном углублении в стене, составляла около 5 м. В данном строительном комплексе было и складское помещение, где в трех пифосах, емкостью около 600 л каждый, хранилась готовая продукция. Это вино, скорее всего, предназначалось для обитателей близлежащего дома, которым принадлежала винодельня, и лишь в какой-то мере поступало на рынок.

Следует сказать, что существовавшее первоначально мнение о весьма слабом, несмотря на близость к столице, развитии торговли и преобладании натурального обмена в Илурате не соответствует действительности. Часть торговых операций с близлежащими городами, прежде всего, в отношении продукции ремесленного производства, конечно, совершалась с использованием денег, о чем свидетельствуют немногочисленные находки в культурном слое, в основном, медных монет мелких номиналов периода правления боспорских царей от Аспурга до Рескупорида IV. В этой связи можно отметить также клад боспорских биллоновых статеров III в. н. э., о котором более подробно будет рассказано далее. Еще одно интересное наблюдение относится к вскрытой прямо у крепостной стены, всего в 20 м от юго-западных ворот, небольшой площади около 115 м², открытой со стороны улицы. В слое над вымосткой здесь было обнаружено необычно большое для Илурата количество монет конца II–III вв. н. э. (11 экз.) и бронзовый стилос³⁷, что позволяет предположить проведение в этой части города каких-то торговых операций. Стоит упомянуть и находку свинцовой гири весом 402,7 г, имевшей квадратную форму. На одной стороне ее оттиснут знак в виде восьмигранника, видимо, обозначающий весовой стандарт в одну мину, использовавшийся в розничной торговле.

³⁷ Стилос — инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня из кости или металла, широко применявшийся в древности. Заостренный конец его использовался для процарапывания текста на восковых табличках, а противоположный — делался уплощенным, чтобы стирать написанное.

Глава 5

ИЛУРАТСКИЕ БОГИНИ

Занятия илуратцев скотоводством и земледелием, их смешанный этнический состав — боспорские греки, потомки осевших на землю скифов и выходцы из сарматских племен — во многом определили и их религиозные представления, объединявшие поклонение греческим божествам с культурами и обрядами, восходящими к эпохе раннего земледелия. В этом отношении первое место, безусловно, принадлежало образам женских божеств, которые представлены терракотовыми и мраморными статуэтками, рельефными изображениями на изделиях из глины и драгоценных металлов. По своему художественному стилю они в значительной мере отличаются друг от друга и, в основном, разделяются на две группы: одни изготовлены в соответствии с традициями античного искусства, другие отличаются достаточно обобщенной манерой изображения.

Достаточно редкой для Илурата находкой является мраморная головка Афродиты с прической в виде свободно лежащих локонов, разделенных посередине пробором. Она является частью небольшой статуи высотой около 40 см, когда-то украшавшей интерьер дома состоятельного горожанина. К первой группе можно отнести и несколько терракот I–II вв. н. э., односторонних (т. н. протомы) и двусторонних, лицевая сторона которых оттиснута в форме, а обратная с отверстием для обжига сглажена стекой мастера. Некоторые из них не имеют аналогий на территории Боспора, например, фигурка опирающейся на алтарь полуобнаженной Афродиты с диадемой в волосах. Вторая группа изображений демонстрирует синкретизм религиозных представлений рядового населения Боспора первых веков н. э.

Достаточно широкую трактовку образа Афродиты демонстрирует более поздний золотой медальон III в. н. э., обнаруженный в слое разрушения жилого помещения дома у западной башни крепости, раскопки которого завершились тридцать лет назад. Тогда при зачистке уровня глинобитного пола под лопатой одного из рабочих в лучах солнца блеснул небольшой металлический кружок размером с пятирублевую монету. Он оказался хорошо сохранившимся золотым медальоном 990 пробы с петелькой для подвешивания. Поскольку это была первая и пока единственная находка золота на городище, ее тут же бросили в кружку с вином, которую пустили по кругу.

Медальон дошел до нас без каких-либо повреждений. Его край обрамляет орнаментальный поясик из двух витых проволочек в виде плетенки, а в центре

располагается оттиснутое штампом схематичное изображение бюста богини в цилиндрическом головном уборе — калафе, расчлененном пятью вертикальными выступами. Складки одежды переданы параллельными рельефными линиями³⁸. Над плечами богини, на которые ниспадают уложенные вокруг головы крупные локоны, находятся две шестиконечные звездочки, указывавшие на ее связь с небом. Эта деталь позволила сопоставить образ на медальоне с почитавшейся на Боспоре с давних пор Афродитой Уранией (т. е. Небесной). С конца II в. н. э. ее культ, как богини, дарующей царскую власть, становится одним из основных в Боспорском царстве и приобретает общегосударственный характер. В честь Афродиты Урании строились новые храмы, а ее изображения с яблоком, чашей или шаром, символизирующим небесную сферу, помещались на монетах.

В том, что на илуратском медальоне представлена именно Афродита убеждает и довольно близкая аналогия — случайно найденный в Прикубанье золотой медальон, отличающийся от илуратского большей тщательностью исполнения. Рамка в виде плетенки дополнена у него 43 миниатюрными шариками. В центральной части штампом оттиснуто не погрудное изображение, а вся фигура целиком. Богиня сидит в кресле со спинкой, имеющей крестообразные выступы. На ее голову накинута покрывало, спускающееся на плечи. В левой руке, прижатой к груди, какой-то плод круглой формы. У ног богини, по обе стороны от нее, представлены небольшие фигурки эротов. Наличие их в центральном поле медальона не оставляет сомнений в том, что мастер, вероятно, копировал какую-то известную культовую статую.

Показательно, что илуратский медальон изготовлен из золота, магического «небесного» металла согласно представлениям многих иранских народов, несомненно, бытовавшим и на Боспоре. Возможно, он играл какую-то роль в обрядах и одевался лишь в соответствующих случаях. Не случайно именно это украшение подчеркнуто выделено на груди четырех происходящих из Илурата терракотовых статуэток богини на троне, изображающих, очевидно, все ту же Афродиту Уранию. Их узкие лица с выступающим носом совершенно не проработаны. Руки трактованы в виде выступов, в которых находятся чаша, либо круглый плод или лепешка. В отношении последнего атрибута богини обращает на себя внимание найденный в Илурате круглый глиняный штамп для изготовления культовых хлебцев. В античном мире изделия из теста, украшенные рельефным изображением, нередко употреблялись для ритуальных церемоний и празднеств в честь того или иного божества. На илуратском штампе Афродита Урания предстает перед нами без всякой «греческой вуали», как Великая богиня, владычица животного и растительного мира, облаченная в длинное, расширяющееся книзу одеяние. Ее голова с двенадцатью отростками по форме

³⁸ Ближайшей аналогией для этого изделия боспорского ювелира является сходный по размерам, технике изготовления и оформлению электровый медальон из слоя разрушения середины III в. н. э. на поселении Ново-Отрадное в 25 км к западу от Илурата. Возможно, оба медальона относятся к продукции одной мастерской, хотя изображения оттиснуты разными штемпелями.

напоминает хлебный колос. Фигура богини олицетворяет собой мировое древо и ее распростертые в стороны руки завершаются растительными побегами. Это как бы своеобразная граница между верхним, небесным миром, отмеченным схематичным изображением звезды, и нижним подземным миром с крылатыми грифонами. Из того же дома, что и штамп, происходит связанный с почитанием богини набор терракот. Прежде всего, это протома Афродиты, на которой ее задрапированная полуфигура представлена с выпуклостью у лона, символизирующей беременность, что соответствует воплощению идеи плодородия и производящих сил природы (рис. 29). Можно отметить также глиняную фигурку жрицы с подвесными ногами. Такие ее детали, как головной убор с пятью вытянутыми выступами и расширяющееся книзу платье, во многом напоминают образ богини на штампе (рис. 30). Еще одна упрощенно вылепленная терракота изображает помещенных на одну подставку быка с ведущим его мужчиной, у которого на голове ноша в виде открытого светильника (рис. 31). Скорее всего, это почитатель богини, доставляющий в святилище богини дары и жертвенное животное.

Здание, наделенное функциями общественного святилища, действительно находилось совсем рядом, у юго-восточной оборонительной стены. Остатки обнаруженного здесь человеческого жертвоприношения говорят о том, что в финале существования крепости местные жители прибегали к кровавым ритуалам, далеким от традиционных греческих обрядов почитания богов. В культовом помещении, на возвышении прямоугольной формы, имелось воронкообразное углубление, рядом следы большого кострища, в слое золы которого оказалась часть скелета козы. Но самое неожиданное удалось открыть в восточном углу помещения. Там находился каменный жертвенник из нескольких известняковых плит. В заполнении этого сооружения обнаружили скелет петуха, а на верхней плите — обращенный лицевой стороной на восток череп мужчины 30–35 лет с четырьмя шейными позвонками. Нижний из них имел совершенно ровный

Рис. 29. Терракотовая полуфигура Афродиты

Рис. 30. Статуэтка жрицы с протянутыми руками

Рис. 31. Статуэтка погонщика с быком

срез, т. е. голова была отрублена! Судя по срезу, смертельный удар был нанесен мечом с правой стороны шеи сверху вниз. При этом позвонок был прорублен лишь наполовину, и потребовалось переломить его, чтобы окончательно отделить голову от туловища.

Для античной культовой практики подобные вещи уже давно канули в прошлое. К легендарным временам Троянской войны относятся, например, жертвоприношение Ифигении в Авлиде или убийство Ахиллом двенадцати пленников на могиле Патрокла. Последний из известных исторических примеров связан с битвой при Саламине 480 г. до н. э. Перед сражением к Фемистоклу, предводителю афинян, привели трех знатных персидских пленников, и прорицатель велел ему ради спасения и победы эллинов принести их в жертву Дионису Оместу (т. е. Кровожадному).

Плутарх рассказывает, что «Фемистокл пришел в ужас от этого страшного, чудовищного пророчества. Но, как обыкновенно бывает при большой опасности, в трудных обстоятельствах, толпа ожидает спасения больше от чего-то противоречащего рассудку, чем согласного с ним...» (*Plut. Phemist. 13*) и жертвоприношение состоялось. Спустя столетие философ Платон упоминает о таких ритуалах, как о варварском обычае. Впрочем, в Древнем Риме традиция совершения человеческих жертвоприношений сохранялась и значительно позже, судя по тому, что запрещающий их сенатский указ был принят только в 97 г. до н. э.

На окраинах античной ойкумены, к которым относился и Боспор, людей могли приносить в жертву в среде населения, удаленного от крупных городских центров. Так, в ходе недавних раскопок на азовском побережье Керченского полуострова большого сельского поселения «Бакланья скала» конца IV — первой трети III в. до н. э. в основании местного зольника был найден череп ребенка 10–12 лет. Как показала экспертиза, жертву сначала привели в бесчувственное состояние, оглушив остроконечным втыком копья или жезлом, округлым в сечении. Затем, скорее всего, держа ребенка за волосы, резким ударом отсекали голову коротким мечом на краю жертвенной ямы для стока крови. Невольно вспоминается эпизод из «Одиссеи» Гомера, где царь Итаки, чтобы вызвать из Аида тень прорицателя Тиресия роет в земле яму шириной в локоть, куда стекает кровь жертвенных овцы и барана.

Яркое описание человеческих жертвоприношений по соседству с территорией Боспора, у племени тавров, живших в горных районах Крыма, оставил Геродот:

«У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы... сбрасывают с утеса в море... голову же прибивают к столбу... С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над дымом головы являются по их словам, стражами всего дома» (*Her. IV. 103*). По другой версии у них же были святилища, к стенам которых прикрепляли отрубленные головы в память о совершенных подвигах, что, вероятно, было связано с верой в возможность получения захватившим этот трофей заключенной в голове магической силы.

Может быть, череп на илуратском жертвеннике тоже принадлежал пленному врагу? По крайней мере, он успел многое повидать в жизни. Задолго до смерти, по-видимому, в сражении, этот человек получил сильный удар тупым орудием в область правого виска, оставивший на черепной крышке, прочно зарубцевавшийся след. В любом случае эта акция должна была быть инициативой не одного человека или семьи, а большого коллектива горожан, располагавшего определенными правами и возможностями. Причиной могли стать какие-то чрезвычайные обстоятельства: война, засуха, голод или эпидемия. В этой связи можно вспомнить также, что у многих народов древности считалось, что черепа жертв обладают особой жизненной энергией и могут увеличить плодородие почвы и обеспечить здоровье скота. Таким образом, они могли иметь вполне утилитарное значение.

Кому было предназначено илуратское жертвоприношение? Не исключено, что все той же Великой богине, олицетворявшей могучие силы природы. Во всяком случае, ее связь с мотивом обезглавливания с давних пор прослеживается у туземного населения Боспора. Это женское божество, персонифицирующее идею плодородия, особенно наглядно представлено в рельефах на внутренней поверхности обломков лепного культового сосуда, найденного близ домашнего святилища в угловом помещении огромного дома площадью около 600 м² к югу от перекрестка двух главных улиц Илурата. Мы видим тут женскую фигуру с головой в виде хлебного колоса, раскинутыми руками, полными грудями и вздувшимся животом на фоне параллельно прочерченных линий, символизирующих распаханное поле (рис. 32) — то есть это переданная изобразительными средствами мольба об урожае. Интересно отметить, что таких фигур, видимо, с целью усилить магическую силу содержимого сосуда, было вылеплено несколько, но сохранились всего две — одна полностью, от другой — только голова.

Посередине упомянутого святилища, когда-то отделанного белой штукатуркой, был сооружен алтарь из трех вертикально установленных известняковых плит, связанный с регулярно проводившимися обрядами. Сюда неоднократно ссыпалась зола, и в результате образовался перекрывший плиты

Рис. 32. Фрагмент лепного культового сосуда

холмик высотой около метра. В основании его лежали в анатомическом порядке скелеты собаки, козы и поросенка. Интересно отметить, что именно эти животные в культовой практике греков приносились в жертву женским божествам.

В напластованиях зольника над алтарем и рядом с ним найдены примитивные, небрежно вылепленные из глины с примесью толченого кварца парные, мужские и женские, статуэтки с подчеркнутыми признаками пола (рис. 33). Все они слегка обожжены, местами сохранились следы охры. Голова у мужских статуэток заострена, у женских — имеет округлую форму. Нос сделан защипом, глаза в виде круглых налепов, вытянутые вперед руки и ноги показаны в виде выступов. Найденное тут же соответствующее им по размерам терракотовое ложе, покрытое слоем гипса и окрашенное в красный цвет — «цвет жизни» — не оставляло сомнений в том, что эти фигурки использовали для имитации божественного «священного брака». Такой обряд, совершаемый на зольном алтаре, должен был обеспечить изобилие пищи и питья, плодородие земли, богатый урожай и приумножение скота и потомства. В данном случае, как и у многих народов, мы сталкиваемся с наличием представлений об активном влиянии ритуального огня и золы на погодные условия, растительность, обильный урожай и животный мир, поскольку приписываемое им действие уподоблялось солнечному свету.

Особое отношение жителей города к золе проявилось в том, что она ссыпалась в специально отведенных для этого местах, в результате чего близ оборонительных стен появились зольные холмы. Это трудно объяснить с точки зрения интересов обороны, ведь такие искусственные возвышенности увеличивали возможности противника в отношении обстрела крепостных стен

Рис. 33. Лепные статуэтки из домашнего святилища

и городских кварталов. Возможно, в представлениях людей того времени зольники являлись дополнительной магической линией защиты. Самый мощный из них, высотой 5,2 м, возвышается за юго-восточными воротами. Исследования, проводившиеся здесь, показали, что он сформировался на протяжении второй половины I–III вв. н. э. и, помимо чисто бытовой функции, был связан с проведением аграрных магических ритуалов. Так, у вершины холма была вскрыта часть площадки из камней и обожженной глины, над которой зафиксирован слой чистой золы мощностью до полуметра. Рядом найдена маленькая мраморная статуэтка, почти полностью соответствующая упомянутым женским глиняным фигуркам. Она имеет округлую голову с едва намеченными глазами, носом и ртом, а также руки и ноги, переданные небольшими выступами. Видимо, статуэтка, сделанная из более долговечного материала, чем глина, была предназначена для многократного использования в обрядах, имевших общегородское значение.

Глава 6

КЛАД, НАЙДЕННЫЙ ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Когда же погибла крепость? Мы знаем это достаточно точно — вскоре после 267 г. Такую дату позволил уточнить клад, найденный автором этих строк на уже раскопанном участке, в центре Илурата. Тогда доследовался небольшой дом, выходящий с восточной стороны на перекресток двух главных улиц. Одно из его помещений, частично раскопанное в 1972 г., предназначалось для хозяйственных целей и содержания молодняка скота в холодный период. В западном углу находился вкопанный в глинобитный пол пифос высотой почти полтора метра. Рядом располагалась вырубленная в скале яма с горловиной, перекрытой каменной крышкой. Вся северо-восточная часть помещения была целиком вымощена известняковыми плитами разных размеров, примыкавшими к служившей кормушкой загородке из прямоугольных плит, установленных вертикально.

Спустя четыре года было принято решение вскрыть этот жилой комплекс целиком, хотя ничего необычного в уже выявленных там элементах обустройства первого этажа не было. В день находки клада с утра собирались тучи и люди, работавшие на раскопе, все время поглядывали на небо, предчувствуя надвигающийся ливень. Один Шургая был абсолютно безмятежен и произнес запомнившуюся фразу: «Работайте, работайте. В Илурате дождь — почти то же самое, что снег на экваторе!». Тут же внезапно грянул гром и с неба на наши головы обрушился буквально поток воды. Все бросились в лагерь, к своим палаткам. Прошло четыре часа прежде, чем небо прояснилось, выглянуло солнце, и можно было продолжать работать. Я присел на борт раскопа и стал делать очередные записи в полевом дневнике в том месте уже раскопанного участка, где в углу помещения когда-то была огромная плита вымостки. Теперь она валялась неподалеку выломанная и выброшенная в поисках «золота» какими-то местными жителями, несмотря на то, что для этого требовались усилия, по крайней мере, шести человек.

Через некоторое время я почувствовал, как взгляд, обращенный в тетрадь, непроизвольно отвлекается на что-то едва выступавшее под ногами из мокрой земли. Это был округлый металлический комок зеленоватого оттенка величиной с кулак. В первый момент показалось, что это какая-то бронзовая булава, но потом стали ясно видны спекшиеся в плотную массу монеты. Они сохранили округлую форму мешочка из кожи или ткани, который владелец второпях засунул под угол каменной плиты в месте, где вряд ли кто-нибудь стал искать деньги.

После фотографирования места находки клад был завернут в газету и в таком виде я понес его в лагерь экспедиции. В этот момент у юго-западных ворот показался Шургая, который шел навстречу. Надо было видеть радость Игоря Георгиевича, когда он узнал, что находится в свертке!

После экспедиции кладом занялись реставраторы, и массу монет удалось разделить на отдельные экземпляры. Вскоре было установлено, что в древнем кошельке лежали 66 статеров из низкопробного серебра весом около 7,5 г каждый. Все они прекрасной сохранности и имеют на лицевой стороне бюст царя Рескупорида IV (242/43–275/76), а на оборотной — изображение правившего в год выпуска монеты римского императора (рис. 34). Монеты датированы по боспорской эре, которую легко можно перевести в наше летоисчисление. Получается, что они были отчеканены в период с 242 по 267 гг. В последующие семь лет в монетном деле Боспора наблюдается перерыв, связанный с враждебными действиями вторгшихся в Крым германских племен готов, боранов, герулов (рис. 35) и их сарматских союзников. На это время и приходится гибель крепости.

«Смутные времена» (4 экскурс в историю)

Германцы продвинулись к восточным границам Боспора из Северо-Западного Причерноморья около середины III в. Римляне к этому времени оставили большую часть Дакии и отвели часть гарнизонов из Северного Причерноморья. Боспорское государство фактически осталось один на один с варварами. Их появлению, наверняка, предшествовали слухи о силе и многочисленности надвигающихся полчищ, о том, что наряду с вооруженными мужчинами там толпы женщин и детей, и всем им нужна земля, которая могла бы прокормить такое множество людей. Судьба Горгииппии и Танаиса, боспорского города в устье Дона, разрушенных в результате нападения племен готского союза, настраивала далеко не на оптимистический лад.

Рис. 34. Статер Рескупорида IV

Рис. 35. Германский воин первых веков нашей эры

О ситуации, сложившейся на Боспоре в этот период, повествует автор V в. Зосим: «Когда у них [боспорцев] царская власть переходила от отца к сыну, то по дружбе с римлянами, из-за торговых выгод и посылаемых им каждый год даров — они преграждали путь скифам³⁹, желающим переправиться в Азию; когда же после гибели царского рода к власти пришли некие неблагогородные и негодные люди, то из страха за себя они открыли скифам проход через Боспор в Азию и дали им для переправы свои суда» (Zosim. I. 31). К числу этих «неблагородных людей», видимо, можно отнести некоего Фарсанза, чеканившего статеры от своего имени в 253/54–254/55 гг. В любом случае, в период ожесточенного натиска готов на границы Римской Империи Боспор охвачен какой-то внутренней и внешней борьбой, о конкретном содержании которой мы можем только догадываться. В итоге, очевидно, было достигнуто соглашение: варвары оставляют в покое царские владения, получая взамен возможность использовать боспорский флот для пиратских действий.

Первый морской поход с территории Боспора, главной ударной силой которого было германское племя боранов, состоялся в 256 г. н. э., и был направлен на Питиунт (совр. Пицунда). Выбор оказался не очень удачным. Этот хорошо укрепленный опорный пункт римлян на кавказском побережье защищал сильный гарнизон под командованием военачальника Суккессиана. Варвары смело бросились на город, но, получив достойный отпор, сами оказались в сложном положении. Дело в том, что сразу по прибытии, понадеявшись на свои силы, они разрешили кораблям отплыть назад. Теперь бораны могли рассчитывать только на себя. Им удалось захватить первые попавшиеся корабли в районе Питиунта и, преодолев массу трудностей, вернуться к берегам Меотиды (Азовского моря). Трудности вполне понятны, если учесть, что жестокая осенняя непогода унесла в этом районе Черного моря, называвшие-

³⁹ Этот термин здесь следует понимать скорее в географическом аспекте, в другом месте говорится о «скифах, именуемых готами».

гося в древности Понт Эвксинский — «гостеприимное море», немало жизней мореходов. Ведь на кавказском побережье при сильном шторме далеко не везде можно пристать к берегу. Красочное описание разыгравшейся стихии оставил плававший в этих местах Арриан, римский наместник провинции Каппадокия: «...вдруг нависшая туча разразилась бурей с восточной стороны, принеся с собой сильный и прямо противный нам ветер, который чуть не погубил нас: в короткое время он так взволновал море, что вода в изобилии влилась к нам с обеих сторон, не только со стороны весел, но даже через нос и корму. Это напоминало следующий трагический стих: “одну волну мы вычерпывали, а другая вливается”» (Arrian. Peripl. 5).

На следующий год «скифы» снова отправились в плавание. Теперь путь их лежал дальше, к берегам реки Фасис, где находился одноименный город, известный богатствами своего храма. Захватить сходу их так и не удалось, а условия местности не позволяли развернуть долговременную осаду. Еще Гиппократ писал об этой области, что она «болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей». Надо полагать, что крепость с гарнизоном из 400 отборных воинов, стенами и башнями из обожженного кирпича и двойным рвом также не вызвала энтузиазма у любителей легкой добычи. Тогда было принято решение взять реванш в Питиунте. К тому же наверняка варварам стало известно, что герой прошлого года, Суккессиян, был отозван императором Валерианом в Антиохию, на театр военных действий против Персии. Скорее всего, никто в городе не рассчитывал, что бораны и их союзники отважатся напасть снова, и, соответственно не готовились к обороне. Последствия этого заблуждения были весьма печальны: вражеское войско без малейшего затруднения захватило городские укрепления, вырезало бывший там гарнизон, и двинулось дальше на Трапезунт. Несмотря на размещенное там более чем десяти тысячное войско, боевой дух защитников крепости оставлял желать лучшего. Многие предавались развлечениям и пьянству, бросая городские укрепления на произвол судьбы. Осаждавшие не преминули этим воспользоваться. Однажды ночью, они поднялись на стены по заранее подготовленным бревнам и открыли ворота. Толпы варваров хлынули в Трапезунт, громя храмы и подвергая все безудержному грабежу. Затем с бесчисленным количеством сокровищ и пленных, обогащенные опытом осады крупных римских городов, они вернулись назад с огромным количеством кораблей.

В это время рубежи Империи подверглись нападению и других врагов: персов на Востоке, готов во Фракии, франков в Галлии, аламаннов в Северной Италии. Именно этим можно объяснить успех нового похода варварских «друзей Боспора», совершенный в 264 г., когда они опустошили прибрежные и глубинные районы Малой Азии. Спустя три года

нападению германского племени герулов, также использовавших берега Меотиды, как свою базу, подверглись многие города Греции. Византийский писатель Синкелл сообщает о 500 судах варваров, отправившихся в плавание. Несмотря на всю условность этой цифры, численность их войска вряд ли насчитывала менее 25 тыс. человек. Поскольку в Малой Азии взять уже было нечего, флотилия появилась близ устья Дуная, и подвергла разгрому прилегающую местность. Далее ожесточенные сражения развернулись в районе черноморских проливов. Византий, будущий Константинополь, был взят штурмом. В одной из морских битв даже пал командующий римскими кораблями Венериан. Уже на следующий день герулы миновали Пропонтиду, захватили крупнейший город Вифинии, Кизик, и вышли на простор Эгейского моря. Теперь можно было передвигаться от острова к острову, безбоязненно их опустошая. Как в свое время флот персидского царя Дария, корабли герулов пересекли море с востока на запад и оказались у побережья Греции. Огромные культурные ценности Афин, Элевсина, Коринфа и Аргоса, оваянная древней славой Спарта — все было обречено на беспощадный разгром. Только небольшой отряд афинян во главе с историком Дексиппом решился оказать сопротивление и занялся партизанской войной против превосходящих сил противника. Но нападения из засад и уничтожение отдельных отрядов герулов не могли вынудить варваров покинуть благословенную южную землю. В конечном итоге решающую роль сыграли действия нового римского флота, уничтожившего многие из принадлежавших им кораблей. Поражения «скифов» на море, а затем и на суше, вынудили их выбрать обратный путь через Беотию, Эпир, Македонию и Фракию. Сам император Галлиен (260–268) пожелал стяжать лавры в борьбе с варварской угрозой. Со своей армией он напал на врагов, которые, отступая, оставили на поле боя три тысячи убитых. В этой ситуации один из герульских вождей даже перешел на сторону Галлиена и впервые в римской истории «варвар» получил знаки консульского достоинства. Оставшиеся в живых герулы продолжали с боями отступать на север. Их положение облегчил срочный отъезд императора в Италию, где против него вспыхнул мятеж. Только переброска значительной части войск под Милан дала «скифам» возможность прорваться через Дунай и вернуться к берегам Меотиды.

Последующие годы стали далеко не лучшими для населения Боспорского царства. Морские походы варваров продолжались. Только разгромом, учиненным германцами на Боспоре, и захватом всего местного флота можно объяснить тот факт, что герулы, выступившие во главе антиримской коалиции в 269–270 гг. н. э., смогли собрать для похода около 2000 кораблей. В то же время готы двинулись из Северо-Западного Причерноморья в таком количестве, что «реки были выпиты, леса уничтожены» (SHA. XXV. 6. 6). Борьбу с новым нашествием возглавил преемник

Галлиена, один из опытнейших полководцев Империи, Марк Аврелий Клавдий (268–270). В сложившейся ситуации он считал, что война против варваров — дело всего государства. Дунайские легионы были приведены в состояние полной боевой готовности, приморские города срочно снабжались всем необходимым на случай осады, формировались городские ополчения. На этот раз «скифов» преследовали неудачи. В черноморских проливах их флотилию разметало бурей, Византию и Кизику удалось отбить нападение. Попытки с помощью многочисленных осадных машин штурмом взять такие крупные города на побережье Македонии, как Фессалоники и Кассандрия, пришлось прекратить из-за приближения императорских войск. В авангарде их действовали конные отряды из провинции Далмация. Уже в первой стычке они сумели изрядно потрепать отступавших варваров, потерявших не менее трех тысяч убитыми. В решающем сражении под Наиссом (совр. Ниш), ценой огромного напряжения сил, победа осталась за римлянами. Часть варварских кораблей проникла в Восточное Средиземноморье и напала на острова Родос, Кипр и Крит, но они гибли «истребляемые то морскими битвами, то бурями» и лишь немногие смогли вернуться назад. Последний поход припонтийских племен от берегов Меотиды на римские провинции Малой Азии состоялся в 275–276 гг. н. э. И на этот раз также использовались боспорские корабли, уничтоженные на обратном пути римским флотом у берегов Таврики. В том же году соправителем Рескупорида IV Тиберием Юлием Тейраном (275/76–278/79) была одержана какая-то крупная победа, судя по надписи на постаменте памятника «богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице» (КБН № 36), равносильная спасению государства. Очевидно, она связана с борьбой против участников похода 275–276 гг. н. э. и восстановлением в полном объеме власти боспорских царей, которые снова начинают именоваться «друг цезаря и друг римлян».

По-видимому, основная территория Боспорского царства подверглась разорению со стороны озлобленных неудачами и потерей большей части награбленного германцев вскоре после 267 г. Наряду с отдельными поселениями Керченского полуострова жертвой варваров пала и крепость Илурат. Скорее всего, ее жители получили известие о нападении заранее, ведь укрепленные пункты на западных рубежах государства находились не так уж далеко друг от друга и, очевидно, были связаны между собой световой сигнализацией. Защищать крепость, судя по всему, было признано бессмысленным. Почему это произошло, возможно, в какой-то степени объясняют результаты недавних раскопок в северо-восточном районе городища. Здесь исследовался дом, настолько основательно разрушенный в результате землетрясения где-то около середины III в. н. э., что каменный завал мощностью до метра даже не стали разбирать, а прямо на его выровненной поверхности надстроили и укрепили старые или возвели новые стены. Между землетрясением и прекращением

существования упомянутого дома прошло не так уж много лет, так как новый уровень двора не успели перекрыть вымосткой. Для сравнения можно привести следующий пример: даже в процветающих Помпеях далеко не все постройки, рухнувшие во время большого землетрясения 63 г. н. э., были восстановлены даже через шестнадцать лет, к тому моменту, когда город был навечно погребен под пеплом Везувия.

Следы серьезных повреждений, вызванных мощной сейсмической волной около середины III в. н. э., отмечены и на ряде других поселений Европейского Боспора с террасированными склонами. Даже если стены и башни Илурата, хотя бы частично пострадали в результате подземных толчков, восстановить их в условиях нестабильной обстановки и финансовых затруднений в государстве вряд ли представлялось возможным. Тогда становится понятным, почему нормальная жизнь в крепости протекала только до этого момента. Уже в первые годы раскопок анализ вещевых находок в илуратских домах показал, что с начала второй половины III в. н. э. Илурат перестал быть важным опорным пунктом на западных подступах к столице Боспора. Это не значит, что жизнь в городе полностью замерла. В нем продолжало обитать рядовое население. Но здесь уже не было той командной верхушки, которая прежде играла руководящую роль в жизни гарнизона крепости. Богатые большие дома центральных кварталов в завершающий период существования Илурата были покинуты их бывшими владельцами. Пришедшие в плохое состояние, лишенные своего внутреннего убранства и обстановки, они продолжали использоваться простыми горожанами, оставшимися жить здесь на свой страх и риск в то беспокойное время. Когда после 267 г. н. э. ситуация в государстве внезапно обострилась, последние обитатели полуразрушенной крепости не стали защищать ее и покинули свои дома в спешном порядке.

Видимо о нападении стало известно заранее, но времени на сборы оставалось немного. Отсюда та картина, которая была зафиксирована археологическими раскопками: брошенный кое-где скот, порой представляющие материальную ценность вещи, оставленные впопыхах. Наконец, все тот же клад, владелец которого так и не вернулся за припрятанными деньгами. Город горел, но лишь отдельные дома погибли в пламени пожара. Целенаправленные действия прослеживаются только в отношении самой мощной южной башни крепости. Первый этаж ее доверху набили таким горючим материалом, как камыш. Когда его подожгли, жар был настолько сильным, что камни стен раскалились докрасна и частью искрошились. Надо думать, этот прощальный костер еще долго видели илуратцы, скорее всего, ушедшие под защиту стен Пантикапея.

Через несколько лет положение на Боспоре стабилизировалось, но средств для восстановления прежних укрепленных пунктов, в частности Илурата, видимо, уже не хватало. Судя по отдельным строительным остаткам, кто-то еще возвращался на родное пепелище, но оборонительные сооружения так и остались лежать в руинах.

Глава 7

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

За два с небольшим столетия существования Илурата рядом с городом живых успел вырасти город мертвых — некрополь. Умерших илуратцев хоронили вдоль дорог, которые вели из крепости. Самый большой некрополь начинался примерно в двухстах метрах от юго-западных ворот. Еще Дюбрюкс отмечал здесь могилы, высеченные «горизонтально в скале, наподобие гротов» (Дюбрюкс, 2010. С. 310). Они были разграблены еще в древности и находились в открытом состоянии.

В этом месте одновременно со строительством погребальных сооружений велись интенсивные разработки камня, который тут же шел в дело. Каменные блоки выламывали, в основном, следующим образом. Сначала намечались размеры подлежащей выемке глыбы. Затем примерно на равном расстоянии друг от друга сверлились отверстия для клиньев. Далее глыбу могли отделить от основного массива скальной породы либо железными клиньями, вбивая их одновременно, либо с помощью клиньев, изготовленных из хорошо высушенной древесины. В таком случае их плотно вбивали в подготовленные отверстия, поливали водой и после разбухания дерева каменный блок откалывался. В ряде мест еще и теперь видны отверстия для выламывания камня или грубо отесанные блоки, которые так и не успели вывезти.

При раскопках верхнего некрополя Илурата обнаружено уже более двухсот погребальных сооружений нескольких типов: от использованных под погребения выемок, образовавшихся после выборки камня, и рядовых грунтовых могил до вырубленных в скале впечатляющих пещерообразных катакомб с открытым входным коридором-дромосом (рис. 36) и одно- двухкамерных склепов из хорошо отесанных блоков известняка (рис. 37), в которых иногда встречаются ниши для светильников. Такая деталь говорит о том, что они строились как семейные усыпальницы и посещались неоднократно. В отдельных случаях сохранились остатки полуцилиндрического или уступчатого свода, который когда-то мог дополняться небольшой курганной насыпью высотой не более 3 м. Все это вполне соответствует той картине социального неравенства жителей Илурата, которая была получена при анализе местного домостроительства.

Для погребального обряда верхнего некрополя характерно трупоположение с западной ориентацией. Многие могилы были ограблены еще в древности, но не все, что сопровождало умерших, бесследно исчезло. Согласно древним

Рис. 36. Катакомба. Верхний некрополь

представлениям в загробном мире человек по-прежнему нуждался в пище, питье и необходимых для жизни вещах. Поэтому в захоронениях жителей Илурата часто встречается столовая краснолаковая посуда — миски, тарелки, чашки — и более простые красноглиняные сосуды, глиняные светильники, металлические застежки-фибулы и пряжки. Значительно реже в мужских погребениях попадает оружие: копья, длинные мечи, кинжалы и наконечники стрел. Для женских погребений характерны небольшие, подвешивавшиеся к поясу бронзовые футляры-игольники и изготовленные из того же металла, когда-то отполированные до блеска, небольшие круглые зеркала с боковым ушком. Несомненно, им придавалось особое значение, поскольку все они намеренно повреждены и это несет в себе скрытый сакральный смысл. Понять его помогают этнографические наблюдения относительно магического значения зеркал у различных народов. Одно из самых распространенных представлений об их влиянии на человека является вера в то, что в них, как и в воде, отражается его душа. До сих пор, как в старину, многие верят в магические свойства зеркала, как двери в потусторонний мир. И, если зеркало разбилось — это очень плохая примета: можно накликать на себя большую беду или смерть. Соответственно поврежденное зеркало как бы символизирует смерть его владелицы.

Благодаря любви илуратских женщин к украшениям до нас дошли браслеты и перстни из бронзы, наборы бус из разноцветного стекла, стеклянной пасты, сердолика, халцедона, янтаря и гешира. Иногда ими обшивали подол и рукава одежды. Только немногие представители зажиточных семей могли

Рис. 37. Однокамерный склеп. Верхний некрополь

унести с собой в могилу изделия из золота, большей частью расхищенные древними и современными грабителями. Среди них серьга, подвеска, кольцо и перстень с выбитой с помощью пунсона греческой надписью. Она состоит всего из двух слов «Μάδη πσυχή», которые можно перевести следующим образом: «душа Мады». Это женское иранское имя⁴⁰ запечатлено на изделии,

⁴⁰ Возможно, оно связано с иранским корнем *mad-, восходящим к *mada-, авест. *madu- — «мед», «опьяняющий напиток».

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

носившем подарочный или мемориальный характер, хотя во всех случаях, когда обстоятельства находки нам известны, перстни происходят из могил. Невольно вспоминается небольшое стихотворение, написанное незадолго до смерти императором Адрианом (117–138):

Душенька моя, скиталица,
И тела гостя, спутница,
В какой теперь уходишь ты,
Унылый, мрачный, голый край
Забыв веселость прежнюю.

(SHA. I. 25. 9)

Наиболее ранние из погребальных комплексов второй половины I — начала II в. н. э. были открыты на северном участке верхнего некрополя, прилегающем к городу. Среди них выделяется большой однокамерный склеп № 52. Хотя его еще в древности почти полностью разобрали на камень, сохранившиеся фрагменты кладки и детали устройства позволяют представить, как работали древние строители. Сначала они вырубили в скале огромный котлован. Затем в нем возвели близкую по форме к прямоугольной погребальную камеру и ведущий в нее коридор — дромос — длиной более 2,5 м со стенами, сложенными в технике «кордон на ребро, плита на образок»: нижний ряд блоков известняка (до 1,35 × 0,95 × 0,3 м) поставлен на торец, верхний — уложен горизонтально. Такими же, судя по всему, были и несохранившиеся стены склепа. Тем не менее, об его размерах (5 × 3 м) можно судить по конфигурации пола из тонких, но достаточно крупных известняковых плит (до 1,2 × 0,8 м) и подрубам на скальной поверхности.

Находки в ограбленном и разрушенном склепе практически отсутствовали. Совершенно другая картина открылась при исследовании прилегающей к нему территории, которая представляла собой своеобразную ритуальную площадку, сохранившую следы проводившихся на этом месте обрядов. Наряду с остатками погребальных костров здесь присутствовали следы поминальной трапезы в виде костей коровы, овцы, ягненка, свиньи, птиц и рыб. Особая роль отводилась жертвенным животным. Близ склепа, в разных концах ритуальной площадки были обнаружены скелеты шести лошадей и нескольких собак.

С захоронениями животных связана особая символика. Так, образ собаки в древних религиозных представлениях нередко наделен идеей смерти. Вспомним чудовищного пса Кербера охранявшего вход в подземное царство Аида, владыки мертвых. Амфитрита, супруга бога моря Посейдона, в некоторых мифах именуется собакоголовой и выступает как богиня смерти. Считалось, что ужасная трехголовая Геката, покровительница колдовства, бродит по ночам среди могил в сопровождении огромных псов. Именно поэтому в посвященных ей мистериях использовалась кровь собак. Наряду со змеей неизменным атрибутом образа бога врачевания Асклепия была собака, как знак того, что итогом лечения может быть не только жизнь, но смерть. Таким образом, являясь другом

и помощником человека, собака как бы провожала его и до порога смерти, обитая на границе двух миров, земного и потустороннего.

Конь, в отличие от собаки, рассматривался не как проводник, а как средство доставки души умершего в иной мир. У многих иранских народов конь — это неременный участник поминальных обрядов. Так, у осетин для них выделяли специальных лошадей, которых намеренно загоняли до смерти. В илуратских захоронениях низкорослые, не особенно ценные лошади как бы продолжают свой бег, так как передние и задние ноги у них согнуты в позе «летающего галопа».

Среди остатков ритуальных тризн, совершавшихся близ склепа № 52, присутствовали фрагменты краснолаковых сосудов, оплавленное стекло и обломки изделий из бронзы, но в 1984 г. там была сделана совершенно уникальная находка, которой стоит уделить особое внимание.

При расчистке развала камней близ склепа, на глубине всего полметра от современной поверхности, стали попадаться куски терракоты, преднамеренно разбитой при погребении. Их было так много, что поначалу казалось это фрагменты нескольких статуэток. В итоге все они сложились в не имеющую аналогий в Северном Причерноморье терракотовую статую высотой 0,62 см. При реставрации выявились следующие утраты: отсутствуют руки, прикреплявшиеся отдельно, и часть стопы правой ноги.

Терракота изображает свободно стоящую в легком развороте фигуру. На голове ее стефана⁴¹ с накинутым сверху гиматием, край которого свернут жгутом и перекинут через левую руку. Под ним хитон, перехваченный ниже груди узким поясом и образующий множество живописных складок. Удлиненно-овальное лицо богини абсолютно симметрично, нос прямой, дополнительная проработка зрачков больших глаз отсутствует. Тщательно уложенные над высоким лбом вьющиеся пряди волос разделены посередине пробором. От ушей, прикрытых прической, на плечи спускаются два волнистых локона. Обратная сторона терракоты трактована достаточно суммарно, имеются следы работы стекой. Внутри она полая, открытая снизу. Стыки отдельных частей, изготовленных в нескольких формах, тщательно заглажены. Глина изделия, несомненно, боспорская: кирпично-красного цвета, в изломе темно-серого, вследствие неравномерного обжига, слоистая, с примесью частиц извести.

Описанная терракотовая статуя, безусловно, относится к произведениям высокого художественного уровня с весьма тщательной проработкой деталей. Напрашивается вывод, что это нерастиражированный образец продукции одной из боспорских керамических мастерских, в которой использовалась составная форма, скорее всего, не местного производства. Прототипом для ее изготовления, очевидно, послужила какая-то монументальная скульптура. В свое время была высказана мысль о том, что это изображение Афродиты, культ которой был широко распространен на Боспоре в первые века н. э. Углубленное изучение

⁴¹ Стефана — женское головное украшение, похожее на старинный русский кокошник.

иконографии женских божеств позднеантичного периода заставило усомниться в этом предположении. Конечно, вполне определенная идентификация данного образа затруднена, поскольку утрачены не только руки, но и находившиеся в них атрибуты богини. Тем не менее, сходную трактовку женского божества мы находим в римском искусстве императорского периода. Это изображения Фортуны с рогом изобилия в левой руке из Рима, Остии и Том, датирующиеся II в. н. э. Наиболее близок к нашему варианту образ богини судьбы, воплощенный в мраморной статуе высотой 2,21 м из Остии, где в правой руке она держит рулевое весло.

Видимо, все отмеченные произведения скульптуры восходят к оригиналу более раннего времени. На это указывает такая деталь, как прическа с вьющимися, уложенными на прямой пробор волосами и двумя длинными волнистыми локнами по обе стороны шеи. Подобная мода просуществовала достаточно недолго, т. к. она запечатлена только на скульптурных портретах Агриппины Старшей, внучки императора Августа и матери Калигулы. Известно, что в период его правления женщины, принадлежавшие к династии Юлиев-Клавдиев, получали беспрецедентные общественные почести. Светоний сообщает, что во время ежегодных поминальных обрядов и цирковых игр изображение Агриппины везли на особой колеснице. Очевидно, в данном случае Калигула увековечил ее память, чтобы возвысить себя демонстрацией глубокой скорби и лишней раз привлечь внимание к своему родству через нее с Августом. Агриппина, как и ее дочери на монетах Калигулы, могла быть представлена в образе Фортуны с рогом изобилия в руке. Не исключено, что это официальное изображение послужило прототипом для целого ряда произведений монументальной скульптуры. Они могли копироваться, в том числе средствами коропластики, для провинций и знати вассальных государств, стремившихся продемонстрировать свою лояльность по отношению к Риму. На Боспоре это могло быть следствием введения царем Митридатом VIII в начальный период его правления почитания матери императора в образе Фортуны или скорее ее греческого аналога — Тихе. Резкое изменение политики боспорского царя при Клавдии, связанное с войной, вспыхнувшей в 45 г. н. э., вполне вероятно, сопровождалось демонстративным уничтожением памятников искусства, связанных с представителями императорской фамилии. Может быть, поэтому высокохудожественная терракотовая статуя дошла нас среди находок, связанных с небольшой крепостью в глубине Керченского полуострова, тогда как в крупных боспорских городах подобные изделия неизвестны.

Владелец терракоты, судя по размерам склепа, ряду деталей погребального обряда и сопутствующим захоронениям лошадей с металлическими деталями узда, был достаточно состоятельным выходцем из сарматской среды. Что могло привлечь его в образе Фортуны (Тихе)? Видимо, связанное с ней понятие счастья, удачи. Для кочевника это могло значить многое: богатая военная добыча, приумножение скота, благосостояние племени. Очевидно, именно благодаря этому избрал Тихе своей покровительницей Хрисалиск, которого Н. И. Со-

кольский (1916–1973), исследовавший его резиденцию конца I в. до н. э. на Таманском полуострове, считал представителем ираноязычных аспургиан, поступивших на службу к боспорским царям.

Иногда при раскопках верхнего некрополя фиксировалось вторичное использование погребальных сооружений в то время, когда крепость уже лежала в развалинах, а возле нее обитала небольшая группа кочевников, входивших в гуннский племенной союз. В частности, такая картина была обнаружена в двухкамерном склепе со ступенчатым дромосом № 18-н, перекрытом обрушившимся полуциркульным сводом. Первоначальное погребение II — первой половины III вв., было почти полностью ограблено. Впрочем, сохранилась одна впечатляющая деталь: под полом погребальной камеры находилась вырубленная в скале выемка, где лежал в вытянутом положении скелет мужчины, которого в иной мир сопровождали лишь небольшой железный ножик и самодельная пряжка из бронзовой проволоки. Скорее всего, это захоронение человека, специально умерщвленного при постройке усыпальницы или в период похорон.

На уровне пола были найдены незамеченные грабителями изготовленные из золота предметы, относившиеся к погребению начала V в.: кусочек фольги, кольцо и великолепной сохранности монета. Это ауреус⁴² правителя Западной Римской империи Гонория (395–423), того самого, при котором Вечный город в 410 г. впервые был взят варварами — вестготами во главе с их вождем Аларихом. Император тогда отсиделся в считавшейся неприступной Равенне, избранной им в качестве постоянной резиденции. Там и была отчеканена упомянутая монета 999 пробы с изображением бюста Гонория в диадеме на лицевой стороне и его же в военном облачении, попирающего лежащего варвара. При этом в левой руке он держит сферу (державу), а богиня Виктория поднимает над его головой победный венок.

Другая найденная в некрополе монета этого времени — медная, выпущенная в обращение около 395 г. в Сирмии, крупном римском городе на среднем Дунае (территория совр. Сербии). Она происходит из круглого наземного сооружения диаметром около 7 м⁴³. Остатки таких построек, кладка которых имеет небольшой наклон внутрь, принято считать основаниями кочевнических юрт-зимников.

Вполне допустимо предположить, что владельцы упомянутых монет, окончившие свои дни у стен бывшего Илурата, были участниками бурных событий эпохи великого переселения народов. Ведь в тот период вся Европа пришла в движение, и не было ничего необычного в том, что человек, родившийся в степях Северного Причерноморья, несколько десятилетий спустя мог начать новую жизнь где-нибудь на берегах Северной Африки. К этому времени, видимо, относятся и раннехристианские кресты, высеченные на стенах одного из вторично использованных склепов.

⁴² Название происходит от лат. *aurum* — золото.

⁴³ Близ Илурата такое сооружение далеко не единственное. Аналогичные постройки, датирующиеся достаточно широко — V–VII вв. известны на Гераклеюском полуострове недалеко от Херсонеса и в Танаисе.

Наличие к северо-западу от городища другого некрополя, получившего условное обозначение «нижний», было зафиксировано лишь в 30-е гг. XX в. Тогда в Керченский музей стали поступать отдельные находки из могил, случайно обнаруженных на территории деревни Ивановка. В. Ф. Гайдукевич провел здесь небольшие раскопки и открыл только две разграбленные плитовые могилы. Тем не менее, он считал этот, как ему представлялось, грунтовый некрополь основным для Илурата.

В дальнейшем систематического изучения данного археологического памятника не проводилось. В 1968 г. М. М. Кублановым на восточной окраине деревни были раскопаны три из 18 погребений, случайно обнаруженных на приусадебных участках при земляных работах. После продолжительного перерыва, нижний некрополь исследовался только в 1988–1989 гг., да и то благодаря случайным обстоятельствам.

Если обратиться к личным воспоминаниям, то все началось с прокладки нескольких линий так необходимого деревне водопровода. Однажды, когда на городище, как обычно, шли раскопки, после завершения рабочего дня ко мне прибежал местный пастух и сказал, что вдоль двух улиц начала работать специальная машина для прокладки траншей. По его словам, в борту одной из них он увидел небольшую дырку, поковырял там палкой и вытащил какие-то трубочки. При этом он раскрыл ладонь, на которой лежали покрытые налетом пыли две рубчатые пронизи, свернутые из тонких золотых пластинок. Внешне эти маленькие трубочки не производили впечатления изделий из драгоценного металла, и я не стал говорить, что они золотые, не желая вызвать ненужный ажиотаж. Поблагодарив пастуха, я попросил его показать место находки. На южной окраине деревни, от одного перекрестка до другого, тянулась траншея шириной в верхней части 1,3 м и глубиной около 1,5 м. Нашлась и вертикальная дырка. Она образовалась после того, как ровно был срезан угол древней могилы в виде каменного ящика. На следующий день здесь был заложен небольшой раскоп. Плиты перекрытия оказались неповрежденными, и это давало надежду на то, что погребение неразграблено. Действительно там, среди остатков досок от деревянного гроба, лежал слегка присыпанный просочившейся землей скелет женщины средних лет, потревоженный только грызунами. Один из них переместил золотую серьгу с замком в виде петли и крючочка на полметра, в район плечевой кости. Другая серьга осталась на своем месте, у нижней части черепа. В районе шеи была обнаружена россыпь бус из сердолика, халцедона и гагата⁴⁴ от ожерелья, куда были включены и золотые пронизи. От полностью истлевшего платья сохранились бусины, украшавшие края рукавов и подола, от пояса — бронзовая пряжка. К поясу были подвешены три бронзовых колокольчика и небольшое зеркальце со сломанным прямоугольным ушком. В ногах погребенной стоял набор стеклянной посуды:

⁴⁴ Гагат — разновидность каменного угля, легко поддающийся обработке и полировке подолочный камень.

кувшинчик, бальзамарий⁴⁵, стакан и чашечка на кольцевом поддоне. Сохранились также бронзовые детали деревянной шкатулки и краснолаковая миска, где когда-то в качестве заупокойной пищи лежал кусок мяса с костью и воткнутым в него ножом. Но это было только начало!

Когда вдоль Виноградской улицы проложили вторую траншею, перпендикулярно первой, глазам предстала впечатляющая картина: больше двух десятков погребальных сооружений в виде каменных ящиков. Постепенно стали подтягиваться с лопатами ивановцы, готовые начать поиски древних сокровищ. Пришлось снять всех сотрудников экспедиции с городища и перебросить в деревню. Работали полный световой день, чтобы спасти нижний некрополь от разрушения. В результате были вскрыты женские, мужские и детские погребения, многие из которых были полностью или частично ограблены. В одном случае ограбление произошло вскоре после смерти. Плита перекрытия была снята и брошена поблизости, череп и кости грудной клетки молодой женщины 20–30 лет с остатками ожерелья из 135 бусин оказались на краю могилы, а остальные плавно перетекали внутрь ее. Таким образом, грабители извлекли тело, когда скелет еще не распался. Впрочем, отдельные нерядовые находки из женских погребений остались вне поля зрения грабителей. В этом отношении можно упомянуть серебряное кольцо с гранатовой вставкой, на которой помещено резное изображение Афины, опирающейся на копье, и стеклянный перстень из витых нитей желтого и белого цвета. Характерное мужское погребение в плитовой могиле выглядело следующим образом (рис. 38): покойник лежал в истлевшем деревянном гробу, от которого сохранились только гвозди, слева от него находился длинный меч, справа — кинжал. От пояса, к которому они подвешивались, осталась только бронзовая поясная пряжка. Рядом

Рис. 38. Каменный ящик с погребением воина. Нижний некрополь

⁴⁵ Бальзамарий — флакон для душистого масла или благовоний с высоким узким горлом и низким туловом, широко использовался в погребальных ритуалах.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

с кинжалом лежал стеклянный стакан, а в ногах — сероглиняные ойнохоя⁴⁶ и разбитая миска, а также железные детали и ключ от деревянной шкатулки.

Если обобщить имеющиеся данные о нижнем некрополе, включая несколько разграбленных погребений, обнаруженных позднее при строительстве школы, то можно отметить, что он функционировал во второй половине I — начале III в. н. э. Преобладающим типом могилы был каменный ящик, перекрытый несколькими известняковыми плитами. Иногда они просто закрывают углубление, вырубленное в материковой глине. Для погребального обряда характерно трупоположение с западной ориентацией (возможны небольшие отклонения) и достаточно однородным составом погребального инвентаря. Встречаются и более сложные сооружения, например, почти полностью разграбленный склеп из тщательно подогнанных, хорошо отесанных плит. Здесь был вскрыт небольшой ступенчатый дромос, который вел в погребальную камеру размерами 3 × 3 м с остатками уступчатого перекрытия. Видимо, склеп использовался неоднократно: по углам и вдоль его стенок находились остатки не менее пяти человеческих костяков. Поскольку верхние торцы стенок погребальной камеры практически выходили на уровень современной поверхности, над ней, несомненно, была курганная насыпь.

Учитывая протяженность нижнего некрополя и непродолжительный срок его функционирования, можно предположить, что этот участок служил местом захоронения жителей не только Илурата, но и близлежащих сельских поселений, для которых крепость являлась военно-административным центром.

⁴⁶ Ойнохоя — кувшин для вина с одной ручкой и трехсливным венчиком.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Больше семидесяти лет Илурат радует археологов, открывая перед ними свои тайны. Его изучение предоставило в наше распоряжение материалы, освещающие различные стороны жизни боспорских городов первых веков н. э., позволило в общих чертах понять быт и культуру проживавших здесь людей. Особое значение имеет раскрытие в обозримом будущем всех деталей уникальной по сохранности оборонительной системы крепости, что позволит пролить свет на решение многих вопросов не только ее истории, но и всего Боспора в целом.

Конечно, многое еще предстоит узнать и новые открытия еще впереди. В этом отношении обнадеживают результаты последнего полевого сезона на Илурате, после долгого перерыва состоявшегося в 2013 г. Тогда после длительного перерыва исследование Илурата возобновилось силами международной экспедиции Института археологии НАН Украины и Института истории материальной культуры РАН при участии сотрудников Керченского историко-культурного заповедника и Университета им. Николая Коперника в Торуни. На плане Дюбрюкса 1832 г. здесь отмечена круглая башня L, «которая прикрывала угол стены и восточную башню», то есть башню I, по В. Ф. Гайдукевичу. Тщательный осмотр склона скалистого плато к северо-востоку от нее позволил зафиксировать ряд грубо обколотых уплощенных кусков известняка размерами от $0,44 \times 0,27 \times 0,23$ м до $0,66 \times 0,53 \times 0,27$ м, уложенных на один фас. Зачистка показала, что они относятся к остаткам подпорной стены высотой до 1,08 м, сохранившейся на протяжении 3,9 м. Близ ее северо-восточной оконечности, расположенной под небольшим углом к башне I, был обнаружен полукруглый выступ радиусом 4 м, вырубленный в слое надскальной крошки. По линии его внешнего края сохранились два участка кладки из массивных известняковых блоков размерами от $0,51 \times 0,51 \times 0,32$ м до $1,43 \times 0,94 \times 0,73$ м, уложенных выровненными гранями наружу. Пространство между ними и скальным склоном забутовано мелкими камнями и известковой крошкой⁴⁷, в которой встречались фрагменты краснолаковых мисок и светлоглиняных узкогорлых амфор конца II — первой половины III в. н. э. К этому времени, скорее всего, и следует отнести создание конструкции, которая должна была играть роль основания круглой башни с примыкающей

⁴⁷ Конструктивно это напоминает структуру юго-западной оборонительной стены, где в качестве забутовки также использовалась известковая крошка.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

к ней подпорной стеной для предотвращения разрушения расположенной выше линии укреплений в условиях нарастающей сейсмической активности в регионе. Возможно, ту же цель преследовало сооружение еще одной подпорной стены, на плане П. Дюбрюкса примыкающей к башне L и обозначенной буквами AA. В любом случае, сейчас появилась возможность с учетом рельефа местности создать предварительную виртуальную реконструкцию вида крепости с востока.

В заключение подчеркнем особую перспективность комплексного исследования Илурата после его включения в 2014 г. в состав созданного на базе Керченского музея Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Это дает надежду на то, что он обретет новую жизнь и в ближайшие годы превратится в полноценный туристический объект.

Приложение 1

БОСПОРСКИЕ ЦАРИ ОТ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА ДО РЕСКУПОРИДА IV

- 107–63 гг. до н. э. — Митридат VI Евпатор
63–47 гг. до н. э. — Фарнак
47–17 гг. до н. э. — Асандр
21–15 гг. до н. э. — Динамия
14–9/8 г. до н. э. — Полемон
9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э. — Динамия
10/11–37/38 гг. — Аспург
37/38–38/39 гг. — Гепепирия
39/40–44/45 гг. — Митридат VIII
45/46–67/68 гг. — Котис I
68–91/92 гг. — Рескупорид I
93/94–123/24 гг. — Савромат I
123/24–132/33 гг. — Котис II
131/32–153/54 гг. — Риметалк
154/55–170/71 гг. — Евпатор
173/74–210 гг. — Савромат II
210/11–226/27 гг. — Рескупорид II
227/28–233/34 гг. — Котис III
229/30–231/32 гг. — Савромат III
233/34 гг. — Рескупорид III
234/35–239/40 гг. — Инифимей
239/40–275/76 гг. — Рескупорид IV

Приложение 2

«ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ИЛУРАТСКОГО»:
УЧАСТНИКИ РАСКОПОК ИЛУРАТА
при В. Ф. Гайдукевиче в 1948–1966 гг.⁴⁸

В. Ф. Гайдукевич (1904–1966) на раскопках Мирмекия

⁴⁸ Список фамилий по годам был передан автору Н. З. Куниной в 2003 г.

1948

Бойтман Юрий Карлович (1923–2005) — профессор кафедры зарубежного искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академии художеств), кандидат искусствоведения. Автор многочисленных публикаций по искусству XX века. Участник войны: награжден четырьмя орденами — боевого Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, а также несколькими медалями — за оборону Ленинграда, за освобождение Варшавы, за взятие Берлина, за победу над Германией. После успешного выполнения задания по разминированию моста через Шпрее был представлен к званию Героя Советского Союза.

Викторов Измаил Владимирович (1920 — дата смерти неизвестна) — старший научно-технический сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Участник войны: награжден двумя орденами — Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

Грач Александр Данилович (1928–1981) — советский археолог, кандидат исторических наук, крупнейший специалист по археологии древних и ранне-средневековых кочевников Центральной Азии, автор более 100 научных публикаций по этой теме. В 1946–1951 гг. обучался на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Более четверти века руководил археологическими исследованиями в Туве, основал и в течение ряда лет руководил Саяно-Тувинской археологической экспедицией, которая изучала древние памятники в зоне будущего водохранилища.

Кроме того, в 50-х гг. проводил археологические раскопки в городской черте Ленинграда, считается основоположником археологии Петербурга.

Журавлева (по мужу Грач) Нонна Леонидовна (1929–1991) — старший научный сотрудник, зав. сектором Северного Причерноморья Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Родилась в Ленинграде и, будучи школьницей, перенесла все тяготы блокады. После окончания школы поступила на исторический факультет ЛГУ, где обучалась на кафедре археологии в 1947–1952 гг. Принимала участие в раскопках Илурата и Мирмекия. В 1953 г.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

была принята на работу в Отдел античного мира Эрмитажа, где 26 лет спустя стала звездующей сектором Северного Причерноморья. С 1966 по 1990 г. возглавляла Нимфейскую археологическую экспедицию. Самое известное ее открытие — эллинистический храмовый комплекс, где было обнаружено множество фрагментов полихромной стеной штукатурки с многочисленными рисунками и надписями. Среди них оказалось детальное изображение египетского корабля «Исида».

Коновалов Леонард Тихонович — данные биографии отсутствуют.

Никитина Кира Николаевна — обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1946–1951 гг.

Овсянникова Валентина Ивановна — обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1946–1951 гг.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна (1929–2007) — завершила обучение на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1951 г. В дальнейшем шесть лет работала научным сотрудником Керченского историко-археологического музея. В 1957–1959 гг. — аспирант Государственного Эрмитажа, потом работала в Отделе Античного мира, где с 1992 г. заведовала сектором Северного Причерноморья. Пользовалась признанием как специалист по археологии Боспора и античному стеклу.

Рабинович Эсфирь Давидовна (ок. 1923 — дата смерти неизвестна) — в 1941 г. училась на первом курсе исторического факультета Ленинградского университета. Через два года эвакуировалась в Киров, где до конца войны работала в детском доме с блокадными детьми. Окончила Археологическое отделение исторического факультета ЛГУ в 1949 г. Тема дипломной работы: «Исследование Илурата в связи с варваризацией культуры Боспора в первые века нашей эры» (научный руководитель В. Ф. Гайдукевич). Неоднократно принимала участие в работе Боспорской экспедиции. Другие детали биографии неизвестны.

Уханова Галина Алексеевна — в 1946–1951 гг. обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1949

Брашинский Иосиф Бениаминович (1928–1982) — советский историк и археолог, специалист по античности, скифолог; выдающийся представитель советской школы в области изучения амфорной тары и керамической эпиграфики. В 1952 г. с отличием завершил обучение на кафедре истории Древней Греции и Рима ЛГУ. С 1956 г. работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Руководил раскопками Елизаветовского городища на Нижнем Дону.

Викторов Измаил Владимирович — см. выше.

Грач Александр Данилович — см. выше.

Журавлева (Грач) Нонна Леонидовна — см. выше.

Никитина Кира Николаевна — см. выше.

Овсянникова Валентина Ивановна — см. выше.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Плоткина Тамара Львовна (род. в 1929 г.) — дочь зам. директора Института русской литературы Л. А. Плоткина. По образованию учитель истории, жена И. Б. Брашинского.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Рудина (Герцигер) Дора Самуиловна (род. в 1928 г.) — обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1947–1952 гг. Впоследствии сотрудница Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. В настоящее время проживает в Израиле.

Уханова Галина Алексеевна — см. выше.

1950

Большакова Людмила Федоровна (род. в 1929 г.) — упоминается в списке детей, эвакуированных в 1942 г. из блокадного Ленинграда в Ярославскую область. Другие детали биографии неизвестны.

Гаазе Наталья Николаевна (1931–1978) — родилась в Ленинграде, в 1941 г. со школой была эвакуирована в Кострому, где окончила 7 классов. В 1948 г. поступила на исторический факультет ЛГУ. В 1954 г. защитила на кафедре археологии дипломную работу на тему «К вопросу о культуре поздних скифов (по раскопкам Неаполя Скифского)». Неоднократно ездила в археологические экспедиции в Крым. В 1956 г. зачислена в штат Публичной библиотеки в группу иностранной периодики (знала французский, немецкий, латинский и греческий языки). Писала стихи,

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

посвященные Илурату и людям, раскапывавшим его. Сохранились, например, такие строки: «Но горд отряд илуреатов: им благ земных дороже — честь! Они готовы без зарплаты в горшках лепных сметану есть!»».

Галанина Людмила Константиновна (1929–2010) — в период обучения на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ (1947–1952) специализировалась в области античной археологии. Ее дипломной работой «Сельские укрепленные поселения Гераклейского полуострова» руководил В. Ф. Гайдукевич. В 1953 г. поступила на работу в Государственный Эрмитаж. В дальнейшем ее интересы сместились в область скифской и меотской археологии.

Гартман Ирина — данные биографии отсутствуют.

Кастанаян Елизавета Григорьевна (1910–1990) — родилась в Нахичевани, районе Ростова-на-Дону, в армянской семье, которая с 1911 г. проживала в Петербурге. В 1932 г. закончила Ленинградский историко-лингвистический институт, где специализировалась по античной археологии. С 1938 г. после завершения аспирантуры работала научно-техническим сотрудником в секторе Древнего Причерноморья Института истории материальной культуры АН СССР. Во время блокады лишилась ребенка и мужа. В послевоенные годы начала активно работать в Боспорской экспедиции. В 1953 г. руководила раскопками Порфмия, которые возобновила с 1968 г. и проводила почти двадцать лет вплоть до ухода на пенсию. В течение ряд лет была заведующей Группой античной археологии ЛОИА АН СССР.

Никитина Кира Николаевна — см. выше.

Овсянникова Валентина Ивановна — см. выше.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Плоткина Тамара Львовна — см. выше.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Рудина (Герцигер) Дора Самуиловна — см. выше.

Уханова Галина Алексеевна — см. выше.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1951

Анашкина Инна (отчество неизвестно) — обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1947–1952 гг.

Галанина Людмила Константиновна — см. выше.

Голенко Константин Константинович (1929–1975) — потомок героя Крымской войны и обороны Севастополя К. П. Голенко, родился в Москве. Специалист по античной нумизматике, зав. Отделом нумизматики Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, в последние годы жизни сотрудник Отдела античной археологии Института археологии АН СССР.

Грудинский Николай — данные биографии отсутствуют.

Овсянникова Валентина Ивановна — см. выше.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Силантьева Лина (Пелагея) Федоровна (1904–1981) — поступила на работу в Государственный Эрмитаж в качестве помощника хранителя, с 1931 г. научный сотрудник II разряда отделения Причерноморских городов Отдела Доклассового и Раннеклассового общества, в дальнейшем заведующая сектором Северного Причерноморья в Отделе античного мира. В годы войны принимала участие в эвакуации музейных ценностей в Свердловск. В сферу ее научных интересов входили, прежде всего, проблемы истории искусства и культуры античных городов Северного Причерноморья. Участвовала в работе Ольвийской, Нимфейской и Боспорской археологических экспедиций.

Шувалова Галина (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

1952

Гаазе Наталья Николаевна — см. выше.

Жильцова Нина (отчество неизвестно) — обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1948–1953 гг.

Ковальская Кира (отчество неизвестно) — обучалась на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ в 1948–1953 гг.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Силантьева Лина Федоровна — см. выше.

1953

Колесникова Светлана (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Нейхардт Александра (близкие называли Аллой) Александровна (1920–2007) — известный антиковед, специалист в области историографии Северного Причерноморья античной эпохи. Родилась в Оренбурге, в 1938 г. поступила на исторический факультет ЛГУ, но занятия были прерваны войной. Университетский курс окончила только в 1947 г. Большое влияние на нее оказали учителя — Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевич, особенно в тот период, когда она поступила в аспирантуру при ЛО Института истории материальной культуры АН СССР. Здесь она занялась изучением амфорных клейм, которые стали темой ее кандидатской диссертации «Памятники керамической

эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху» (1952). С 1955 г. работала в Ленинградском отделении Института истории АН СССР и осталась с ним связанной до конца своих дней.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Силантьева Лина Федоровна — см. выше.

Осипенко Ирина (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

1954

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Силантьева Лина Федоровна — см. выше.

Осипенко Ира — см. выше.

Швидко Юрий (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Эвина Светлана (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

1955

Исакова (по мужу-югославу Парович-Пешикан) Майя — обучалась в аспирантуре Института археологии АН УССР в 1956–1959 гг., активно участвуя в раскопках Ольвии. Одновременно работала над текстом книги «Некрополь Ольвии эллинистического времени», которая затем была защищена в Археологическом институте Белграда (Югославия) в качестве докторской диссер-

ПРИЛОЖЕНИЯ

тации в апреле 1960 г. и впоследствии издана в Киеве. Другие детали биографии неизвестны.

Лордкипанидзе Отар Давидович (1930–2002) — выдающийся грузинский ученый, археолог и историк, был действительным членом АН Грузии, директором Центра археологических исследований, профессором Тбилисского государственного университета, членом многих зарубежных научных обществ.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Пучкова Нина (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Силантьева Лина Федоровна — см. выше.

Шалькевич Александр Александрович (1935–2009) — архитектор. Родился в 1935 г. в Минске. Окончил Рижский строительный техникум в 1954 г., затем Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина в 1962 г. Занимался архитектурным изучением Царского кургана в Керчи. Работал в Новгороде в Институте «Новгородгражданпроект», с 1977 г. — главный архитектор института «Архангельскгражданпроект». Разработал проекты шумозащитных домов, генпланы жилых городских образований, подготовил и издал трехтомную книгу по архитектуре Архангельска.

1956

Бабиевский Олег (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Брашинский Иосиф Бениаминович — см. выше.

Гаазе Наталья Николаевна — см. выше.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Силантьева Лина Федоровна — см. выше.

Сороко Л. И. (имя и отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

1957

Гаазе Наталья Николаевна — см. выше.

Никитин В. Н. (имя и отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Сороко Л. И. — см. выше.

1958

Гаазе Наталья Николаевна — см. выше.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

Силантьева Лина Федоровна — см. выше.

1959

Дюков Юрий Леонидович (1939–2007) — научный сотрудник, затем зав. Античным сектором в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа. Родился в г. Ломоносове в 1939 г., пережил самую суровую блокадную зиму. Учился на историческом факультете ЛГУ, который успешно окончил в 1961 г., после чего был зачислен в аспирантуру Государственного Эрмитажа, и специализировался по античной нумизматике.

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Хрущева Татьяна (чертежник) — данные биографии отсутствуют.

1960

Кац Ида (отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Лившиц С. М. (имя и отчество неизвестно) — данные биографии отсутствуют.

Рабинович Эсфирь Давидовна — см. выше.

1966

Питкина (Кунина) Нина Залмановна — см. выше.

Шургая Игорь Георгиевич (1934–1982) — ученик В. Ф. Гайдукевича, исследователь Илурата в 1968–1981 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письменные источники

- Аристотель*. Политика // Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. М., 1983.
- Арриан*. Объезд Эвксинского Понта // ВДИ. 1948. № 1. С. 265–275.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.
- Греческие полиоркеттики*. *Флавий Вегеций Ренат*. Краткое изложение военного дела. СПб., 1996.
- Зосим*. Новая история. Белгород, 2010.
- Дион Хрисостом*. Речи // Поздняя греческая проза. М., 1960.
- Иосиф Флавий*. Иудейская война. Москва; Иерусалим. 2004.
- Лукиан*. Токсарид, или Дружба // Сочинения. Т. I. СПб., 2001.
- Плиний Старший*. Естественная история // Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 1–3. М., 1961–1963.
- Птолемей*. География // Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. СПб., 1890.
- Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
- Страбон*. География. Л., 1964.
- Тацит*. Анналы // Сочинения. Т. 1. Л., 1969.

2. Научная и научно-популярная литература

- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
- Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.
- Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
- Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Бларамберг П.* Замечания на некоторые места древней Тавриды // ЗООИД. 1860. Т. IV. С. 11.
- Бовыкин Д. Ю.* Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. 2006. Вып. 7.
- Боспорские надгробные рельефы. Л., 1990.
- Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.
- Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Васильев А. А.* Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 314–329.
- Вигель Ф. Ф.* Записки. Т. 1. М., 1928.
- Виноградов Ю. А.* Тигель из Илурата // Советская археология. 1983. № 2. С. 229–231.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история Боспорского царства. М., 2017.
- Винокуров Н. И.* Городище Артезиан: инфраструктура и планировка // Боспорские чтения. 2012. Вып. XIII. С. 92–99.

НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА

- Винокуров Н. И., Никонов А. А.* Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 95–103.
- Власова Е. В.* Куль-Оба // Боспорские исследования. 2006. Вып. XIII. С. 47–53.
- Воронов А. А., Михайлова М. Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983.
- Гавинье Ж.-П., Рамос Э., Шильц В.* Поль Дюбрюкс, Куль-Оба и скифы // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010. С. 102–109.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т. XIII. С. 173–204.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. № 85. С. 9–148.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат (раскопки 1954–1960 гг.) // Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л., 1981. С. 76–136.
- Голыженков И.* Армия императорского Рима I–II вв. М., 2000.
- Горончаровский В. А.* Свинцовая гирия из Илурата // СА. 1982. № 1. С. 236–238.
- Горончаровский В. А.* Новый тип двойного денария Савромата II // ВДИ. 1984. № 3. С. 90–93.
- Горончаровский В. А.* Илуратская винодельня // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1985. Вып. 182. С. 89–92.
- Горончаровский В. А. В. Ф. Гайдукевич и изучение Илурата // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 179–188.*
- Горончаровский В. А.* Оборонительная система Илурата // Российская археология. 2006. № 4. С. 146–157.
- Горончаровский В. А.* Золотой медальон III в. н. э. из раскопок Илурата // Археологические вести. 1993. № 2. С. 80–84.
- Горончаровский В. А., Никонов В. П.* Илуратский катафрактарий // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.
- Горончаровский В. А. И. Г. Шургая как исследователь античного Боспора (к 70-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы историографии и исторической науки. СПб., 2004. С. 239–240.*
- Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Т. I–II. СПб., 2010.
- Жиль Ф. А.* Введение // Древности Босфора Киммерийского. Т. I. СПб., 1854. С. I–CLIV.
- Зимин И. В., Соколов А. А.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М., 2013.
- Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Зубарь В. М., Русяева А. С.* На берегах Боспора Киммерийского. Киев, 1998.
- Кларк М.* Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы // Археология и история Боспора. Т. III. Керчь, 1999. С. 11–38.
- Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кубланов М. М.* Апокрифы. Потаенные дневники советского служащего. Записи о событиях 1936–1975 гг. СПб., 2014.
- Ле Боэж Я.* Римская армия эпохи ранней империи. М., 2001.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.
- Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Из воспоминаний: Путешествие с императором Александром I по южной России в 1818 г. // Русская старина. 1897. № 7. С. 92–97.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002.
Очерки истории и археологии Боспора. М., 1992.
Публичное собрание в Вольном обществе любителей российской словесности // Отечественные записки. 1820. Ч. II. С. 88–103.
Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. XIII. М.; Л., 1937.
Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.
Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I–II. СПб., 1913–1914.
Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на Юге России. Пг., 1918.
Санжаровец В. Ф. Некоторые замечания, рассуждения и уточнения, касающиеся текстов статей и комментариев к «Собранию сочинений» Поля Дюбрюкса // Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 744–750.
Санжаровец В. Ф. Романовы и Керчь // Керченская старина. Вып. 1. Симферополь, 2015. С. 58–85.
Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1796–1823. Ч. 2. Одесса, 1838.
Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М., 1999.
Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Л., 1973.
Сумароков П. Досуги крымского судьи. Ч. II. СПб., 1805.
Тетбу де Мариньи Э. В. Павел Дюбрюкс // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 229–231.
Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб., 2010. С. 13–101.
Федосеев Н. Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь, 2017.
Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1–2.
Фролова Н. А., Шургая И. Г. Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1982. № 1. С. 91–97.
Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
Цветашева Г. А. Боспор и Рим. М., 1980.
Шелов Д. Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975.
Шургая И. Г. Аграрная магия в Илурате // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 217–222.

Список сокращений

- БИ — Боспорские исследования. Керчь.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
СА — Советская археология. М.
СНА — *Scriptores Historiae Augusti* = Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. М., 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Признание в любви (от автора вместо предисловия)	3
Глава 1. «Изгнанник на краю Европы»	6
Глава 2. Сто двадцать лет спустя	26
Глава 3. Илурат изначальный	38
Глава 4. Мой дом — моя крепость	55
Глава 5. Илуратские богини	81
Глава 6. Клад, найденный после дождя	88
Глава 7. Живые и мертвые	95
Новые открытия еще впереди (вместо заключения)	105
Приложение 1. Боспорские цари от Митридата VI Евпатора до Рескупорида IV	107
Приложение 2. «Птенцы гнезда илуратского»: участники раскопок Илурата при В. Ф. Гайдукевиче в 1948–1966 гг.	108
Список использованной и рекомендуемой литературы	117

Научно-популярное издание

Горнчаровский Владимир Анатольевич
НА ПОДСТУПАХ К СТОЛИЦЕ БОСПОРА
Античная крепость Илурат в Восточном Крыму

Корректурa *Л. Г. Савельевой*
Технический редактор *Е. М. Денисова*

Подписано в печать 30.05.2019. Формат 70 × 100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,49 + 0,975 цв. ил. Тираж 500 экз. Заказ № F-3174

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Владимир Анатольевич Горончаровский родился в 1954 г. в г. Ленинграде. В 1976 г. окончил кафедру археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В 1978 г. поступил в аспирантуру при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН), где защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. Руководил раскопками таких античных городов Северного Причерноморья как Илурат и Лабрис (Семибратнее городище), а также археологическими исследованиями на территории Республики Кипр, автор десяти монографий и более чем 220 научных и научно-популярных статей по античной истории и археологии. В настоящее время ведущий научный сотрудник, врио заведующего Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. Сфера научных интересов — история и археология античного Причерноморья и Средиземноморья, военное дело античного мира.

ISBN 978-5-6084-2611-7

9 785806 426117